

Т $\frac{59}{71}$

НЕВОЛИН

141/1
РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

У ДРЕВНИХЪ,

сочиненное

для полученія степени Доктора Законовѣдѣнія

Константиномъ Невוליнымъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-11033
ИРМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

— DOG —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Печатано съ одобреніа Юридическаго Факультета при Императорскомъ
Санктпетербургскомъ Университетѣ.

2007096520

РАЗСУЖДЕНІЕ О ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА У ДРЕВНИХЪ.

В в е д е н і е.

§ 1.

Разнообразіе Законовъ человѣческаго общества, кажется, не имѣетъ никакихъ предѣловъ. На одной и той же полосѣ земли Государства одно за другимъ непрерывно возникаютъ и исчезаютъ во множествѣ. Сколько великихъ Державъ видѣла Азія въ своихъ нѣдрахъ? сколько насчитывалъ Греческихъ Республикъ сынъ Греціи во времена ея славы? кто исчислитъ всѣ тѣ, болѣе или менѣе независимыя, Владѣнія, на которыя въ Среднихъ вѣкахъ дробились Италія, Германія и другія земли Христіанскія? И однако, каждое Государство для каждой стороны своей жизни, какъ для союза государственнаго, такъ и для гражданскаго, какъ для учрежденія того и другаго, такъ и для охраненія, имѣетъ свои особенные законы, и не только имѣетъ, но еще, по требованію обстоятельствъ, скорѣе или медленнѣе измѣняетъ ихъ, уничтожаетъ одно, вводитъ вновь другое, прибавляетъ, убавляетъ что нибудь въ старомъ, такъ что въ одномъ и томъ же народѣ въ разные времена его бытія дѣйствуютъ Законы, совершенно отличные одни отъ другихъ.

Посреди безконечнаго разнообразія и непрестанныхъ измѣненій Философія покушается открыть необходимое, простое, всегда себѣ равное. При изложеніи началъ всякаго бытія она простираетъ мысль свою и на область Законодательства, и достигши до понятія Правды и Справедливости, слѣдитъ сіе понятіе въ существенныхъ его видахъ: разсуждаетъ о существѣ правъ и обязанностей, о существѣ закона, о происхожденіи между людьми общежитія и законовъ, наконецъ о раздѣленіи законовъ по главнымъ ихъ родамъ и видамъ, и о существенномъ въ каждомъ родѣ и видѣ.

Между тѣмъ Философія Законодательства подлежитъ, по видимому, той же судьбѣ, какой и Законодательство: о Правдѣ, Справедливости Философы такъ же думаютъ различно, какъ и о всѣхъ другихъ вещахъ; были даже люди, которые, присвоивъ себѣ названіе Философовъ, утверждали, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ справедливаго, а все такъ называемое справедливое есть только человѣческое установленіе.

Но Философія, въ историческихъ ея изслѣдованіяхъ, показываетъ также и взаимное согласіе мужей, которые по достоинству носятъ на себѣ имя любителей мудрости. Не смотря на разныя заблужденія, истина въ теченіи вѣковъ сохраняется неизмѣнно; не смотря на всѣ отклоненія отъ прямого пути, на всѣ остановки въ умственныхъ упражненіяхъ, новыя открытія все болѣе и болѣе расширяютъ для насъ кругъ познаній.

§ 2.

Мы предполагаемъ начертать *Исторію древней Философіи Законодательства*. Взглядъ Древнихъ на предметы Законодательства для многихъ новѣйшихъ остается неизвѣстнымъ. Но онъ такъ же примѣчательнъ, какъ и все древнее: религія, искусство, наука, жизнь частная, общественная. Не понявши древней Философіи Законодательства, не лзя понять вполнѣ самаго Законодательства древнихъ народовъ: одно тѣсно связуется съ другимъ. Не зная того, какъ судили древніе Философы о разныхъ предметахъ Законодательства, едва ли можно уразумѣть и ученіе Философовъ нашего времени о законахъ:

древнее и новое образуетъ въ семь случаевъ только части одного цѣлаго; многія мысли древней Философіи и теперь выдержатъ самую строгую критику; многія стоятъ по крайней мѣрѣ того, чтобъ точнѣе опредѣлить ихъ.

§ 3.

Древній міръ составляютъ: *міръ Восточный, міръ Греческій, міръ Римскій.*

Мракъ, долгое время скрывавшій отъ насъ образованіе Восточныхъ народовъ, начинаетъ мало по-малу разсѣваться; но онъ еще не совсѣмъ разсѣянъ; въ особенности, древнѣйшія Философскія системы, напр. Китайцевъ, Индѣйцевъ, остаются доселѣ еще темными. Посему настоящее наше Разсужденіе не коснется древнѣйшей Восточной Философіи.

Греческая Философія, напротивъ, вѣрными и подробными изысканіями уже доведена до нарочитой степени ясности. Получивъ первое свое образованіе отъ странъ Восточныхъ, Греки дали ему новое, дальнѣйшее движеніе, какъ въ прочихъ Наукахъ и Искусствахъ, такъ и особенно въ Философіи. Однажды почувствовавши любовь къ умозрѣніямъ, они не только сами сохранили ее до конца всего древняго міра, но и сообщили ее другимъ народамъ своего времени. И такъ разсуждая о Философіи Законодательства у Древнихъ, мы по справедливости можемъ смотрѣть на *Греческую Философію*, какъ на *средоточіе*, въ коемъ соединяются и лучи Востока и лучи Запада, и древней Индіи и Рима.

§ 4.

Древняя Философія, при соблюденіи предѣловъ, нами описанныхъ (въ § 3), раскрывается въ *трехъ періодахъ*. I. Природа въ ея разнообразныхъ частяхъ и въ ея величественномъ цѣломъ есть первое, что представляется уму, какъ скоро онъ начнетъ размышлять, первое, что поражаетъ его; по тому и самая первая Фи-

лософія есть Философія Натуры: Періодъ *отъ Фалеса до Сократа*. II. Сократъ указываетъ людямъ на ихъ собственный, внутренній міръ, какъ на важнѣйшій предметъ и источникъ познанія, и полагаетъ основаніе Философіи Нравовъ: Періодъ *Философіи Сократической*. III. Когда среди сихъ изслѣдованій умъ весь углубился въ себя самого, то въ соединеніи съ Восточными преданіями онъ образуетъ въ своей внутренности новый, умственный міръ, созрѣлый плодъ всей древней Философіи: Періодъ *Философіи Греческой между Восточными народами*; при переходѣ въ него оказывается и *участіе Римлянъ* въ Греческой мудрости (а).

§ 5.

Для Философіи Законодательства не всѣ періоды имѣютъ одинаковую важность и значеніе. Цвѣтуція времена ея относятся къ самой срединѣ, ко временамъ *Платона* и *Аристотеля*. Переходъ къ послѣднему періоду знаменуетъ особенно *Цицеронъ*. Напротивъ въ первомъ періодѣ очищается только почва для основы философскаго зданія законовъ; будучи воздвигнуто во второмъ, оно только усовершенствуется въ третьемъ.

(а) Вообще для Исторіи древней Философіи см. Tennemann's Geschichte der Philosophie, Band I—VI; Ritter's Geschichte der Philosophie Theil I—III. Hamburg; 1829, 1830, 1831. Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Band I und II. Berlin. 1833.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ Θалеса до Сократа.

§ 6.

Изслѣдованія о законахъ были у Грековъ предметомъ *Политики*. Какъ названіе особенной Науки, это имя означало Науку о Государствѣ, Науку о томъ, какъ его устроить и какъ имъ управлять. По тѣсной связи, въ какой у Грековъ находились жизнь публичная и частная, Политика содержала въ себѣ также правила и для сей послѣдней. Относительно формы различались въ Политикѣ двѣ части: одна, подъ именемъ *πολιτεία*, опредѣляла въ Государствѣ образъ правленія, и вообще устройство всѣхъ властей, куда естественно относились также изысканія о цѣли, сущности, происхожденіи и сохраненіи Государства; другая, подъ именемъ *νόμοι*, излагала законы, или лучше, правила и начала, коими должны руководствоваться Государственныя Власти при отправленіи своихъ должностей, каждая въ своемъ кругѣ, и здѣсь-то встрѣчались сами собою и законы для частной жизни. Нельзя опредѣлить съ точностію, когда и какъ составилось такое понятіе о Политикѣ. Во времена Софистовъ, у Платона, Аристотеля мы находимъ его какъ общеизвѣстное (а).

Государство у Грековъ составляло не болѣе, какъ городъ съ его округомъ, и однимъ и тѣмъ же словомъ: *πόλις*, означались у нихъ и Государство и городъ. Такія-то небольшія Государства обыкновенно имѣютъ у себя въ мысляхъ Греческіе Писатели, когда разсуждаютъ о предметахъ Политики.

§ 7.

Тогда, какъ Греки только лишь начали заниматься Философіею, изслѣдованія объ основаніяхъ Законодательства совсѣмъ не были для нихъ *потребностію*. Сознаніе вѣчныхъ законовъ Правды дѣйствовало

(а) 1) Plato Protag. p. 318 и 319. Ср. ниже §§ 16 и 52.—2) Plato de leg. V, p. 735; VI, p. 751; Aristot. Polit. II, 5. § 2; 9. § 1; IV, 1. §§ 5 и 6.

въ нихъ съ полною живостію природнаго чувства. Это время есть конецъ знаменитаго періода Законодателей; этому времени особенно принадлежатъ мужи, прославившіеся въ древности своею практическою мудростію, и между ними, такъ называемые, семь Мудрецовъ. Греческій народъ, для пополненія, объясненія древнихъ своихъ законовъ, получилъ законы отъ людей; но тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ еще вѣрить, что источникъ Законодательства скрывается въ нѣдрахъ Божества.

§ 8.

По самому *свойству изысканій*, какимъ предалась Философія въ первомъ своемъ періодѣ, предметы Законодательства лежали внѣ ея круга. Задачею для нея было понять происхожденіе міра. Прежде всего Іонійскіе Философы хотѣли найти вещество, изъ коего образовалась вселенная. Пифагоръ обращаетъ особенное вниманіе на форму вещей, и, дѣлая числа началами ихъ, производитъ все разнообразіе изъ того, по какой системѣ числъ тамъ или здѣсь вещество расположено. Элеатики, Гераклитъ и Атомисты ищутъ, хотя напрасно, причины движенія, причины, заставляющей матерію принимать опредѣленную форму. Анаксагоръ вводитъ въ физическія изслѣдованія понятіе цѣли, и когда по сему совершенно открылось, что матерія сама по себѣ есть неустроенна и безсильна, то онъ объявилъ, что въ мірѣ, какъ благоустроенномъ цѣломъ, владычествуетъ Высшій Умъ, который движетъ и устрояетъ матерію по своимъ цѣлямъ. Такъ была наконецъ указана истинная причина бытія міра; но вмѣстѣ съ симъ Философія, переставши быть только Философіею Натуры, переступила на другую ступень въ лицѣ Сократа.

Ясно, что при подобномъ направленіи духа нравственность не могла занять значительнаго мѣста въ умозрѣніяхъ. Она основывается на свободной волѣ; а эта сила въ вещественной природѣ не извѣстна.

Въ изслѣдованіяхъ о предметахъ Законодательства первое мѣсто принадлежитъ вопросу о *предустановленіи чловѣка на землѣ*. Въ семъ отношеніи у Философовъ разсматриваемаго нами періода находимъ понятія еще довольно темныя. Такъ, изъ Іонійцевъ, Анаксимандръ, восходя къ началу, отъ коего произошли вещи въ ихъ отдѣльной разнообразности, полагалъ, что нѣкогда всѣ онѣ въ нераздѣльной совокупности существовали въ безконечномъ, но потомъ какимъ-то своеволіемъ и неправдою отторглись отъ него, за что въ раздробленномъ ихъ бытіи онѣ терпятъ соразмѣрное наказаніе и не иначе возвращаются къ жизни всецѣлой и первобытной, какъ изгладивъ вину свою (а). По ученію Пифагорейцевъ душа находится въ тѣлѣ, какъ во гробѣ, въ наказаніе за ея преступленія (б). Изъ Элеатиковъ Парменидъ называетъ самое рожденіе чловѣка проишествіемъ печальнымъ, и говоритъ: „Богъ посылаетъ души то изъ свѣта во мракъ“ провождать земную жизнь, „то обращаетъ ихъ паки изъ мрака ко свѣту (в).“ По словамъ Гераклита, рожденіе есть уже для чловѣка несчастіе, ибо это есть только рожденіе для смерти (г). Наконецъ Анаксагоръ, въ удаленіи отъ жизни публичной хотѣлъ лучше заниматься науками и созерцаніемъ чудеснаго порядка природы, взиралъ на сіе занятіе какъ на истинную и единственную цѣль жизни (д).

Отъ вопроса о земномъ назначеніи чловѣка Пифагорейцы поступили далѣе. Они начали изслѣдывать, что есть *Правда*. Правда, по ихъ опредѣленію, есть число равнократно равное (*ἀριθμὸς ἰσόχμης ἴσος*) или воздаяніе равнаго за равное (*ἀντιτελεοντος*). Обыкновенно, по примѣру Аристотеля, берутъ слова сін въ томъ смыслѣ, по коему причинившій зло другимъ, самъ подвергается отъ людей тому же злу: напр. убившій чловѣка, и самъ безъ всякихъ уваженій убивается; выткнувшій глазъ у другаго, и самъ лишается глаза (е). Но они въ

(а) Simpl. Phys. fol. 6 a.—(б) Philol. ap. Clem. Alex. Strom. III, p. 433.—(в) Simpl. Phys. fol. 9. a.—(г) Clem. Alex. Strom. III, p. 432, 434.—(д) Diog. Laërt. II, 10; Clem. Alex. Strom. II, p. 416.—(е) Arist. Eth. Nic. V, 5; Eudem. IV, 3; Magn. I, 2; 33.

связи съ представленіями Пинеагора о безсмертіи души и Правосудіи Божественномъ могутъ имѣть еще то глубокое значеніе, что Правда Божія, поставляя каждаго человѣка въ отношенія, гдѣ ему въ свою очередь по необходимости воздается и добро и зло, имъ содѣянное, каждаго такимъ образомъ награждаетъ и наказываетъ по дѣламъ его, если не въ сей жизни, то въ будущей (а).

О существѣ Законовъ встрѣчаются нѣкоторыя мысли у Гераклита. Онъ въ духѣ древней Греческой религіи утверждалъ, что всѣ человѣческіе законы истекаютъ отъ Божества, которое одно державствуетъ, всѣхъ довольствуетъ и все препобѣждаетъ (б). Отсюда, такъ какъ все, что ни происходитъ, происходитъ по наилучшему Божественному закону, и не можетъ происходить иначе, для Гераклита ничто не было столько ненавистно, какъ высокомерная непокорность законамъ, между тѣмъ какъ, по его ученію, быть довольну существующимъ порядкомъ дѣлъ, для человѣка есть высочайшее благо, высочайшая мудрость и добродѣтель (в).

§ 10.

Но уже Ксенофанъ, основатель школы Элеатской, говорилъ съ неуваженіемъ о богахъ религіи отечественной, — религіи, съ которою у Грековъ столь тѣсно связывалась вся жизнь общественной.

Въ ученіи *Атолистовъ*, именно *Демокрита*, Натуральная Философія превращается въ совершенное безбожіе, а нравственность въ настоящій эгоизмъ, разрушительный для общества. Почитая верховнымъ добромъ человѣка спокойствіе духа (*ἡσυχία, ἡσυχία*), невозмущаемое никакимъ сердечнымъ движеніемъ (г), Демокритъ не могъ оставить безъ порицанія ни одного изъ тѣхъ Установленій, коими запи-

(а) Cf. Plato de rep. X, p. 615—616; Tim. p. 90—91. — (б) Stob. Serm. III, 84. — (в) Diog. L. IX, 2; Clem. Alex. Strom. II, p. 417; Stob. Serm. 83 et 84. — По свидѣтельству Аристотеля, Пиподамъ Милетининъ, современникъ Перикловъ, былъ первый изъ людей, никогда не занимавшихся управленіемъ Государства, который вздумалъ составить идеаль Государства. Въ подобномъ родѣ писалъ Фалей Халкидонянинъ, упоминаемый также Аристотелемъ. См. Arist. Polii. II, 4—5. Не видно, чтобы тотъ или другой изъ сихъ идеаловъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ Философскому умозрѣнію. — (г) Diog. Laërt. IX, § 45; Stob. Ecl. II, p. 74—76; Clem. Alex. Strom. p. 417. а.

мается мудрость Законодательная: ни брака, ибо удовольствія брачной любви сопровождаются сильным потрясеніемъ души и тѣла; ни союза дѣтей и родителей, ибо воспитаніе дѣтей влечетъ за собой множество непріятностей; ни любви къ отечеству, — для мудраго весь міръ есть отечество, и для собственнаго душевнаго спокойствія мудрый не долженъ гоняться за почестями; вообще наконецъ, повиноваться Законамъ, не дѣлать несправедливости, человѣкъ, по мнѣнію Демокрита, долженъ только для того, чтобъ не быть въ страхѣ, ожидалъ наказанія, и не имѣть прискорбныхъ воспоминаній (а). Послѣ сего до дерзкой отваги Софистовъ оставался одинъ только шагъ.

§ 11.

Мы видѣли, какъ Анаксагоръ для объясненія бытія міра, долженъ былъ предположить бытіе Ума Божественнаго, дѣйствующаго по намѣренію; но онъ не означилъ съ точностію сего намѣренія. Что это за Умъ? Гдѣ и какъ онъ дѣйствуетъ? Здѣсь начинаются мечты и блужденіе Софистовъ: по ихъ мнѣнію, Умъ сей есть самъ человѣкъ, или самъ человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; предметы не сами въ себѣ хороши или худы, красивы или безобразны, истинны или ложны, а отъ того, что разумъ, субъектъ, дѣлаетъ и находитъ ихъ таковыми. И вотъ знаменитое Начало *Софистовъ*, такъ называемое начало субъективности!

Сообразно субъективному началу, вниманіе Философіи обращено теперь главнымъ образомъ на предметы, непосредственно касающіеся человѣка—на Политику, Законы, Нравы. — Софисты хотѣли учить людей Политикѣ—поставить ихъ въ томъ, какъ управлять дѣлами домашними и Государственными. (б) Къ сему присоединилось само собою обученіе Искусству Краспорѣчія. Но въ то же время, при изслѣдованіи основаній человѣческаго общества, Софистамъ не представлялось здѣсь ничего выше собственныхъ цѣлей каждаго человѣка, взятаго ло-

(а) Stob. Serm. II, 77, 78, 82; X, 37; XVII, 29; XX, 56; XXXVIII, 47; XL, 7; LXXVI, 13, 15, 16; Clem. Alex. Strom. II, p. 421. — (б) Plato Protagor. p. 316—318.

рознь: каждый человекъ есть самъ для себя мѣра всего. Такимъ образомъ, Наука, которую преподавали Софисты, была собственно искусство во всемъ достигать своихъ частныхъ видовъ. Но чтобъ умѣть все направлять къ своей частной выгодѣ, какъ въ домашнихъ, такъ и общественныхъ дѣлахъ, для сего надобно знать вещь со всѣхъ сторонъ — съ хорошихъ и худыхъ, дабы говорить и дѣйствовать какъ въ пользу, такъ и противъ известнаго предмета, какъ пользоваться имъ для себя, такъ и употреблять его ко вреду другихъ. И такъ Софисты учили разсматривать вещи съ разныхъ сторонъ. При сличеніи разныхъ отношеній другъ съ другомъ, естественно, открывались между ними противорѣчія. Софистика учила все доказывать и все опровергать, запутывать другихъ въ ихъ собственныхъ понятіяхъ, и торжествовать въ хитросплетеніяхъ. Предъ Діалектикою, по мнѣнію Софистовъ, ничто не можетъ устоять; только одинъ тотъ человекъ, который играетъ всѣми другими, который всѣхъ очаровываетъ, одинъ только онъ пребываетъ неподвижнымъ самъ для себя.

Въ ближайшемъ приложеніи сихъ понятій къ Законамъ, къ Государству, Софисты держались тѣхъ же правилъ. Они допускали бытіе справедливости въ самой себѣ (*δικαιον φύσει*); но, по ихъ словамъ, сія справедливость состоитъ не въ томъ, что обыкновенно означается симъ выраженіемъ, а въ томъ, чтобъ лучший, т. е. сильнѣйшій, имѣлъ во всемъ преимущество предъ слабѣйшимъ, однимъ словомъ, въ правѣ сильнаго. „По этому закону поступаютъ между собою всѣ животныя, всѣ государства и народы; такъ и всегда бываетъ на самомъ дѣлѣ (а).“ Этому своему естественному праву Софисты противопоставляютъ справедливое въ обыкновенномъ смыслѣ, по общимъ понятіямъ людей, и основаніемъ послѣдняго почитаютъ только человѣческія постановленія — Законъ положительный (*δικαιον νόμῳ*). Но почему же люди обыкновенно называютъ Справедливымъ нѣчто со всѣмъ отличное отъ права естественнаго? для чего вводятъ они у себя такіе законы? На сей вопросъ Софисты ищутъ отвѣта въ слабости человѣче-

(a) Plato Gorg. p. 483—484.

ской. „Дѣлать несправедливость“ — говорятъ они — „это есть прекрасное дѣло, подвергаться несправедливости — дурное. Но послѣднее болѣе заключаетъ въ себѣ зла, нежели сколько первое — добра. И такъ, когда люди довольно причинили другъ другу несправедливостей и сами взаимно потерпѣли, то, вкусивъ того и другаго, послѣ сего тѣ изъ нихъ, которые не могли всегда избѣгать одного и только имѣть другое, согласились лучше между собою — не дѣлать другъ другу несправедливости, дабы и съ своей стороны не подвергаться ей, и стали для того начертывать законы, заключать договоры, и предписываемое закономъ называть законнымъ и справедливымъ (а).“ Впрочемъ и сии договоры, условія, въ глазахъ Софистовъ, не связываютъ сильнаго; если онъ имѣетъ довольно силы попрасть законы, то — его воля. И вообще въ Государствѣ, по ученію Софистовъ, владычество силы вполне остается, такъ что и обыкновенно такъ называемое справедливое или законное есть только полезное для сильнѣйшихъ; ибо сильнѣйшіе въ Государствѣ всегда издаютъ законы для собственной выгоды (б).

Ясно, что по сему ученію нѣтъ Государства. Государство въ томъ видѣ, какъ его представляютъ себѣ Софисты, есть только приведенное въ систему насиліе, самое несправедливое господство сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими; между гражданами нѣтъ ничего общаго; существуютъ только притѣснители и притѣсняемые; каждая сторона и въ ней каждое лице заботится только о своихъ выгодахъ, только до того властвуя или рабствуя, доколе одни обладаютъ нужною для того физическою силою, а другіе пребываютъ безсильны.

(а) Plato de rep. II, p. 358—359. — (б) Ibid. I, p. 338—344. — Мы не почитаемъ нужнымъ упоминать особенно объ Архелавъ, современникъ Софистовъ, который также говорилъ о *δίκησιν τῶναι*. Это есть не болѣе какъ отголосокъ ученія Софистовъ, если только слова *δίκησιν τῶναι* не имѣютъ у Архелаа совсѣмъ другаго смысла. Ср. Ritter's Gesch. der Phil. I, s. 332.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Сократъ и его школа.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОКРАТЪ И ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ШКОЛЪ, ОТЪ НЕГО ПРОИЗШЕДШИХЪ.

§ 12.

Противъ субъективнаго, односторонняго начала Софистовъ возстаеъ *Сократъ*. Разумное Начало Анаксагора у Софистовъ есть не болѣе, какъ частный разумъ каждаго человѣка, взятаго въ отдѣльности; для Сократа оно имѣетъ значеніе Ума дѣйствительно Всеобщаго. Сей-то Всеобщій Умъ причиною того, что истинное, или прекрасное, или доброе есть истинно, прекрасно, добро само въ себѣ, и независитъ отъ особенныхъ представленій того или другаго лица. Сознавая вполне, что одно только разумное имѣетъ цѣну, а неразумное само по себѣ никакой (а), Сократъ предчувствуетъ повсюду во внѣшней природѣ и въ человѣкѣ невидимое присутствіе Ума, дѣйствующаго по мудрымъ намѣреніямъ (б). Дабы опредѣлить по возможности свойства сего Ума, онъ указываетъ на явленія міра и въ особенности на установленія человѣческаго общества. Какъ разрушительныя правила Софистовъ были обращены противъ законовъ и правовъ, то къ симъ же наиболѣе предметамъ и Сократъ прилагаетъ свое ученіе. Жизнь мудраго есть истинная цѣль человѣка (в); все, что дѣлаетъ мудрый, хорошо и не можетъ быть худо; напротивъ все, что дѣлаютъ люди безъ мудрости, худо и не можетъ быть хорошо; такимъ образомъ мудрость и добродѣтель есть одно и то же: вотъ истины, коимъ Сократъ вѣритъ отъ всего сердца (г)! Онъ вѣритъ притомъ непреодолимой силѣ ума и добра надъ человѣкомъ: люди

(а) Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.—(б) Ibid. IV, 3. § 13—14. cf. Plato Phaed. p. 97. Ss.—

(в) Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.—(г) Xenoph. Mem. III, 9 § 4 — 5. cf. Plato Phaed. p. 68; Arist. Magn. mor. I, 35.

только по неразумію и противъ воли дѣлають злое (а). Онъ видитъ въ Законахъ источникъ, откуда всё могутъ потерпѣть познаніе о добрѣ и злѣ, и утверждая, что Законное есть Справедливое (б), подыменемъ Законовъ онъ разумѣеть не одни писанные, или человѣческіе, но и неписанные, или Божескіе, которые извѣстны людямъ безъ всякаго дальнѣйшаго обнародованія со стороны Правительства и въ себѣ самихъ заключаютъ награду и неизбежное наказаніе (в). Но отъ Сократа не осталось намъ полной системы Философіи ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи. Онъ, предполагая бытіе Верховнаго Ума, сдѣлалъ только Философамъ задачу: объяснить сущность сего Ума, показать въ частности присутствіе Разумнаго Начала во всѣхъ видахъ существъ, и такимъ образомъ представить въ мірѣ систему Божественныхъ намѣреній.

§ 15.

Подобно своему Учителю, всё ученики Сократовы, или почти всё имѣли у себя въ виду цѣль нравственную и главнымъ образомъ стремились опредѣлить, въ чемъ состоитъ верховное благо человѣческаго духа.

Одна часть учениковъ слѣдовала притомъ вполнѣ образу мыслей своего Учителя, напр. Ксенофонъ, Эсхинъ.

Другіе увлеклись какою нибудь одною стороною ученія Сократова, именно: Евклидъ — діалектической, Анτισѳенъ и Аристиппъ — практической. — Школа *Евклидова* — *Мегарская* совсѣмъ незанималась предметами Законодательства. — Школы: *Антисѳенова* — *Циническая* и *Аристиппова* — *Киренская*, замѣчательны для насъ только по превратности ихъ мнѣній. — Самодовольство, независимость отъ обыкновенныхъ человѣческихъ потребностей, по словамъ *Антисѳена*, есть верховное благо. Хотя по сему Циники учили, что добро само въ себѣ прекрасно, а зло гнусно; однако въ ихъ умствованіяхъ разнообразныя связи чело-

(а) Xenoph. Mem. III, 9. § 4; Plato Gorg. p. 460; Protag. p. 345; Apolog. p. 35. —

(б) Xenoph. Mem. IV, 4. § 12, 16, 25. cf. Plato Critonis p. 50 sequ. — (в) Xenoph. II. § 19. cf. Plato de rep. VIII, p. 563.

вѣческаго общества, какъ то: бракъ, союзъ родственныѣ, любовь къ отечеству, законы, приличія общественныя, нимаю не были уважаемы (а). *Аристиппъ* напротивъ, хотѣлъ посвятить жизнь свою единственно изысканію и удовлетворенію потребностей. Удовольствіе, отъ чего бы оно ни происходило, чѣмъ бы ни сопровождалось въ послѣдствіи, удовольствіе въ одномъ настоящемъ мгновеніи, — вотъ что въ глазахъ Аристиппа есть истинное благо! Разумѣется само собою, что такое ученіе, отвергая все различіе между добрымъ и худымъ, между честнымъ и безчестнымъ, въ порядкѣ общественномъ не могло допускать ничего священнаго (б). — Въ послѣдствіи времени изъ Антистоновой школы образовалась *Стоическая*, изъ Аристипповой — *Эпикурейская*, изъ Евклидовой — собственно такъ называемый *Скептицизмъ*.

Совершенно постигаютъ мысль Сократову Платонъ и его ученикъ *Аристотель*, прилагаютъ ее къ многоразличнымъ предметамъ познанія и обнаруживаютъ все богатство, въ ней заключающееся. Умозрѣнія о Законахъ восходятъ въ ихъ твореніяхъ также на высокую степень совершенства. Всѣ вопросы Политики здѣсь оцѣниваются по достоинству: показывается существо Правды и Справедливости, означаются цѣль, происхожденіе, существо Государства, изслѣдывается достоинство разныхъ образовъ правленія, разсматриваются средства для сохраненія Государства, излагаются философскія начала для разныхъ вѣтвей Законодательства.

(а) Dialog Laëti. VI, § 11, 12, 63, 93, 105. — (б) Ib. II, § 93—99.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПЛАТОНЪ И АРИСТОТЕЛЬ.

А. — П л а т о н ъ.

§ 14.

Кореннымъ началомъ Философіи Платона есть Идея. Такъ опредѣляетъ онъ понятіе разумнаго, остававшееся у Сократа еще не опредѣленнымъ. Идея на языкѣ Платоновомъ есть всеобщее въ вещи, то, чѣмъ вещь бываетъ по родовому своему понятію. Это есть существо вещи, то, на чемъ держится ея бытіе, что связуетъ многоразличныя ея стороны въ одно цѣлое, что среди всѣхъ ея измѣненій, само остается неизмѣннымъ, и безъ чего она тотчасъ перестаетъ существовать. Но хотя сіе всеобщее уже по самому своему понятію предполагаетъ особенное, единичное, различія, надъ которыми оно обнаруживаетъ свою всеобщую силу; однако Идея у Платона еще мертва, еще не имѣетъ жизни, потребной для образованія, для произведенія вещей; она существуетъ въ нихъ неподвижно, будучи какъ бы вся погружена въ созерцаніе самой себя. Предпріемля раскрыть яснѣе свою Идею, Платонъ тотчасъ начинаетъ говорить въ мѣтахъ и символахъ; покушаясь объять ея разнообразіе вещей, данное въ умѣ или опытѣ, онъ непрерывно повторяетъ одно и то же въ разныхъ выраженіяхъ.

§ 15.

Изъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ, отпослшіеся къ нравственности всего болѣе привлекали на себя вниманіе Платона; ихъ-то преимущественно хотѣлъ Философъ — наслѣдникъ Сократовой браги — защитить противъ нападеній Софистовъ. Четыре значительнѣйшихъ его *творенія*: *Политикъ* (а), разговоры *О Государствѣ*, *О Зако-*

(а) Сокеръ (Heber Plato's Schriften. Muenchen. 1820) не признаетъ *Политика* и *Критія* сочиненіями Платона, утверждая, что Платонъ не могъ быть виновникомъ такихъ пресосходныхъ произведеній. Не нужно говорить, какъ неосновательны подобныя притягиванія. См. Ritter's Gesch. der Philos. II, S. 174—175.

нахъ (а) и *Критій* (б) посвящены собственно предметамъ Законодательства. *Политикъ* для трехъ послѣднихъ служить общимъ введеніемъ, излагая понятіе Политики (в).

(а) Подлинность *Законовъ* Аста (Plato's Leben und Schriften. Leipzig. 1816) подвергнули въ новѣйшія времена сомнѣнію, основываясь на томъ, что изъ рукъ Платона не могло выйти произведеніе столь несовершенное по художественной отдѣлкѣ, столь противорѣчащее другому сочиненію не сомнительно Платонову, т. е. сочиненію *О Государствѣ*. Но уже Аристотель (Arist. Polit. II, 3; 9, § 8.) приводитъ *Законы* съ именемъ Платона, разбирая ихъ въ подробности: надобно имѣть доказательства самыя рѣшительныя, чтобы отвергнуть это свидѣтельство отличнѣйшаго ученика Платонова. Таковы ли доказательства Аста? I. Недостатки, находимые въ сочиненіи *о Законахъ*, 1) объясняются сами собою изъ того, что Платонъ писалъ его уже въ глубокой старости и былъ застигнутъ смертію прежде, нежели успѣлъ совершенно отдѣлать свой трудъ и мыслямъ, слегка для того набросаннымъ, дать стройную, изящную форму. См. Diog. Laërt. III, § 37. 2) Не справедливо было бы сказать вообще, будто въ *Законахъ* совсѣмъ не видно искусства, души Платона. а) Цѣлый планъ ихъ, означенный De leg I, p. 631—632. совершенно достоинъ сего Философа. При точкѣ зрѣнія, постоянно въ нихъ удерживаемой, они представляютъ намъ полную Систему Этики или Политики въ обширномъ смыслѣ. Послѣ общихъ изслѣдованій нравственно-политическаго содержанія (I—IV. p. 722) здѣсь подробно излагается ученіе о добродѣтеляхъ или собственно такъ называемая Этика (IV, p. 722—V), какъ *πρόομιον*; потомъ слѣдуетъ *πολιτεία* (VI, p. 751 — 772); далѣе *πολιτεία* и *νόμοι* въ совокупности (VI, p. 722 — VII); наконецъ исключительно *νόμοι*, оканчивающіеся требованіемъ — устроить особенное Собраніе для охраненія *Законовъ* (IX—XII). б) Не говоря о превосходныхъ мысляхъ, повсюду разсыянныхъ въ *Законахъ*, — какъ часто послѣ тихой старческой бесѣды вспыхаетъ здѣсь еще огонь, свидѣтельствующій о пламенной душѣ Сочинителя! Какъ часто поражаетъ здѣсь насъ изящество изложенія предмета, свойственное Платону! См. особенно всѣ *πρόομια*. II. Внимательно разсматривая такъ называемыя противорѣчія между *Законами* и сочиненіемъ *о Государствѣ*, мы должны еще сильнѣе увѣриться въ томъ, что *Законы* дѣйствительно принадлежать Платону. Сей вопросъ о взаимномъ между собою отношеніи обоихъ сочиненій въ свое время (см. ниж. § 29) будетъ изслѣдованъ подробно. Впрочемъ и независимо отъ того, мы находимъ все прочее содержаніе *Законовъ* такъ согласнымъ съ мыслями достовѣрно Платоновыми, что уже это одно обстоятельство должно уничтожить всѣ дальнѣйшія сомнѣнія относительно подлинности разбираемаго нами Сочиненія. См. напр. De leg. I, p. 626. cf. de rep. IV, p. 431 (объ умѣренности); De leg. I, p. 631, (о цѣли Государства);—De leg I, p. 634 seqq (о соединеніи мужества съ умѣренностію);—II, p. 659 seqq; IV, p. 719 (о томъ, что должны говорить поэты);—IV, p. 712—713; cf. de rep. V, p. 463 (о названіи подданныхъ);—De leg. IV, p. 713—714; p. 715; IX, p. 875. (о существѣ Закона) IV, p. 714. cf. de rep. V, p. 473 (когда Государства могутъ освободиться отъ бѣдъ);—De leg. V, p. 735. seqq. (объ очищеніи Государства отъ негодныхъ людей);—p. 741. seqq. (противъ излишняго богатства и бѣдности);—p. 746 (о важности Науки чиселъ);—VI, p. 773 (похвала срединѣ);—ibid. (о соединеніи разнородныхъ характеровъ въ супружествѣ);—IX, p. 864 (понятіе Правды);—X, p. 887—907, (о бытіи Божіемъ, Провидѣніи, Правосудіи);—XII, p. 962, (о мудрости Правительства);—p. 963, (о разныхъ видахъ Государствъ по отношенію къ добродѣтели); — p. 964, (названіе стражей для лицъ Правительствующихъ); — вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о воспитаніи дѣтей, о образѣ жизни гражданъ, объ участіи женскаго пола въ занятіяхъ и упражненіяхъ мужчинъ, см. ниже §§ 42, 44 и 45.—(б) См. стр. 15. прим. (а).—(в) Осо-

§ 16.

Платонъ первый назначилъ умозрѣніямъ о предметахъ Законодательства опредѣленное мѣсто въ цѣлой системѣ Философін. Разложивъ, по единогласному свидѣтельству Древнихъ, всю массу философскихъ понятій на три части: Діалектику, Физику и Этику, сей послѣдней онъ предоставилъ изысканія нравственнаго содержанія. Предметы Законодательства могли относиться у Платона къ одной только Этикѣ. Неизвѣстному въ его сочиненіяхъ слову: *Этика* (Наука о Правахъ) у него вполне соотвѣтствуетъ *Политика* (Наука о Государствѣ). Совершенство правовъ и совершенство Государства онъ видитъ въ тѣсной связи между собою. Посему и въ Разговорахъ о Государствѣ сѣмь два предмета не отдѣляются другъ отъ друга: дабы понять, что такое есть мудрость, мужество, умѣренность, правда въ душѣ человѣческой, Платонъ указываетъ на то, какъ сѣмь свойства изображаются въ Государствѣ (а); но въ то же время, дабы узнать, что такое есть добродѣтель въ цѣломъ Государствѣ, онъ смотритъ на душу, во всѣхъ частяхъ благоустроенную (б).

Въ смыслѣ, болѣе опредѣленномъ, *Политика* для Платона есть Наука, имѣющая предметомъ устройство и управленіе человѣческаго общества сообразно идеѣ Добродѣтели, или идеѣ Правды (в). Въ сей Наукѣ, какъ разумѣется само собою, надлежало подвергнуть философскому изслѣдованію всѣ основныя понятія Законодательства, всѣ роды и виды законовъ, какъ относительно общественныхъ, такъ и относительно частныхъ дѣлъ въ Государствѣ (г); тѣмъ болѣе, что между Наукою управлять Государствомъ и Наукою управлять домомъ (между

бенно въ близкомъ отношеніи *Политикъ* находится къ Разговорамъ о Законахъ. Ср. въ томъ и другомъ Сочиненіи мѣста, гдѣ говорится о происхожденіи Государствъ (Polit. p. 272 cf. De leg. IV, p. 713), о сущности Закона (Polit. p. 300. cf. De leg. IV, p. 713 — 714; p. 715), о соединеніи мужества съ умѣренностію какъ вообще во всѣхъ гражданахъ (Polit. p. 306. seqq. cf. De leg. I, p. 634. seqq), такъ и особенно въ супругахъ (Polit. p. 310 cf. De leg. VI, p. 773), о рабахъ (Polit. p. 309. cf. De leg. VI, p. 776 seqq) и пр.

(а) De rep. II, p. 368.—(б) De rep. VIII, 544; cf. IV, p. 435. Ср. сказанное о планѣ сочиненія О Законахъ въ примѣч. (а) на стр. 16.—(в) Plato Politic. p. 305—311; cf. Protag. p. 318—322.—(г) Politic. p. 309—311; Protag. p. 319.

Политикою и Экономикою) Платонъ въ существѣ вещи не находитъ никакого различія, полагая, что большой домъ и небольшое Государство относительно управленія ни мало не разнятся другъ отъ друга (а).

§ 17.

Естественно прежде всего представляется въ Этикѣ или Политикѣ вопросъ: *какое* занимаетъ *мѣсто* какъ сія Наука въ цѣлой Философiи, такъ и область Законодательства въ цѣлой области сущаго? Для рѣшенія сего вопроса необходимо бросить быстрый взглядъ на все содержаніе Платоновой Философiи.

Каждый предметъ, по мнѣнію Платона, соединяетъ въ себѣ два противоположныя начала: во 1-хъ, въ немъ есть нѣчто единое, всегда себѣ равное; во 2-хъ, онъ въ то же время есть и многое, непрерывно измѣняющееся. Всякой предметъ есть такимъ образомъ сопряженіе единства и множества. Но о многомъ, непрерывно измѣняющемся, нельзя сказать, чтобъ оно дѣйствительно существовало въ предметѣ; въ то самое мгновеніе, какъ мы хотимъ сказать о немъ: это есть, его уже нѣтъ, мѣсто его занято другимъ и такъ далѣе. Истинно существуетъ посему только единое, всегда себѣ равное. Это есть всеобщее въ каждой вещи, ея родъ, ея Идея (*εἶδος*, *ιδέα*), и постигается единственно мыслию, ибо чувства представляютъ только безконечно разнообразное, непрерывно измѣняющееся. Каждое низшее понятіе, низшій видъ объемлется, держится, предполагается другимъ высшимъ, сей опять другимъ высшимъ и т. д., пока мы не дойдемъ до самаго высочайшаго родового понятія.

Цель Философiи, по ученію Платона, есть, чтобъ начавъ съ предположенія, съ низшаго понятія, движеніемъ однихъ понятій, безъ помощи фигуръ чувственныхъ, напослѣдокъ взойти къ началу, не требующему никакихъ болѣе предположеній, и отсюда потомъ низойти въ непрерывной послѣдовательности, также движеніемъ понятій, до самыхъ крайнихъ послѣдствій (б). Безусловное Начало всего сущаго

(а) Politic. p. 259.—(б) Plato de rep. VI, p. 509—511.

имѣть у Платона разныя названія, какъ то: Единое, всегда себѣ Равное (*ταῦτόν*), Истинно сущее (*ὄντως ὄν*), Идея, Умъ, Добро, Богъ. Все условное потолку истинно существуетъ, поколику оно участвуетъ въ семъ Безусловномъ.

Изъ трехъ частей Философін Платоновой, *Діалектика* разсматриваетъ Безусловное, Единое, вообще, не обращая вниманіе на то, какъ Оно въ частности относится къ тому или другому роду существъ.

Физика, слѣдующая за Діалектикою, разсматриваетъ проявленіе Божественнаго въ мірѣ. Она излагаетъ какъ Исторію происхожденія міра, такъ и истинную сущность міра и всего, что есть въ немъ. Начавъ самымъ первымъ дѣломъ Мірозиждителя, она оканчиваетъ физическимъ происхожденіемъ человѣка на свѣтъ. Мы уже видѣли, что Единому противопоставляется многое; иначе сіе послѣднее называется зломъ, веществомъ. Но Божественное Начало, по ученію Платонову, сильнѣе вещества. Будучи всеблаженнымъ, Богъ восхотѣлъ, чтобъ и все другое было, сколько возможно, Ему подобно; Онъ восхотѣлъ образовать вещество по своимъ Идеямъ, и непрестанно измѣняющееся, неустроенное заключить въ твердую форму. Но въ веществѣ Онъ не могъ изобразить Себя вполне и вдругъ. Онъ расширяетъ власть Свою надъ вещественнымъ только мало по-малу; впрочемъ и при семъ расширеніи дѣла Его по истеченіи опредѣленныхъ періодовъ опять болѣе или менѣе разрушаются и снова должны начать прежній ходъ. И такъ повсюду въ мірѣ являются два противоположныя Начала, — соединяемыя въ третьемъ. Прежде всего, въ цѣломъ мірѣ, какъ одномъ живомъ существѣ, Божественный Умъ и Вещество связуются между собою посредствомъ Души. Изъ Души и Вещества міра Богъ Вѣчный и Невидимый созидаетъ сначала видимыхъ боговъ, хотя по своей природѣ не безсмертныхъ, однако неразрушимыхъ: это есть сонмъ Небесныхъ Свѣтилъ. Посредствомъ сихъ боговъ Онъ производитъ далѣе смертныя живыя существа, и притомъ первоначально всѣхъ въ одномъ совершеннѣйшемъ видѣ: въ видѣ человѣка-мужа. Вложивъ въ душу людей

Самъ отъ себя только безсмертное — Умъ, Верховный Богъ представляетъ дальнѣйшее ихъ образованіе подчиненнымъ богамъ, отъ которыхъ они и получаютъ смертное въ своей душѣ: силу паренія (*θυμός*) и силу желаній (*ἐπιθυμητικόν*). По сему душу человека составляютъ также три стихіи: изъ нихъ сила паренія, какъ невольное стремленіе души осуществить Идеи Ума, какъ сила возвышенныхъ порывовъ, хотя иногда бурная, занимаетъ средину между безсмертнымъ — Умомъ, силою Идей, и между совершенно смертнымъ — силою пожеланій, которая, какъ стремленіе удовлетворить потребностямъ чувственной физической жизни, въ своихъ дѣйствіяхъ вся обращена къ смертному (а).

Такъ созданы люди! Описаніе нравственнаго существа ихъ есть предметъ *Этики*, или, что то же, *Политики* (б). Какъ Божество есть причиною добра въ цѣломъ мірѣ, такъ Божественный Умъ, пребывающій въ душахъ человѣческихъ, образуетъ все въ нихъ по своимъ Идеямъ. Зная добро, онъ не можетъ оставаться празднымъ; напротивъ, онъ необходимо стремится свое познаніе, свою мысль осуществить на самомъ дѣлѣ, господствуетъ надъ смертными силами въ человѣкѣ, и каждой указываетъ ся собственное дѣло (в). Въ семъ случаѣ люди, такъ можно бы выразить мысль Платона, взирая на вѣчный Божественный поря-

(а) *θυμός* какъ техническое названіе одной изъ силъ души у Греческихъ Philosophov и Отцевъ Церкви, обыкновенно переводится на нашъ языкъ: *гнѣвъ*, *ярость*, *сила гнѣва*, *сила ярости*, *гнѣвное*, *яростное*. Но слова: *гнѣвъ*, *ярость*, имѣя значеніе слишкомъ ограниченное, и не весьма хорошее, совсѣмъ не выражаютъ существа силы *θυμός* описаннаго нами въ текстѣ. *θυμός* происходитъ отъ глаг. *θύω*, первоначально значившаго безъ сомнѣнія: *вспыхать*, *воспламеняться*, и навсегда сохранившаго значеніе: *бушевать* (говорится о вѣтрѣ, о волнахъ), *свирѣпствовать*, вообще *находиться въ сильномъ движеніи*, (См. Греческій Лексиконъ Шнейдера, изданный Пассовымъ, подъ словомъ *θυμός*, и *θύω*). Платонъ, и самъ производя слово *θυμός* ἀπὸ τῆς θύσεως καὶ ζέσεως ψυχῆς (Statyl. p. 419. с.), употребляетъ его для означенія той силы, отъ коей происходятъ въ человѣкѣ всѣ стремительныя душевныя движенія, и притомъ именно возвышеннаго рода: *θυμός* если не всегда дѣйствуетъ согласно съ умомъ, то по крайней мѣрѣ въ борьбѣ между симъ послѣднимъ и силою пожеланій никогда не соединяется съ пожеланіями. Можетъ быть всего лучше Платонову *θυμός* будетъ соответствовать на Русскомъ языкѣ переводъ: *сила паренія*. Въ словѣ: *пареніе* отъ *парить* выразится и стремительность чувствованій, и ихъ возвышенность.—(б) Tim. p. 27; Protag. p. 321. sq.—(в) Protag. p. 352; Gorg. p. 508; De rep. VI, p. 500.

докъ, только подражаютъ Божеству, и въ своемъ кругѣ продолжаютъ дѣло мірозданія. Божественное или Доброе, проявляющееся такимъ образомъ въ человѣкѣ, Платонъ называетъ Правдою ($\tau\eta\ \delta\iota\kappaαιοβύτη$, $\tau\delta\ \delta\iota\kappaαιον$) (а).

§ 18.

Правда разсматривается у Платона въ трехъ видахъ: I. Въ *каждой душѣ* порознь; II. въ *Государствѣ*; III. въ *цѣломъ родѣ человѣческомъ*. Но Государство и цѣлый родъ человѣческій бываютъ праведны только Правдою отдѣльныхъ душъ; общество, гдѣ Правда владычествуетъ въ каждой душѣ порознь, и само есть праведное (б). По сему Правда, какъ она существуетъ въ каждой отдѣльной душѣ, есть нѣчто общее, хотя представляющееся въ томъ или другомъ видѣ,—есть Правда вообще. Если общее понятіе Правды есть основаніе всякаго Законодательства, то это же самое понятіе должно послужить и для насъ ключемъ къ уразумѣнію всего Платонова ученія о предметахъ Законодательства.

§ 19.

Платонъ достигаетъ до *Идеи Правды* посредствомъ разсмотрѣнія сущности силъ душевныхъ. Каждое существо,—говоритъ онъ,—имѣетъ свое особенное дѣло ($\epsilon\rho\omega\nu$), которое или имъ только однимъ можетъ быть исполнено, или по крайней мѣрѣ имъ всѣхъ лучше; вмѣстѣ съ сими каждое существо имѣетъ и свое особенное совершенство ($\alpha\rho\epsilon\tau\eta$), съ коимъ только и можетъ оно въ точности исполнять свое дѣло. То же разумѣется о душѣ и ея силахъ. Особенное назначеніе души есть — господствовать, управлять (в). На сей конецъ для каждой силы ея существуетъ особенное совершенство.

Совершенство Ума есть *мудрость* ($\beta\omicron\rho\iota\alpha$). Чтобъ господствовать, управлять, надобно знать ту единую цѣль, для коей все должно дѣ-

(а) De rep. IV, 442—445. — (б) De rep. VIII, p. 544; IV, p. 435. — (в) De rep. I, p. 352—353; IV, p. 435.

латься (а). Но сіе познаніе должно быть твердо, основательно, возходить до самыхъ высшихъ началъ вѣдѣнія: добродѣтель, если она основывается не на твердомъ познаніи, а только на правильномъ мнѣніи, если она не можетъ дать сама о себѣ отчета, а находится въ человѣкѣ по пѣкоторому какъ бы влеченію, такая добродѣтель не надежна, случайна; правильное мнѣніе, не будучи укрѣплено разумными причинами, можетъ быть во всякую минуту вытѣснено заблужденіемъ или невѣдѣніемъ (б). Мудрость содержитъ въ себѣ это твердое познаніе; она указываетъ человѣку единственную цѣль его дѣяній, указываетъ и добро, котораго душѣ по истинѣ надлежитъ искать, и зло, котораго должно бояться (в). По отношенію къ другимъ силамъ души, Умъ служитъ точною для нихъ мѣрою. Совершенство ихъ, какъ силъ могущихъ дѣйствовать сильнѣе и слабѣе, состоитъ въ среднѣ. Мудрость производитъ въ душѣ надлежащее соединеніе обѣихъ крайностей, умѣряя одну другою (г).

Совершенство силы паренія есть мужество (ἀνδρεία). Ея дѣло — приводить въ исполненіе опредѣленія Ума. Для сего требуется, чтобъ доброе воспитаніе глубоко укоренило въ душѣ правильныя представленія о добрѣ и злѣ, и сдѣлало ихъ второю въ человѣкѣ природою. Человѣкъ, который пріобрѣтешное такимъ образомъ правильное мнѣніе всегда сохраняетъ и удерживаетъ въ своей душѣ противъ всѣхъ обольщеній и ужасовъ, называется мужественнымъ (д). Истинно мужественный не побѣждается ни страхомъ, ни удовольствіями (е); истинному мужеству равно противны и буйство, которое не уважаетъ ни чѣмъ священнымъ, и презрѣнная робость, которая трепещетъ предъ всякою опасностью (ж).

Совершенство относительно силы желаній есть умѣренность (σωφροσύνη). Умѣренность есть общее согласіе всѣхъ душевныхъ силъ между собою въ томъ, что лучшія изъ нихъ (Умъ и сила паренія)

(а) De rep. VII, p. 519.—(б) Menon. p. 97.—(в) De rep. IV, p. 442.—(г) Philob. p. 23—30; Politic. p. 306—311.—(д) De rep. IV, p. 442. cf. p. 429 sequ.—(е) De leg. I, p. 633. sq.—(ж) Politic. p. 306—309.

должны господствовать, а худшая (сила пожеланий) только повиноваться первымъ (а).

Если послѣ сего въ душѣ каждая сила *дѣйствительно исполняетъ* свое дѣло, и *только* свое дѣло, не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ; то именно это совершенство и есть *Правда* (б), совершенство, добродѣтель цѣлой души.

Такъ опредѣляетъ Платонъ Правду вообще, или Правду, какъ она является въ каждой душѣ порознь. Правда соединяетъ въ себѣ мудрость, мужество, умеренность: сіи три добродѣтели составляютъ ея содержаніе. Съ своей стороны она даетъ имъ нужную форму, безъ коей въ противномъ случаѣ не могло бы существовать между ними согласнаго дѣйствованія. Въ означенномъ ряду добродѣтелей, свойственныхъ каждой силѣ души въ особенности, Мудрость занимаетъ высшее мѣсто: всѣ другія существуютъ для нее (в). Какъ вообще добродѣтель и блаженство въ глазахъ Платона неразлучны другъ съ другомъ; (г) такъ и созерцательная жизнь Мудраго, будучи совершеннѣйшимъ состояніемъ духа, есть и состояніе самое возжеланнѣйшее (д).

Легко можно видѣть, что понятіе о Правдѣ истекаетъ у Платона изъ самыхъ высшихъ началъ Діалектики. Утверждая, что для каждого существа есть свое особое дѣло, свое особенное совершенство, — что другое означаетъ симъ Платонъ, какъ не то, что для всего существующаго есть своя Идея, въ единствѣ съ коею только оно и есть тѣмъ, чѣмъ есть, и отъ коей оно получаетъ все, что имѣетъ добраго? Дѣлать одно, свое дѣло, не мѣшаясь въ другое, — сіе понятіе Правды значитъ то же, что и быть вѣрнымъ своей Идеѣ. Умъ, съ его Идеею Добра, Единого владычествующій во всемъ сущемъ, есть вмѣстѣ и сила, владычествующая въ душѣ человѣка (е).

Равнымъ образомъ мысли Платона о Правдѣ находятся въ существенной связи съ его Физикою. Не только тройственное число

(а) De rep. IV, p. 422. cf. p. 430. Sequ. Phædon. p. 68. Sequ. — (б) De rep. IV, p. 442—443. cf. p. 433. Sequ. — (в). De leg. III, p. 687 — 689; I, p. 631. — (г). De rep IX, p. 577. Sq. — (д) De rep. VII, p. 519; Sq. cf. p. 517 — 519 — (е) Phileb. p. 28—30.

первыхъ трехъ добродѣтелей выводятся у него изъ тройственности силъ души, но и вообще добродѣтель, относительно внутренней ея сущности, представляется рѣшительно какъ свойство физическое. Она есть такое же качество души, какъ острота зрѣнія составляетъ совершенство глаза, быстрота въ бѣгу — совершенство лошади. Укореняясь воспитаніемъ, она дѣлается привычкою, другою природою. Основываясь на общемъ согласномъ дѣйствіи всѣхъ силъ душевныхъ, она предполагаетъ въ нихъ бытіе природной склонности къ добру. Такимъ образомъ, Платонъ, относительно способности людей быть добродѣтельными, поставяетъ существенное, физическое между ними различіе, и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ почитаетъ физически неспособными къ той или другой добродѣтели (а).

Оканчивая изложеніе мыслей Платоновыхъ о Правдѣ вообще, или о Правдѣ въ каждой отдѣльной душѣ, мы почитаемъ нужнымъ особенно замѣтить связь ихъ съ физическими и діалектическими понятіями Философа. Тѣ же самыя начала глубоко проникаютъ все его ученіе о Правдѣ въ томъ ея видѣ, какъ она существуетъ въ Государствѣ.

§ 20.

Чтобъ съ удобностію обозрѣть чрезвычайно богатое содержаніе Платоновыхъ Разговоровъ относительно проявленія *Правды въ Государствѣ*, мы отдѣлимъ изслѣдованія, касающіяся *общихъ, основныхъ понятій о Государствѣ*, т. е. общія изслѣдованія о *необходимости* Государства, его *цѣли, происхожденіи, понятіи*, наконецъ о *существѣ разныхъ Образовъ Правленія*, отъ изысканій *особенныхъ*, относящихся какъ въ частности къ тому или другому Образу Правленія, такъ равно и къ той или другой вѣтви Законодательства.

(а) De rep. IV, p. 435; Politic. p. 309.

І. Общія, основныя понятія о Государствѣ.

1) О необходимости Государства для осуществленія Идеи Правды.

§ 21.

Правда для Платона есть выше всего на свѣтѣ: безъ нея все блага жизни ничего не стоятъ (а); она есть благо сама въ себѣ, благо единственное, высочайшее (б). Но чтобъ Идея Правды могла осуществиться въ душахъ, для сего, по ученію Платона, при теперешнемъ состояніи рода человѣческаго необходимо Государство. Сія необходимость открывается: 1) въ томъ, что никто или почти никто изъ людей не рождается съ такою совершенною природою, въ слѣдствіе коей бы человекъ самъ собою, безъ указанія Закона, сначала позналъ добро, и потомъ, не увлекаясь силою страстей, безъ вѣшнихъ побужденій всегда былъ готовъ исполнять требованія добродѣтели. Люди, если не станутъ жить подъ владычествомъ Законовъ, никакъ не будутъ отличаться отъ самыхъ лютыхъ звѣрей (в). Особенно важно значеніе Государства 2) по отношенію къ первымъ началкамъ всякой добродѣтели. Они зависятъ отъ двухъ условій: отъ добрыхъ свойствъ природныхъ и отъ добраго воспитанія. Прежде всего надобно имѣть природныя качества, нужныя для добродѣтели; потомъ требуется, чтобъ они были подлежащимъ образомъ возвращены, воздѣланы посредствомъ воспитанія. Какъ доброе воспитаніе, такъ и установленія, по дѣйствию коихъ путемъ естественнаго рожденія добрыя природныя качества сохраняются и умножаются въ человѣческихъ поколѣніяхъ, могутъ существовать только въ благоустроенномъ Государствѣ (г). Въ немъ даже и тотъ, у кого высшія силы души не достигли до надлежащаго совершенства,—покоряясь власти превосходящей, самъ поступаетъ подъ владычество того же Начала, подъ которымъ и сія власть находится (д). 3) Какъ въ Государствѣ каждый

(а) De rep. IX, p. 591.—(б) Ib. II, p. 366—367; IX, p. 576—592. — (в) De leg. IX, p. 875. — (г) De rep. VIII, p. 546; IV, p. 423; VI, p. 491—497. (Ср. Шлейерх. Введеніе къ Plato's Staat. S. 67—68; Politic. p. 308—311. — (д) De rep. IX, p. 590.

при общемъ содѣйствіи другихъ можетъ раскрыть въ себѣ свои особенныя добродѣтели самымъ лучшимъ образомъ, такъ цѣлое Государство въ состояніи изобразить на землѣ Идею Правды въ видѣ гораздо болѣе полнымъ, болѣе яснымъ и совершенномъ, въ размѣрѣ обширнѣйшемъ, нежели какъ то быть можетъ въ каждой душѣ порознь (а).

2) О цѣли Государства.

§ 22.

Государство не есть только необходимое условіе для существованія Правды между людьми; самою *цѣлію* его, въ глазахъ Платона, есть не другое что, какъ Правда (б). Но выше было уже показано, что въ Правдѣ сосредоточиваются всѣ другія добродѣтели: Мудрость, Мужество, Умѣренность, и что Мудрость занимаетъ между ними высшее мѣсто (см. выше § 19). По сему Платонъ думаетъ, что Государство должно стремиться не къ одной какой либо добродѣтели, а ко всѣмъ вообще, и преимущественно къ мудрости; „за добродѣтелями—благами Божественными, сами собою распространятся и блага человѣческія: здоровье, красота, сила, богатство, сопровождаемое благоразуміемъ.“ Государство вполне добродѣтельное, праведное, будетъ такимъ образомъ, по ученію Платона, и вполне блаженнымъ, счастливымъ (в).

3) О происхожденіи Государства.

§ 23.

Относительно *происхожденія* Государства встрѣчаются два вопроса: во-первыхъ, какая *внутренняя причина* всегда побуждаетъ людей или соединяться въ Государства, или пребывать въ нихъ? Во-вторыхъ: въ *какомъ, исторически, порядкѣ*, т. е. когда и какъ начались и постепенно образовались Государства?

(а) De rep. II, p. 368; II*, p. 434; Polit. p. 311.—(б) Gorg. p. 464, 515; De leg. IV, p. 707; VI, p. 770—771; XII, p. 962. sequ. — (в) Politic. p. 309 — 311; de leg. I, p. 631; de rep. IX, p. 576.

§ 24.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочищеніяхъ Платона можно было бы заключить, что *внутренняя причина, производящая Государства*, по мнѣнію его, состоитъ въ физическихъ потребностяхъ людей. Такъ напр. онъ говоритъ: „государство образуется, по той причинѣ, что никто изъ насъ не имѣетъ всего нужнаго въ себѣ одномъ; каждый, имѣя разныя потребности, нуждается въ помощи другихъ; и такъ люди собираются жить въ одно мѣсто, дабы получать взаимно другъ отъ друга пособіе.“ Изъ числа сихъ потребностей Платонъ приводитъ потомъ однѣ физическія низшія, какъ то: пищу, одежду, жилище (а); далѣе онъ упоминаетъ еще о потребности обороны отъ враговъ (б). Но такое объ ученіи Платона заключеніе было бы совершенно несправедливо. Приведенныя слова значатъ только то, что стремленіе удовлетворить физическимъ потребностямъ было для людей первымъ по времени побужденіемъ къ общежитію. Если цѣль Государства простирается, по ученію Платона, гораздо далѣе удовлетворенія физическихъ потребностей (в); то и причины, производящей Государства, онъ долженъ былъ искать глубже. Дѣйствительно, онъ самъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что разныя образы правленія (*πολιτεῖαι*—виды Государствъ) рождаются изъ нравовъ людей, живущихъ въ Государствѣ (г). Такимъ образомъ, по мысли Платона, если существуетъ общество, основанное на Правдѣ, то единственно потому, что есть души, которыя хотятъ Правды; люди хотятъ быть и пребывать въ Государствѣ для того, чтобъ найти здѣсь не только низшее удовлетвореніе, но и высшее самодовольство по отношенію къ вѣчнымъ потребностямъ своего духа; Правда, будучи цѣлію Государства, есть въ то же время и причина, его производящая (д).

(а) De rep. II, p. 369.—(б) Ib. p. 373 — 374; De leg. III, p. 680 — 681. — (в) См. выше § 22; особенно ср. De rep. IX, p. 591. — (г) De rep. VIII, p. 544; cf. IV, p. 435.—(д) Cf. De rep. IV, p. 424.

Чтобъ опредѣлить *время, когда дѣйствительно нагались Государства*, Платонъ обращается къ баснѣ о золотомъ вѣкѣ Сатурна. „Въ сіи времена еще не было Государствъ; Самъ Верховный Богъ вмѣстѣ съ низшими богами былъ Пастыремъ людей; люди не имѣли еще ни женъ, ни дѣтей, раждаясь изъ земли; сама собою земля произращала для нихъ плоды, доставляла имъ покойное ложе; между ними не было ни войны, ни возмущеній; они вели жизнь самую блаженную, посвящали всѣ дни свои мудрости, были добры“ (а). Повѣствованіе о временахъ Сатурна Платонъ и самъ называетъ баснею; въ устахъ Философа она, вѣрно, значить то же, что и ученіе о небесной жизни душъ, какая предшествуетъ настоящей, земной.

Платонъ указываетъ далѣе на другое состояніе рода человѣческаго, гдѣ люди уже раждаются другъ отъ друга, питаются не одними естественными произведеніями земли, живутъ въ обществахъ, впрочемъ находятся еще подъ непосредственнымъ управленіемъ боговъ, наслаждаясь совершеннѣйшимъ политическимъ устройствомъ (б). Не хотѣлъ ли Философъ указать здѣсь на правленіе мужей, по своей мудрости подобныхъ богамъ.

Какъ бы то ни было, вѣкъ Сатурновъ для насъ прошелъ среди переворотовъ, какіе постигали весь міръ неоднократно. „Въ нашемъ вѣкѣ,“ говоритъ Платонъ „при настоящемъ порядкѣ природы, всѣ вещи въ слѣдствіе непреложнаго Божественнаго велѣнія должны раждаться, возрастать сами чрезъ себя (*δι' αὐτῶν*); почему и людямъ пужно уже самимъ о себѣ имѣть попеченіе“ (в). Здѣсь-то скрывается, по мнѣнію Платона, первое основаніе Государствъ. Въ постепенномъ ихъ образованіи онъ различаетъ три *періода*.

Представимъ себѣ, — такъ излагаетъ Философъ сіи періоды, — представимъ себѣ одно изъ тѣхъ происшествій, отъ коихъ родъ че-

(а) *Politic.* p. 269 — 274; cf. *De leg.* IV, p. 713; *Critiae* p. 109. — (б) *Critiae* p. 109. (в) *Politic.* p. 274.

ловѣческій не одинъ разъ былъ истребляемъ, такъ что послѣ того оставалось самое небольшое число людей. Представимъ, напри-
мѣръ, что всѣ были истреблены потокомъ, кромѣ не многихъ пасту-
ховъ, которые спаслись на вершинахъ горъ. вмѣстѣ съ нимъ исчезли
и всѣ полезныя открытія въ искусствахъ; о Государствахъ, устрой-
ствѣ ихъ, законодательствѣ не осталось и памяти. Пастухи, сохранив-
шіеся отъ общей гибели, вѣрно, не были далеки ни въ добрѣ, ни во
злѣ. Все подлежало выдумывать, изобрѣтать вновь. О войнѣ было не
слышно между людьми: ибо, по своей малочисленности, они пита-
ли въ душахъ своихъ любовь и расположеніе другъ къ другу; сверхъ
того имъ не надобно было и сражаться за пищу, такъ какъ пастбища
находились въ избыткѣ. Не имѣя недостатка въ необходимыхъ ве-
щахъ, они были не слишкомъ бѣдны, но, безъ серебра и золота, и
не богаты: а гдѣ нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, тамъ процвѣтаетъ
добрая нравственность. Будучи простосердечны, они искренно вѣрили
тому, что имъ было говорено о добрѣ и злѣ, о богахъ и людяхъ. Сло-
вомъ, они были добродушнѣе, мужественнѣе, умѣреннѣе и вообще
праведнѣе людей, жившихъ до потопа и нынѣ живущихъ. И такъ нужды
въ Законодателяхъ еще не было. Держась своихъ обычаевъ и, такъ на-
зываемыхъ, отеческихъ законовъ, люди состояли подъ Управленіемъ
Родовымъ (*δυναστεία*): они жили отдѣльными селеніями и родами, въ
конхъ начальствовалъ старѣйшій, и власть переходила отъ отца и ма-
тери къ дѣтямъ.

Послѣ сего, составляя многочислѣнныя общины, но еще не поки-
дая ската горъ изъ опасенія потопа, люди начали сходиться въ одно
мѣсто въ большемъ количествѣ, заниматься земледѣліемъ, воздѣлывая
сначала только подошвы горъ, — строить ограды для безопасности
отъ дикихъ звѣрей, и такимъ образомъ создавать для себя общія
огромныя обители. Такъ какъ сіи большія селенія выросли изъ
меньшихъ и первыхъ, то каждое меньшее общество вступало сюда
подъ начальствомъ своего Старшины со своими особенными обычаями
и законами. Но каждому болѣе правятся свои законы, нежели чужіе.

И такъ теперь-то началось Законодательство: люди, сошедшіеся такимъ образомъ въ одно мѣсто, по необходимости, должны были избрать изъ среды своей Мужей-Законодателей, которые бы, у всѣхъ пришельцевъ разсмотрѣвъ ихъ законы, наилучшее, по собственному мнѣнію, предложили на выборъ Вождямъ народовъ. вмѣсто Правленія Родоваго явилось теперь Царское, или Аристократическое.

Наконецъ люди спустились съ горъ на равнины и основали здѣсь города: и вотъ третій образъ жизни, среди коего возникаютъ всѣ прочіе виды Правленій и Государствъ (а)!

Въ такомъ порядкѣ, по мнѣнію Платона, происходятъ и образуются Государства! Сначала — жизнь пастушеская, потомъ — земледѣліе, наконецъ — искусства, ремесла, торговля; сначала — правленіе отеческое и родовое, потомъ — болѣе сложныя общины подъ Правленіемъ Царскимъ, или Аристократическимъ, наконецъ — всѣ другіе Образы Правленій.

4) *Понятіе Государства.*

§ 26.

И такъ мы видимъ теперь предъ собою Государства, или уже дѣйствительно образованныя, или по крайней мѣрѣ образующіяся. *Что же такое, послѣ всего сказаннаго, есть Государство въ глазахъ Платона?* Это есть общество людей добродѣтельныхъ, соединенныхъ между собою дружбою и единопудіемъ въ одинъ тѣсный союзъ для жизни добродѣтельной, — общество, которое само въ себѣ имѣетъ все нужное для сей цѣли, и представляетъ въ себѣ осуществленіе Идеи Правды въ обширнѣйшемъ видѣ (б).

Такое понятіе о Государствѣ частію должно быть уже ясно изъ предшествовавшаго изложенія о необходимости, цѣли и происхожденіи Государства, частію въ послѣдствіи получить все нужное поясненіе. Въ настоящемъ случаѣ мы обращаемъ вниманіе на одну

(а) De leg. III, p. 676 — 682. — (б) Polit. p. 341.

существенную принадлежность Государства, въ семь опредѣленій означенную. Какъ Единое для Платона есть характеръ всего совершеннаго, добраго, такъ и въ понятіи Государства самое главное для Платона есть понятіе Единаго: Государство по самому существу своему есть Единое, а не многое; то Государство, въ коемъ находятся разныя партіи, гдѣ нѣтъ единодушія, любви между гражданами, есть уже, собственно говоря, не одно Государство, а пося одно имя, состоитъ изъ нѣсколькихъ Государствъ (а). По сему Платонъ требуетъ, чтобъ Законы имѣли въ виду благо не одного человека или нѣсколькихъ лицъ, но всего Государства; тѣ Законы, которые даны не для блага всего Государства, онъ не почитаетъ истинными Законами; тѣ Государства, въ коихъ смотрятъ на выгоду только нѣкоторыхъ лицъ, онъ называетъ скопницами (*βταβιωτεῖαι*) (б). Равнымъ образомъ въ понятіи Единаго онъ видитъ и мѣру для величины Государства: „Начальники должны увеличивать Государство только дотолѣ, пока оно, возрастая, остается еще Единымъ,—не далѣе; вообще они должны всѣчески стараться о томъ, чтобъ Государство было достаточнымъ (*ἰκανή*) и единымъ“ (в). Мы увидимъ въ свое время, какими тѣсными предѣлами Платонъ ограничиваетъ величину своего Государства.

5) О существѣ разныхъ Образовъ Правленія.

§ 27.

Управлять людьми въ обществѣ можно, по ученію Платона, двумя только способами: *Умомъ* непосредственно и *Законами*. Тотъ и другой способъ управленія утверждается на одномъ неизмѣнномъ началѣ: на Правдѣ. Но Умъ можетъ обнимать всѣ подробности житейскихъ и общественныхъ нуждъ, можетъ приспособлять свои правила къ особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста; напротивъ, Законъ самъ по себѣ

(а) De rep. IV, p. 423; cf. Politic. p. 283—284.—(б) De leg. IV, p. 715.—(в) De rep. IV, p. 423.

будучи общъ и непреклоненъ, не можетъ имѣть того же гибкаго объема. Отсюда, по мнѣнію Платона, совершеннѣйшее Правленіе было бы то, въ коемъ владычествуетъ Умъ. Но какъ въ приложеніи къ настоящему порядку дѣлъ человѣческихъ это идеальное совершенство невозможно: то Платонъ хотя и отдастъ ему мысленное преимущество, тѣмъ не менѣе однако для дѣйствительнаго состоянія рода человѣческаго находитъ приличнымъ только Правленіе подъ Законами (а). Сему Правленію онъ противопоставляетъ Правленіе безъ Законовъ и потому раздѣляетъ всѣ дѣйствительныя образы Правленія на два главныхъ рода: Правленіе подъ Законами, и Правленіе безъ Законовъ. Въ первомъ родѣ онъ различаетъ три вида: Власть Царскую (*βασιλευα*), Аристократію и Демократію; во второмъ также три вида: Тиранию, Олигархію и Охлократію. Изъ сихъ шести видовъ Правленія Платонъ одинъ только три первые вида считаетъ правильными и съ Правдою совмѣстными, а между ими даетъ преимущество Власти Царской (б). Есть еще, по словамъ Платона, Правленіе, въ коемъ Власть Царская, Аристократія и Демократія сложены въ одно цѣлое. Таковымъ онъ находитъ Правленіе въ Спартѣ и Критѣ, и сей Образъ Правленія относитъ также къ числу правильныхъ (в).

§ 28.

Кромѣ предложеннаго встрѣчается у Платона еще другое раздѣленіе Государствъ и Правленій, равно важное, равно существенное. По отношенію къ нравственному совершенству каждой души, взятой порознь, Платонъ находитъ возможными только слѣдующія пять состояній: 1) то состояніе, когда въ душѣ господствуетъ Правда всецѣло со всѣми особенными ея добродѣтелями, между коими Мудрость занимаетъ высшее мѣсто; 2) когда въ душѣ владычествуетъ Мужество и Умѣренность, но безъ Мудрости; 3) когда господствуетъ одна Умѣренность, безъ Мудрости и Мужества; 4) когда ни одна изъ сихъ трехъ добро-

(а) *Politic.* p. 291—297; cf. *de leg.* I, p. 644, 645; IV, p. 715; *Min.* p. 313—318.—(б) *Politic.* p. 302—303; *de leg.* IV, p. 714; cf. p. 709—712.—(в) *De leg.* IV, p. 712—713; cf. p. 692. sqq.—

дѣтелей не имѣеть мѣста, когда союзъ между силами душевными совершенно разторгнутъ и каждая изъ нихъ стремится къ своей отдельной цѣли; 5) наконецъ, когда вся душа поработчена владычеству одной какой нибудь страсти (а). То же самое различіе Платонъ видитъ въ образахъ Правленія и по сему принимаетъ пять видовъ Государственнаго Устройства. Первый видъ есть тотъ, когда въ Государствѣ начальствуетъ Мудрость, и Правда со всѣми ея добродѣтелями является вполне осуществленною; второй — тотъ, когда въ Государствѣ преобладаетъ Мужество съ воинскимъ духомъ и Умѣренность, но безъ Мудрости; третій, — когда остается одна только Умѣренность, безъ Мудрости и Мужества; четвертый, — когда всѣ добродѣтели изглажены и неправда господствуетъ повсюду, но будучи еще раздроблена по разнымъ лицамъ; наконецъ пятый, — когда неправда вся вполне представляется сосредоточенною въ одномъ лицѣ — въ Тираниѣ. Первый видъ Государства есть самый лучший, совершеннѣйшій; второй и третій имѣютъ только нѣкоторую часть достоинства; въ четвертомъ и пятомъ нѣтъ уже и тѣни Правды (б).

§ 29.

Приступая къ подробному изложенію ученія Платона о разныхъ Образахъ Правленія и вѣтвяхъ Законодательства, мы должны еще заняться предварительно однимъ вопросомъ. Ученіе Платона о сихъ предметахъ содержится въ двухъ сочиненіяхъ: *О Государствѣ* и *О Законахъ*. Но между сими сочиненіями находится рѣзкая противоположность: въ первомъ Государство изображается подъ властію Мудрыхъ мужей, управляющихъ независимо отъ Законовъ; напротивъ во второмъ существовою его принадлежностію суть именно Законы. Въ первомъ общеніе имуществъ, общеніе женъ и дѣтей, совершенная для обоихъ половъ одинаковость воспитанія и участія въ дѣлахъ Государствен-

(а) De rep. VII, p. 548—549; 553—555; 558—561; IX, p. 571—576. — (б) De rep. VII, p. 546—548; 549—553; 555—558; 562—569.

ныхъ суть главныя Установленія; во второмъ они не признаются существенными (а). Какъ согласить такія противорѣчія?

Для рѣшенія сего вопроса были составлены разныя предположенія. Одни (б) думали, что Платонъ въ теченіи времени перемѣнилъ свои мысли. Другіе (в) утверждали, что между тѣмъ какъ въ первомъ сочиненіи изображается только существо наилучшаго Образа Правленія (*πολιτεία*), во второмъ со всею подробностію начертываются самые Законы (*νόμοι*) для Государства, состоящаго подъ наилучшимъ Образомъ Правленія. Иные (г) предполагали, что въ первомъ сочиненіи Платонъ представляетъ намъ Идеалъ Государства, или изслѣдываетъ вопросъ, какой Образъ Правленія есть безусловно лучшій, напротивъ во второмъ онъ старается примѣнить сей Идеалъ къ исторически-дан-нымъ обстоятельствамъ, и слѣдовательно изображаетъ только то, что по сему Идеалу можетъ быть приведено въ дѣйствіе.

Противъ перваго предположенія можно указать множество мѣстъ изъ Разговоровъ о Законахъ, гдѣ вполне одобряются мысли, изложенныя въ Сочиненіи о Государствѣ (д). Нельзя также припять и втораго

(а) Агъ (Platon's Leben und Schriften. Leipzig. 1816. S. 386) указываетъ еще на слѣдующія противорѣчія: 1) время брачной жизни ограничивается въ Сочиненіи о Государствѣ V, р. 460 для мужескаго пола возрастомъ отъ 30 до 55 лѣтъ, для женскаго отъ 20 до 40; въ Законахъ напротивъ IV, р. 721; VI, р. 785 для мужескаго пола возрастомъ отъ 30 до 35, для женскаго отъ 16 до 20. Но въ Законахъ говорится только о лѣтахъ, когда лица того и другаго пола могутъ и должны вступить въ союзъ супружескій. Если въ семъ отношеніи начальнымъ предѣломъ для женскаго пола въ одномъ сочиненіи поставляются 16 лѣтъ, въ другомъ 20; то подобное разногласіе ни мало не удивительно по отношенію къ такому предмету, который, переходя въ кругъ количественнаго, по самой природѣ своей не позволяя никакого точнаго опредѣленія. 2) Въ Законахъ не говорится о Войнахъ, какъ объ особенномъ Состояніи, между тѣмъ какъ Сочиненіе о Государствѣ разсуждаетъ объ нихъ съ такою подробностію. Но всѣ граждане Государства, описываемаго въ Законахъ суть не что иное, какъ Воины. 3) То и другое сочиненіе говорятъ не одинаковымъ образомъ о Тиранинѣ. Но въ какомъ отношеніи? См. De rep. VI, р. 502; cf. De leg. IV, р. 709—712.— (б) Между прочими и Лерминье въ Philosophie du droit. Bruxelles. 1832. р. 206. Мы не упоминаемъ о томъ предположеніи, будто Законы несправедливо приписываются Платону, ибо ихъ подлинность — судя уже по тому, что выше (§ 15 на стран. 16, подъ лит. (а) было сказано — не подлежитъ сомнѣнію. — (в) Аристотель частію Aristot. Polit. II, 3 § 2; и Цицеронъ Cic. de leg. I, 5.—(г) Частію уже Аристотель l. с.—(д) См. особенно De leg. V, р. 739—740; VII, р. 804. sqq. р. 814. sqq. IX, р. 875.

предположенія: ибо въ Сочиненіи о Государствѣ Платонъ, приводя все устройство Государственное къ личной мудрости Правителей, подробнѣйшіе Законы совсѣмъ почитаетъ ненужными (а). Слѣдовательно остается принять только третье предположеніе. Основательность его доказывается собственными словами Платона. Платонъ самъ признается, что въ Разговорахъ о Государствѣ онъ начерчивалъ только образецъ (*παράδειγμα*), Идеаль Государства, не заботясь о томъ, можетъ ли оно точно въ семъ видѣ существовать на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ (б). Платонъ самъ также называетъ другое свое Государство, описываемое въ Разговорахъ о Законахъ, твореніемъ наиболѣе близкимъ къ безсмертному образцу (в); для построенія новаго своего зданія онъ собираетъ въ одно мѣсто все, что имъ представлялось наилучшаго въ Законахъ Греческихъ, и особенно Спарты и Крита (г), и принаровляясь къ дѣйствительности, повсюду стремится дать ей отъ себя направленіе идеальное (д).

II. ПЗОБРАЖЕНІЕ РАЗНЫХЪ ВИДОВЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ВЪ ЧАСТНОСТИ.

А. Идеаль Государства — по смыслу Разговоровъ о Государствѣ.

§ 30.

По отношенію къ идеальному Государству подлежатъ нашему разсмотрѣнію: 1) *качество и количество людей* въ Государствѣ. 2) *Состоянія* въ немъ вообще. 3) *Образъ Правленія*. 4) *Общія Установленія* въ высшихъ Состояніяхъ Государства. 5) *Средства* для того, чтобъ сдѣлать и сохранить Государство *сообразнымъ Идею Правды*, 6) *Отношеніе къ другимъ Государствамъ и народамъ*.

(а) De rep. IV, p. 425; p. 427. Но отсюда несправедливо было бы заключать съ Астомъ (а. а. О. S. 384—386.), что мысль о подробнѣйшемъ Законодательствѣ вообще несогласна съ духомъ Философіи Платоновой; напротивъ, Законы имѣютъ здѣсь свое необходимое мѣсто, будучи однимъ изъ способовъ управленія людьми въ обществѣ (см. выше § 27.—(б) De rep. V, p. 472—473; cf. IV, p. 423.—(в) De leg. V, p. 740. — (г) De leg. III, p. 702; cf. I, p. 626.—(д) Ср. ниже § 39—48.

1) *Качество и количество людей въ Государствѣ.*

§ 31.

Прежде всего надобно замѣтить, что Платонъ свой Идеаль Государства начертываетъ для однихъ только *Грековъ*. Государство, которое онъ создаетъ, есть Государство Греческое (а).

Число, самое небольшое по нашимъ понятіямъ, именно тысяча собственно такъ называемыхъ гражданъ, въ глазахъ Платона уже достаточно для того, чтобъ составить Государство (б). Вообще относительно состава и пространства онъ требуетъ, чтобъ Государство не было ни великимъ, ни малымъ, а всегда пребывало достаточнымъ и единымъ (в). Сдѣлать Государство, сколько возможно болѣе, достаточнымъ и единымъ — это наипаче онъ имѣетъ въ виду при всѣхъ своихъ постановленіяхъ, дабы чрезъ то самое изобразить въ Государствѣ и Правду несовершеннѣйшимъ образомъ.

2) *Состоянія въ Государствѣ.*

§ 32.

Чтобъ Государство само въ себѣ было достаточнымъ и единымъ, въ немъ, по требованію Платона: во 1-хъ должны быть лица, которые бы, обладая познаніемъ Идей добра, сообразно съ нею устроили все Государство (г). Во 2-хъ должны быть лица, которые бы поставленное первыми приводили въ исполненіе и какъ людей, находящихся внутри Государства, содержали въ покорности, такъ и отражали враговъ, нападающихъ извнѣ (д). Въ 3-хъ должны быть лица, которые бы производили вещи, служащія къ удовлетворенію физическихъ потребностей гражданъ (е).

Платонъ требуетъ при семъ далѣе, чтобъ каждый въ Государствѣ занимался какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ. Причина подобнаго

(а) De rep. V, p. 470; cf. IV, p. 435—436. — (б) Arist. Polit. II, 3 § 2; cf. Plato Politic. p. 292—293. Въ томъ и другомъ мѣстѣ разумѣются только лица, принадлежащія къ высшимъ Сословіямъ, извѣстнымъ въ Сочиненіи о Государствѣ подъ общимъ именемъ Стражей. — (в) De rep. IV, p. 423. — (г) Ib. p. 517. — (д) Ib. III, p. 415. — (е) Ib. II, p. 369—371.

требованія заключается не только въ томъ, что каждый, занимаясь однимъ дѣломъ, можетъ лучше его дѣлать, нежели занимаясь многими (а), но еще болѣе въ томъ, что каждый человѣкъ по самой своей природѣ бываетъ способенъ къ одному извѣстному роду дѣла, смотря по тому, преобладаетъ ли въ душѣ его сила Ума, или сила парсїи, или сила пожеланій (б).

Такимъ образомъ согласно тремъ родамъ дѣла въ жизни Государственной для Платона сами собою образуются три Состоянія людей въ Государствѣ, и уже по самой своей природѣ каждое лице принадлежитъ къ тому или другому Состоянію. Это суть: *Правительственное Состояніе, Воинское и Промышленное* (в).

Каждое состояніе, занимаясь однимъ родомъ дѣла, соотвѣтствующимъ одной изъ силъ душевныхъ, въ тоже время осуществляетъ собою, въ глазахъ Платона, и одну добродѣтель. И такъ въ Государствѣ находятся всѣ добродѣтели: Мудрость — Состояніе Правительственное (г), Мужество — Состояніе Воинское (д), Умѣренность — Состояніе Промышленное (е). Но какъ изъ соединенія сихъ добродѣтелей составляется Правда, то Государство, гдѣ каждый исполняетъ свое дѣло, и не вмѣшивается въ дѣло другихъ, изображаетъ въ себѣ полное понятіе Правды (ж).

Вообще всѣ Состоянія Платонъ признаетъ наследственными, слѣдуя тому физическому порядку, что отъ золота происходитъ золото, отъ серебра серебро и т. д. Въ случаѣ изъятій отъ общаго правила,

(а) De rep. II, p. 370. — (б) De rep. III, p. 415; IV, p. 423. Cf. De leg. I, p. 626. — (в) Состояніе — *αἰετός* De rep. IV, p. 427; *ἔθνος* (ib. p. 420); *γένος* (De rep. VIII, p. 546). — Состояніе Правительственное — *ἀρχόντες* (De rep. III, 414). — Состояніе Воинское — *στρατιῶται* De rep. III, p. 414). — Состояніе Промышленное *δημιοῦοί, γεωργοί* (De rep. III, p. 415). — (г) De rep. IV, p. 428. — (д) Ib. p. 429—430. — (е) Ib. p. 430—432. Умѣренность въ Государствѣ, по опредѣленію Платона, есть такое совершенство, по коему желаніе и Умъ немногихъ благороднѣйшихъ владычествуютъ надъ желаніями многочисленнаго низшаго класса, такъ, что управляющіе и управляемые согласны между собою въ томъ, кто изъ нихъ долженъ повелѣвать, кто повиноваться. Хотя по сему Умѣренность есть добродѣтель, общая всѣмъ тремъ Состояніямъ, однако она получаетъ свое бытіе только по отношенію къ низшему Состоянію. — (ж) Ib. p. 432—435.

онъ почитаетъ долгомъ Правительства—каждому человѣку указать то Состояніе, къ которому онъ принадлежитъ по своей внутренней природѣ (а).

§ 33.

Опредѣляя взаимное отношеніе Состояній, Платонъ хочетъ, чтобъ всѣ въ Государствѣ были Едино, чтобъ всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ на братьевъ (б). Онъ твердо держится той мысли, что начальствующіе управляютъ не для собственной выгоды, а для общаго блага, для блага подчиненныхъ (в). Лица изъ первыхъ Сословій по отношенію къ послѣднему называются у него иначе, какъ Стражами, оберегателями (*φύλακες*), и сравниваются съ пастырями, охраняющими стадо (г).

Сей тѣсный союзъ, сіе дружественное отношеніе трехъ Состояній не устанавливаетъ однако же между ими равенства. Въ занятіи дѣлами, служащими къ удовлетворенію физическихъ потребностей жизни, Платонъ видитъ нѣчто подлое, презрѣнное, рабское. Потому и Состояніе, занимающееся этими дѣлами, собственно говоря, есть только совокупность рабовъ, принадлежащихъ цѣлому Государству, или лучше обоимъ высшимъ Состояніямъ въ цѣлости, какъ истиннымъ гражданамъ. Оберегаемое своими Стражами, оно ведетъ жизнь мирную, умѣренную, прилежно работаетъ для себя и для Стражей и въ веселіи сердца восхваляетъ своихъ боговъ (д). Предоставляя самимъ Правителямъ Государства опредѣлять всю область промышленности (е), Платонъ съ своей стороны повелѣваетъ только Стражамъ особенно смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не вкрался въ Государство ни богатство, ни бѣдность (ж), и обращаетъ все свое вниманіе на оба высшія Состоянія.

(а) De rep. III, p. 415. Cf. Menex. p. 237; Cratyl. p. 394. — (б) De rep. IV, p. 423; III, p. 415. — (в) De rep. I, p. 346. sq. VI, p. 489. — (г) De rep. II, p. 375—376; III, p. 415. — Имя Стражей (*φύλακες*) Платонъ желалъ бы дать преимущественно лицамъ Правительствующимъ, а Воиновъ — называть только помощниками первыхъ. IV, p. 414. — Впрочемъ обыкновенно то и другое Состояніе онъ называетъ общимъ именемъ Стражей. Сей-то послѣдній обширный смыслъ разумѣется вездѣ въ настоящемъ Разсужденіи, если гдѣ говорится о Стражахъ. — (д) De rep. II, p. 572. — (е) De rep. IV, p. 425. — (ж) De rep. IV, p. 421—422.

3) Образъ Правленія.

§ 34.

Единство Государства наиболѣе выражается въ *Состояніи Правительственномъ*. Оно состоитъ изъ Философовъ, т. е. изъ людей, знающихъ Единую цѣль въ жизни—Идею добра (а). Сіе влѣстительство Философовъ въ Платоновомъ Государствѣ всегда казалось удивительнымъ, нерѣдко страннымъ и пелѣвымъ. Но что разумѣется здѣсь подъ именемъ Философовъ? Это суть люди, въ коихъ соединяются въ высшей степени всѣ человѣческія совершенства: люди, сердечно любящіе и съ неутомимостию собирающіе всѣ тѣ познанія, коихъ предметомъ есть истинно существующее; люди умѣренные, пренебрегающіе чувствешныя удовольствія и стяжанія; люди мужественные, благородные, которые повсюду ищутъ цѣлаго и полнаго, которые, обнимая мыслию все пространство времени и все сущее, не могутъ взирать на жизнь, какъ на нѣчто великое, и слѣдовательно на смерть, какъ на нѣчто страшное; словомъ, люди, вполне преданные Правдѣ (б). Лица съ такими совершенствами, надлежащимъ образомъ воспитанные и пріобрѣтшіе всю нужную опытность для управленія Государствомъ,—такіе лица называются у Платона Философами, и по достиженіи 50 лѣтъ вступаютъ въ управленіе его Государствомъ (в).

Какъ подобныхъ людей бываетъ вездѣ немного, то Правленіе въ Государствѣ Платоновомъ есть Царское или по крайшей мѣрѣ Аристократическое (г).

Въ слѣдствіе общаго постановленія о наследственности Состоянія, это Правленіе, *вообще* говоря, есть наследственное (д).

Какъ наконецъ управляющіе обладаютъ здѣсь истиннымъ вѣдѣніемъ, то они въ управленіи своемъ и не ограничиваются никакими Законами (е).

(а) De rep. V, p. 472—473. — (б) De rep. VI, p. 485—487; VII, p. 535—536. — (в) De rep. VII, p. 536—541. — (г) De rep. IV, p. 445. — (д) De rep. III, p. 415. — (е) De rep. VII, 540; IV, 425. — Само собою разумѣется, что постановленія, коими опредѣляется существо этого

Вотъ постановленія, касающіяся исключительно Состоянія Правительственнаго! Другой рядъ постановленій, не менѣ существенныхъ для Платонова Государства, простирается на все вообще Сословіе Стражей.

4) *Общія Установленія въ высшихъ Государственныхъ Состояніяхъ.*

§ 35.

Видя въ Стражахъ гражданъ въ собственномъ смыслѣ, Платонъ употребляетъ всевозможныя успія, чтобъ сдѣлать и сохранить сіе Сословіе само въ себѣ единымъ.

Уже внутренняя, нравственная красота, выраженная въ тѣлѣ, которая отличаетъ Стражей, должна заставить ихъ любить другъ друга: прекрасное само по себѣ достойно любви (а).

Далѣе, въ Сословіи Стражей вмѣсто установленій, обыкновенно отдѣляющихъ людей другъ отъ друга, существуютъ *Установленія совершенно другаго рода.*

1) Здѣсь не существуетъ *различія между мужескимъ и женскимъ поломъ относительно исправленія дѣлъ и должностей общественныхъ*: женщины, имѣя въ семъ отношеніи такую же природу, какъ и мужчины, участвуютъ въ защитѣ и управленіи Государства наравнѣ съ ними)б).

2) Здѣсь не существуетъ *частной собственности.* Все Стражи, какъ мужчины, такъ и женщины, живутъ въ однихъ общихъ воинскихъ жилищахъ и получаютъ все нужное для себя въ определенномъ порядкѣ отъ Состоянія Промышленнаго подъ видомъ наемной платы, безъ излишества и безъ недостатка; все посѣщаютъ общіе столы и живутъ такъ, какъ будто бы стояли въ полѣ (в).

3) У Стражей *жены и дѣти общія.* Само Правительство устрояетъ между Стражами временные брачныя союзы подъ своимъ надзоромъ.

Образъ Правленія (т. е. *πολιτεία* въ противоположность *νόμος*) должны оставаться не нарушимы; (см. напр. De ger. II, p. 283; IV, p. 425; VII, p. 541); ибо только въ слѣдствіе сего Правленія (*πολιτεία*) и не нужны въ немъ *νόμοι*.

(а) De ger. III, 403.—(б) De ger. V, p. 456—457; VII, p. 540; cf. de leg. V, p. 739.—(в) De

Законный возраст къ браку полагается для мужскаго пола отъ 25 до 55 лѣтъ, для женскаго отъ 20 до 40 лѣтъ. Правительство, сочсставая людей сего возраста, старается притомъ, съ помощію даже певинныхъ хитростей, соединять лучшихъ съ лучшими и худшихъ съ худшими, и особенно покровительствуетъ на сей разъ отличныхъ, храбрѣйшихъ юношей, дабы отъ нихъ родилось, сколько возможно, болѣе наилучшихъ дѣтей. Въ опредѣленіи числа браковъ Правительство сообразуется съ обстоятельствами, имѣя въ виду всегда сохранять въ Государствѣ одно и то же количество гражданъ безъ приращенія и умаленія.— Какъ Стражъ не имѣетъ у себя жены, соединенной съ нимъ прочными узами; такъ онъ не имѣетъ и дѣтей, которые бы принадлежали ему исключительно. Родители здѣсь даже и не знаютъ, кто ихъ дѣти. Каждый называетъ своими дѣтьми всѣхъ родившихся между седьмымъ и десятымъ мѣсяцемъ, считая съ того дня, какъ онъ сдѣлался супругомъ, родившихся отъ сихъ дѣтей — внуками; сін дѣти напротивъ называютъ его отцемъ, родившіеся отъ нихъ — дѣдомъ; тѣ и другіе называютъ всѣхъ родившихся въ то время, какъ ихъ отцы и матери были еще плодородны, своими братьями и сестрами (а).

Такъ Сословіе Стражей изображаетъ собою одно общее семейство! Каждый называетъ другихъ священными именами родства; каждый долженъ видѣть въ другихъ дѣйствительно своихъ родителей, сыновей, дочерей, братьевъ, сестръ. Такъ въ Сословіи Стражей особенное лицо со своими правами ничего не значитъ! У Стражей все общее — одни и тѣ же занятія для мужчинъ и женщинъ, одно у всѣхъ имущество, однѣ жены и дѣти. Но все это держится добродѣтелію Сословія, существуетъ для нея, выражаетъ только ее собою.

5) Средства для того, чтобъ сдѣлать и сохранить Государство добродѣтельными.

§ 36.

Для непрерывнаго сохраненія и возстановленія добродѣтели въ Сословіи Стражей, или что все равно, въ Государствѣ, два средства находитъ Платонъ безусловно необходимыми: 1) правильный распорядокъ относительно *рожденія* дѣтей, 2) *воспитаніе*. Оба средства, предполагая добродѣтель чѣмъ-то физическимъ, основываются на созерцаніи дѣйствія силъ физическихъ.

1. *Рожденіе*. Какъ, по мнѣнію Платона, добрыя природныя качества составляютъ первое условіе добродѣтели, а по общему правилу доброе рождается отъ добраго и худое отъ худаго; то прежде всего онъ требуетъ, чтобъ Правительство обращало особенное вниманіе на рожденіе дѣтей (а). Мы видѣли уже, какъ должны быть устроены браки. Изъ всѣхъ дѣтей, рождающихся въ Сословіи Стражей, только дѣти отъ браковъ, устроенныхъ Правительствомъ между лучшими лицами, считаются законнорожденными предъ лицомъ Государства, впрочемъ за исключеніемъ родившихся уродами (б).

2. *Воспитаніе*. Чтобъ быть добродѣтельнымъ, надобно еще, родившись съ добрыми качествами, получить доброе воспитаніе; въ противномъ случаѣ чѣмъ лучше природныя дарованія, тѣмъ будутъ они пагубнѣе, получивъ превратное каправленіе (в). Платонъ говоритъ: „въ сравненіи съ воспитаніемъ все прочее, предписываемое отъ насъ Стражамъ, маловажно“ (г).

Воспитаніе въ Платоновомъ Государствѣ для всего Сословія Стражей есть общее. Младенцы, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, признанные Государствомъ, по рожденіи тотчасъ поступаютъ въ общій воспитательный домъ къ кормилицамъ (д).

(а) De rep. VIII, p. 546.—(б) De rep. I, p. 459; 461.—(в) De rep. VI, p. 491.—(г) De rep. IV, 423. Cf. p. 424.—(д) De rep. V, p. 460.

Вскормленные такимъ образомъ дѣти сначала получаютъ все одинаковое образованіе. Посредствомъ воспитанія правильное мнѣніе о добрѣ и злѣ должно сродниться какъ бы съ самою ихъ природою. Они должны сдѣлаться столько же добродушными, сколько и храбрыми (а), быть образованными какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. На сей конецъ все они обучаются Музыкѣ и Гимнастикѣ. Оба Искусства помогаютъ другъ другу. Назначеніе Музыки есть образовывать душу, назначеніе Гимнастики — между прочимъ образовывать тѣло. Но при тѣлесныхъ упражненіяхъ надобно особенно имѣть въ виду не то, чтобъ сдѣлать тѣло крѣпкимъ, а чтобъ возбудить естественное мужество, — и вотъ истинная цѣль Гимнастики по мнѣнію Платона! Музыка напротивъ съ своей стороны должна воспитать любознательное въ душѣ, и такимъ образомъ сдѣлать ее кроткою, умѣренною, произвести въ ней внутреннюю благонастроенность, возбудить чувство изящнаго. Предающіеся односторонно Гимнастикѣ бываютъ слишкомъ грубы, предающіеся исключительно Музыкѣ — слишкомъ изиѣженны (б).

Кромѣ гимнастическихъ и музыкальныхъ упражненій все дѣти обучаются въ то же время Математикѣ, преимущественно какъ Наукѣ, могущей служить самымъ лучшимъ приуготовленіемъ къ Философіи (в). Отличнѣйшіе изъ нихъ по дарованіямъ, поведенію и успѣхамъ, начиная съ 20 лѣтъ, постепенно вводятся въ кругъ Наукъ Философскихъ, и наконецъ самые избранныѣйшіе, послѣ 15-лѣтнихъ практическихъ занятій, нужныхъ для приобрѣтенія опытности въ дѣлахъ Государственныхъ, посвящаются въ 50 лѣтъ своего возраста въ высшія тайны Философіи, и, когда придетъ очередь, вступаютъ въ управленіе Государствомъ (г).

(а) Cf. De rep. II, p. 375—376.—(б) De rep. II, p. 376; III, p. 410—412. Особенно см. III, p. 401—402. О Музыкѣ подробно говорится II, p. 376—III, p. 402; X, p. 595—608. Подъ именемъ Музыки разумѣется здѣсь не только Искусство пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ, но и вся вообще Поэзія. Приписывая Музыкѣ чрезвычайное вліяніе на образованіе юныхъ сердецъ, Платонъ естественно требуетъ, чтобъ она вполнѣ соответствовала цѣли воспитанія, и по тому извергаетъ изъ своего Государства всехъ стихотворцевъ, которые бы или содержаніемъ своихъ твореній, или образомъ изложенія могли повредить доброй нравственности. — О Гимнастикѣ говорится III, p. 403—409. — (в) De rep. VII, p. 521—534. — (г) De rep. VII, p. 536—541.

Всѣ предложенныя постановленія о воспитаніи простираются какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ, которыя воспитываются совершенно наравнѣ и вмѣстѣ съ другимъ поломъ (а).

б) Отношеніе къ другимъ Государствамъ и Народамъ.

§ 37.

Мы обозрѣли теперь весь кругъ постановленій, опредѣляющихъ существенное во внутреннихъ отношеніяхъ идеальнаго Государства. Для *внѣшнихъ* отношеній Платонъ также начертываетъ нѣкоторыя общія правила. Всѣ Греки, — говоритъ онъ, — друзья и родные между собою, всѣ они любятъ Греческое, всѣ почитаютъ Грецію своєю родною, всѣ имѣютъ общія Святилища; по сему брая между ними не должна быть называема войною, а какъ бы внутреннимъ возмущеніемъ (*βροχίς*); воюя между собою, они всегда должны помнить, что имъ надлежитъ опять примириться, а не вѣчно оставаться въ войнѣ. Итакъ имъ не прилично дѣлать другъ друга рабами, опустошать земли другъ у друга, разорять селенія (б). Словомъ: бытіе Правды во взаимныхъ отношеніяхъ Греческихъ Государствъ между собою Платономъ признается вполне. Напротивъ Греки и Варвары суть, по его словамъ, между собою враги отъ природы и ведутъ дѣйствительную войну (в). Опредѣляя точнѣе отношенія однихъ къ другимъ, онъ, кажется, забываетъ то общее правило, по которому одинъ человекъ вообще не долженъ вредить другому (г): въ войнѣ съ Варварами онъ позволяетъ Грекамъ обращать ихъ въ рабство, истреблять у нихъ жилища, опустошать поля (д).

§ 38.

Вотъ идеальное Государство Платоново! Оно, образуя изъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ его составъ какъ бы одно лице, дѣлая всѣхъ гражданъ какъ бы членами одного человека, проникнутыми одною жиз-

(а) De rep. V, p. 452; 458; VII, p. 541. — (б) De rep. V, p. 470—471. — (в) De rep. V, p. 471. — (г) De rep. I, p. 331—336. — (д) De rep. V, p. 470—471.

нію, содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для существованія Правды между людьми и само есть величественное ея изображеніе. Только это одно Государство, по мнѣнію Платона, вполне достойно своего имени. Другія Государства должны по возможности уподобляться сему единственному образцу, и только въ той мѣрѣ заслуживаютъ быть называемы Государствами, въ какой мѣрѣ они приближаются къ нему (а). Напротивъ чѣмъ болѣе общество удаляется отъ него, тѣмъ менѣе бываетъ въ гражданахъ добродѣтели, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ нихъ неправда, и общество, совершенно противоположное истинному Государству, есть неправда въ высшей степени (б).

Разговоры о Государствѣ представляютъ намъ совершеннѣйшее Государство въ покоѣ, въ мирномъ преслѣянн. Въ Разговорѣ подъ именемъ: *Критій* — Платонъ хотѣлъ еще показать его въ движеніи, въ борьбѣ съ другими несовершенными Государствами; безконечное преимущество перваго предъ послѣдними должно было открыться отсюда само собою (в). Но отъ сего сочиненія мы имѣемъ одно только начало, хотя довольно длинное, начало работы или не оконченной, или не сохранившейся вполне до нашихъ временъ.

Б. Приложеніе Идеала къ дѣйствительности — по смыслу Разговоровъ о Законахъ.

§ 39.

Приложеніе Идеала къ дѣйствительности, именно къ Греческимъ Государствамъ, содержится въ Разговорахъ о Законахъ. Въ нихъ предполагается, что Критяне намѣрены основать колонію (г). Для сей-то

(а) De rep. V, p. 472—473; cf. II, p. 423.—(б) De rep. VII, p. 546—548; 549—553; 555—558; 562—569.—(в) Тімаей p. 19.—Впрочемъ и Государство идеальное имѣетъ свой опредѣленный конецъ. Принимая по отношенію къ нравственному совершенству пять видовъ Государственного Устройства (См. выше § 28), Платонъ думалъ, что постепенность, въ какой сии виды отстоятъ другъ отъ друга, выражаетъ вмѣстѣ и порядокъ, въ какомъ имѣются Государства. По указанію исторически замѣчательнѣйшихъ для Греціи формъ Государственного устройства, онъ дѣйствительно описалъ намъ, какъ Идеаль, мало по малу теряя свои существенныя черты, наконецъ совсѣмъ исчезаетъ предъ неправдою; онъ представлялъ намъ какъ бы Философію Исторіи.—(г) De leg. III, p. 702.

колоніи здѣсь подробно начертываются Правленіе и Законы по образцу Спартанскихъ и Критскихъ, съ присовокупленіемъ всего, что было лучшаго у другихъ Грековъ, со взоромъ, постоянно устремленнымъ къ Идеалу. Такъ какъ по сему содержаніе Разговоровъ о Законахъ слагается изъ идеальнаго и дѣйствительнаго, и первое нами уже предложено во всей полнотѣ, а второе насъ не касается, то мы ограничимся только самымъ легкимъ очеркомъ Государства, здѣсь описываемаго. Прежде всего мы изложимъ общія понятія о Законѣ, какъ они сообщаются въ сихъ Разговорахъ.

§ 40.

Законъ въ существѣ своемъ по мнѣнію Платона есть выраженіе началъ Ума, кои должны служить общими правилами для Государства (а). По сей причинѣ, такъ какъ всѣ начала Ума образуютъ одну систему, Платонъ хочетъ, чтобъ Законодатели предлагали Законы не отрывками, а въ системѣ, восходили до высшихъ началъ Законодательства и подвигались въ непрерывной послѣдовательности отъ одного разряда Законовъ къ другому (б). По сей также причинѣ онъ почитаетъ во всякомъ Законѣ необходимыми двѣ части: убѣжденіе и угрозу. 1) Разумнымъ существамъ Законъ не просто что либо предписываетъ или запрещаетъ, дѣйствуя какъ бы насильственнымъ образомъ, а присоединяетъ къ тому убѣжденія, показывая причины, для чего постановляется то или другое. Но 2) тѣмъ, которые бы не послушались убѣжденія, Законъ угрожаетъ наказаніемъ (в).

Содержаніе Законовъ по ученію Платона должно простираться какъ на дѣла общественныя, такъ и на частную жизнь гражданъ: ибо безъ устроенія частной жизни не можетъ имѣть твердости и общественный порядокъ (г). Хотя Законодатель не можетъ входить во всѣ подробности, во всѣ мелочные случаи жизни; однако, по мнѣнію

(а) Politic. p. 300; De leg. I, p. 644—645; IV, p. 713—715; IX, p. 875.—(б) De leg. I, p. 631. Sq.—(в) De leg. IV, p. 719—723; IX, p. 854 sequ.—Ту часть Закона, въ которой показываются его причины, Платонъ называетъ *предисловіемъ* (προοίμιον).—(г) De leg. VI, p. 790.

Платона, онъ долженъ и для сихъ отношеній дать нужные совѣты; гражданинъ, сообразующійся съ намѣреніемъ Законодателя не только въ томъ, что онъ повелѣваетъ, но и въ томъ, что совѣтуетъ, стоитъ гораздо выше того, который исполняетъ одинъ его повелѣнія (а).

Неизмѣнность Законовъ есть всегдашняя цѣль, къ которой стремится Платонъ. Онъ особенно желаетъ обратить ихъ въ самые правы народа. Впрочемъ онъ не только не отвергаетъ необходимости усовершенствовать изданныя узаконенія отъ времени до времени, но и требуетъ, чтобъ для наблюденія всего добраго въ другихъ Государствахъ постоянно были посылаемы опытные мужи, ибо вездѣ есть люди достойные того, чтобъ искать у нихъ совѣта (б).

Платонъ признаетъ силу вліянія разныхъ обстоятельствъ и случаевъ на ходъ Законодательства; но „во время бури“ — говоритъ онъ — „искуство кормчаго доставляетъ великую услугу“ (в).

§ 41.

Что касается самаго устройства учреждаемой колоніи, — лучшею по *мѣстоположенію* почитается страна, удаленная отъ моря, которая сама въ себѣ обладаетъ всѣми произведеніями нужными для продовольствія жителей, но безъ излишества. Городъ, имѣющій большое изобиліе въ произведеніяхъ, равно какъ и приморской, необходимо вдается въ торговлю, которая вскорѣ влечетъ за собою роскошь и порчу нравовъ (г).

Между *людьми*, желающими поселиться въ городѣ, дѣлается строгій разборъ, чтобъ отдѣлить добрыхъ отъ худыхъ. Только первые принимаются въ колонію: иначе отъ больныхъ легко могутъ заразиться и здоровые (д).

Земли для города требуется *столько*, чтобъ она могла прокормить известное число гражданъ при умѣренномъ образѣ ихъ жизни; а

(а) De leg. VII, p. 808; 822—823. — (б) De leg. VI, p. 769—772; XII, p. 951—952. — О писанныхъ и неписанныхъ Законахъ см. De leg. VII, p. 793; de rep. VIII, p. 563. — (в) De leg. IV, p. 709. — (г) De leg. IV, p. 704—705. — (д) De leg. V, p. 735—736.

гражданъ—столько, чтобъ они въ состояніи были отражать нападеніе враговъ и подавать помощь сосѣдямъ. Примѣрно число гражданъ полагается въ 5040; на столько же участковъ дѣлится и вся земля (а).

§ 42.

Граждане раздѣляются на 12 колѣнъ (φυλὰί), сколько возможно, равныхъ по своему богатству, и посвящихъ имя 12 боговъ Олимпа (б). Каждое колѣно какъ въ городѣ занимаетъ особую часть, такъ и въ города имѣетъ свои жеребьи въ особой части земли.

Какъ у гражданъ есть уже важное занятіе, требующее большаго ученія и большаго труда, т. е. сохраненіе общаго порядка Государственнаго и пріобрѣтеніе доблести душевной и тѣлесной; то никто изъ нихъ не можетъ заниматься ни земледѣліемъ, ни ремеслами, ни работами у другихъ гражданъ (в).

Населеніе Государства состоитъ потому еще изъ множества рабовъ и иностранцевъ. Рабы во-первыхъ отправляютъ всѣ домашнія работы и службы (г); во-вторыхъ воздѣлываютъ землю для своихъ господъ — гражданъ (д). Иностранцы во-первыхъ занимаются ремеслами; во-вторыхъ ведутъ въ Государствѣ всю торговлю вмѣстѣ съ мелочною промышленностію (е).

§ 43.

Правленіе Государствомъ, образованное вообще въ духѣ аристократическомъ (ж), сосредоточивается въ лицѣ разныхъ Сапожниковъ (ἀρχαί) (з), Совѣта (βουλή) (и) и Народнаго Собранія (ἐκκλησίαι) (і). Степень участія Гражданина въ Правленіи зависитъ отъ класса, къ которому онъ принадлежитъ по своему богатству; на сей конецъ опредѣлено 4 класса (к).

(а) De leg. V, p. 737. seqq. — (б) De leg. V, p. 745. — (в) De leg. VIII, p. 846. seqq. cf. VII, p. 807. — (г) De leg. VI, p. 776. seqq. — (д) De leg. VII, p. 806. cf. VIII, p. 847—848. — (е) De leg. XI, p. 918. seqq. — ж) De leg. VI, p. 757—758. cf. Arist. Polit. II, 3. § 11—12. — (з) De leg. VI, p. 753—756 759—768. — (и) De leg. VI, p. 756—758. — (і) De leg. VI, p. 764. — (к) De leg. VI, p. 754.

§ 44.

Средствами для укорененія добродѣтели между гражданами полагаются надзоръ за правильнымъ рожденіемъ дѣтей и воспитаніе. По сему взаимныя отношенія между супругами подлежатъ строгому наблюденію со стороны Правительства (а); на мужчину возлагается обязанность вступить въ бракъ отъ 30 до 35 лѣтъ (б), женщина должна выйти замужъ отъ 16 до 20 лѣтъ (в). Для воспитанія дѣтей даются также подробныя правила. Дѣти мужескаго пола воспитываются особо отъ дѣвицъ. Первые наставляются въ Гимнастикъ и Музыкъ, и болѣе или менѣе въ Математикъ (г); вторыя, сверхъ Музыки, упражняются и въ Гимнастикъ, дабы въ крайности могли также защищать свое отечество (д).

§ 45.

Въ исправленіи разнообразныхъ Государственныхъ должностей (е), въ священныхъ празднествахъ (ж), въ гимнастическихъ и музыкальныхъ состязаніяхъ (з), въ примѣрныхъ воинскихъ походахъ и сраженіяхъ (и) — въ семъ и подобномъ сему протекаетъ вся жизнь гражданъ. Они имѣютъ общіе столы (і). Женищины — также, но отдѣльно отъ мужчинъ (к).

§ 46.

Впрочемъ и частныя права теперь болѣе или менѣе уважаются. Супружескій союзъ, какъ Установленіе, посредствомъ коего люди, передавая другъ другу жизнь, какъ свѣтильникъ, совершаютъ такимъ образомъ вѣчное священнослуженіе Божеству (л), признается

(а) De leg. IV, p. 783—784.—(б) De leg. VI, p. 772.—Cf. IV, 721; VI, p. 785.—(в) De leg. VI, p. 785.—Cf. VIII, p. 833.—(г) De leg. VII.—(д) De leg. VII, p. 804. Seqq. p. 814. Seqq.—(е) De leg. VI.—(и) De leg. VIII, p. 828.—(з) De leg. VIII, p. 833—835.—(и) De leg. VIII, p. 829—832.—(і) De leg. VIII, p. 842.—(к) De leg. VI, p. 780; VII, p. 806.—(л) De leg. IV, p. 721 VI, p. 774; 776.

во всей его чистотѣ (а) и святости (б). Власть отеческая сохраняется въ полной ея силѣ (в). Права собственности и права по обязательствамъ опредѣляются Закономъ и защищаются Судомъ (г). Наконецъ устанавливается порядокъ наследованія какъ по Закону, такъ и по завѣщанію (д).

§ 47.

Пространное *Уголовное Законодательство* даетъ пужную прочность всему зданію (е). Въ опредѣленіи цѣли наказаній Платонъ не слѣдуетъ какому либо одному началу. Онъ упоминаетъ о слѣдующихъ цѣляхъ: 1) угрозою наказанія отвратить человека отъ преднамѣреваемаго преступленія (ж); 2) наказаніемъ исправить преступника (з); 3) примѣромъ наказуемаго преступника устрашить другихъ и отвратить отъ подобныхъ преступленій (и); 4) наказуя злодѣевъ смертію, изгнаніемъ и т. д., избавить отъ нихъ Государство (і).

§ 48.

Впрочемъ совершенно утвердить свое Государство Платонъ надѣется не иначе, какъ устроить Закопоблюстительное Собраніе (к) изъ людей мудрѣйшихъ и опытнѣйшихъ, которые бы знали существо добродѣтели, знали истинную цѣль Государства, знали, какимъ образомъ достигать ее, что способствуетъ, что вредитъ ей; такіе мужи, имѣя своими помощниками младшихъ гражданъ, непрерывно стоящихъ на стражѣ, получали бы отъ нихъ, какъ Умъ отъ чувствъ, извѣстія о всемъ происходящемъ въ Государствѣ и принимали бы мѣры для его охраненія. Но въ то же время Платонъ сознаетъ всю трудность, почти невозможность образовать подобное Собраніе, и оно нимало не согласуется съ прочимъ составомъ Правленія, описаннаго въ Разгово-

(а) De leg. VIII, p. 841. — (б) Ib. VI, p. 784. — (в) De leg. XI, p. 922 sq. — (г) Ib. XI, p. 913—922. — (д) Ib. XI, p. 922 sq. — (е) De leg. IX—XII. — (ж) De leg. IX, p. 853. — (з) Protag. p. 323—324; Gorg. p. 476—479; 472; 525. — (и) De rep. X, p. 615—616; Gorg. p. 525. — (і) De rep. III, p. 409—410; Polit. p. 293; 309. — (к) De leg. XII, p. 960—969.

рахъ о Законахъ. Сіе послѣднее вмѣстѣ и съ Законами при существованіи Собранія Мудрыхъ уничтожилось бы само собою, и дѣйствительное Государство тотчасъ возвысилось бы на степень идеальнаго. Итакъ требованіе, которымъ заключаются Разговоры о Законахъ, есть только разительнѣйшее указаніе на то идеальное Государство, къ которому всѣ другія должны по возможности приближаться, и которое изображено намъ въ Разговорахъ о Государствѣ.

§ 49.

Если разсматривая оба Государства Платоновы въ совокупности, мы не можемъ не удивляться величественности предпріятія — изобразить, какъ Правда осуществляется въ огромныхъ размѣрахъ Государства; то еще возвышеннѣе по своимъ взглядамъ представляется намъ Философъ, когда онъ сказываетъ, какъ совершенства, изъ коихъ составляется сія Идея, раздѣлены между народами въ цѣломъ родѣ человѣческомъ, какъ Греція находится подъ владычествомъ силы Ума, сѣверные народы подъ господствомъ силы паренія, наконецъ народы Азіи и Египта подъ господствомъ силы пожеланій (а). Хотя мысль сія о проявленіи Правды въ цѣломъ родѣ человѣческомъ у Платона не раскрывается глубже и содержится почти въ одномъ только намекѣ; однако она сама по себѣ такъ важна, что заслуживаетъ быть особенно замѣчательною. Здѣсь видимъ мы понятіе о Правдѣ во всемъ его свѣтѣ, во всей обширности его приложенія.

Изложивъ ученіе Платона о предметахъ Законодательства, мы приступаемъ къ Аристотелю.

(а) De rep. IV, p. 435.

Б. — *Аристотель*.

§ 50.

Какъ *высшее начало* Платоновой Философіи составляетъ Идея, такъ Аристотелевой — Энергія. Идея Платонова не уничтожилась, а только обогатилась еще новою стороною: при началѣ неподвижномъ, всеобщемъ, мы имѣемъ начало дѣятельное, единичное. Аристотель умѣлъ показать силу своей мысли надъ всеми предметами человѣческаго познанія; онъ умѣлъ открыть во всѣхъ вещахъ, къ какимъ ни прикасался, глубокія философскія отношенія.

§ 51.

Для нашего предмета, кромѣ *Этики* въ трехъ ея видахъ (а), мы имѣемъ отъ Аристотеля два *сочиненія*: одно, именно *Политику*, болѣе или менѣе въ первоначальной цѣлости; другое, именно *Экономику*, весьма вѣроятно, только въ извлеченіи Теофрастовомъ (б). Въ сочиненіи *πολιτεῖων* было еще Аристотелемъ описано и оцѣнено политическое устройство около 250 Государствъ; но изъ всего этого до нашихъ временъ сохранились только немногіе отрывки.

§ 52.

Раздѣляя вмѣстѣ съ Платономъ всю Философію на 3 части: Діалектику, Физику и Этику, Аристотель послѣднюю также называетъ общимъ именемъ Политики (в). Какъ цѣль Государства, по его мнѣнію, объемлетъ собою всѣ прочія цѣли человѣческой жизни; такъ и въ *Политикѣ* — *Наукѣ* о Государствѣ, содержатся всѣ другія практическія Науки. Государство, какъ цѣлое, образуется изъ отдѣльныхъ лицъ и домовъ, какъ составныхъ частей: на этомъ основаніи къ Политикѣ въ общемъ смыслѣ относятся у Аристотеля три особенныхъ Науки:

(а) *Ethica Nicomachea, Ethica Eudemia, Ethica magna*. — (б) Здѣсь разумѣется только Экономика, извѣстная въ Изданіяхъ подъ именемъ первой; вторая рѣшительно не принадлежитъ Аристотелю. Вопросъ о томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ творенія сего Философа, не подлежитъ нашему разсмотрѣнію въ особенности. См. впрочемъ Riller's *Gesch. der Philos.* III, S. 20. ff. — (в) *Rhet. I, 2; Magn. mor. I, 1; Eth. Nic. I, 3.*

Этика, Экономика и Политика въ тѣсномъ значеніи сего слова. Предметомъ первой есть добродѣтель чловѣка вообще, или чловѣка взятаго порознь; второй — добродѣтель въ ея приложеніи къ дому; третьей — добродѣтель въ ея приложеніи къ Государству, какъ одному цѣлому (а). Впрочемъ двѣ послѣднія Науки опять соединяются у Аристотеля въ одномъ имени — Политики (б).

§ 53.

Чтобъ означить *мѣсто*, указуемое Аристотелемъ для *предметовъ Законодательства въ цѣлой Философiи*, мы считаемъ нужнымъ обозрѣть все ея содержаніе. Высшимъ источникомъ всякаго Философскаго познанія для Аристотеля, такъ же, какъ и для Платона, есть Умъ. Различіе между обоими Философами состоитъ только въ томъ, что Аристотель сверхъ сего признаетъ и всю важность опыта для Философiи, тогда какъ Платонъ, устремившійся въ область сверхчувственнаго, не уважаетъ опытныхъ познаній.

Два главныхъ образа бытія Аристотель различаетъ въ вещахъ: способность быть чѣмъ нибудь (*δύναμις*) и полную дѣятельность (*ἐνέργεια*) и для объясненія бытія существъ разсматриваетъ четыре особенныхъ вида причинъ: 1) чтобъ могло произойти извѣстное существо, должно уже находиться нѣчто другое, изъ чего бы оно могло произойти: это есть матерія (*ύλη*). 2) Въ противоположность матеріи то состояніе, въ какомъ теперь находится происшедшее оттуда существо, есть его форма (*μορφή*). Матерія и форма относятся другъ къ другу, какъ возможное и дѣйствительное. Но существо тогда только и есть существо извѣстнаго рода, если оно есть чѣмъ нибудь въ самой дѣйствительности, а не въ одной возможности. Форма потому лучше и совершеннѣе матеріи. 3) Форму соединяетъ съ матеріею причина дѣйствующая или движущая (*τὸ κινεῖν*). 4) Дѣйствующая причина дѣйствуя стремится къ чему нибудь — къ извѣстной цѣли (*τὸ τέλος*). — Дѣятельность иногда заключаетъ эту цѣль въ себѣ самой, напр. какъ скоро

(а) Eth. Nic. VI, 8. — (б) Polit. I; VII—VIII.

человѣкъ видѣть вещь, то онъ и увидѣлъ ее; иногда въ чемъ нибудь другомъ внѣ себя, напр. учащійся еще не выучился, а только учится для того, чтобъ выучиться. Въ первомъ случаѣ дѣятельность у Аристотеля называется энергіею, энтелехіею — совершенною дѣятельностію, во второмъ — движеніемъ (*κίνησις*); энергіи, какъ одному предѣлу бытія вещи, соотвѣтствуетъ простая возможность, или способность (*δύναμις*), какъ другой предѣлъ; въ срединѣ между обѣими находится движеніе, какъ переходъ вещи изъ возможности въ дѣйствительность. — Энергія, какъ цѣль сама для себя, есть: 1) самая форма вещи. Цѣль, къ которой стремится дѣйствующая причина, есть именно форма, дѣйствительность бывшаго доселѣ только возможнымъ. Форма, въ какой является вещь по окончательномъ своемъ произхожденіи на свѣтъ, есть совершенная энергія, полная дѣятельность ея способностей, кака только для нее возможна; быть въ полной дѣятельности всѣхъ своихъ способностей — вотъ послѣдняя цѣль всякой вещи! Итакъ подъ именемъ формы у Аристотеля не подобно разумѣть какой нибудь внѣшній видъ; напротивъ, это есть самое внутреннее существо вещи, какъ оно является въ полномъ своемъ раскрытіи, въ полной своей дѣятельности. Равнымъ образомъ 2) энергія есть и движущая причина въ вещахъ. Все вообще произхожденіе основывается на томъ, что дѣйствительная форма одного существа производитъ такую же форму въ матеріи, способной принять ее. Возбужденная такимъ образомъ внутренняя сила потомъ непрерывно сохраняетъ сама себя среди всѣхъ измѣненій, образуетъ свою матерію, разкрываетъ свое внутреннее существо и достигаетъ до совершеннѣйшаго вида, какой для нея возможенъ. — Итакъ три причины: форма, цѣль и причина дѣйствующая, сдѣлались теперь одною. Сей одной противопоставляется, какъ другая крайность, матерія, которую Аристотель напрасно силится уравнивать съ другими причинами. Такимъ образомъ и его Философія, такъ же какъ Платонова, основывается на двойственномъ началѣ. Но онъ видитъ уже вполне зависимость матеріи отъ формы (цѣли, движущей причины): матеріальное само по себѣ есть ничто; оно суще-

ствуется только по отношенію къ формѣ, ибо для другой формы требуется и другая матерія; матерія нужна только подѣ условіемъ цѣли, какъ средство для нея; способность существуетъ только для того, чтобъ быть полною дѣятельностію. Впрочемъ все различіе между способностію и энергіею находится только въ конечныхъ существахъ. Но восходя отъ одного существа до другаго, мы должны наконецъ дойти до такого существа, въ коемъ способность и энергія есть одно и то же, или которое есть чистая энергія, до первой формы, до первой цѣли, до первой движущей причины. Это есть, по ученію Аристотеля, Богъ, котораго онъ представляетъ намъ въ самомъ возвышенномъ видѣ, какъ Существо, которое держится само собою, Существо самостоятельное, неизмѣняемое, которое, не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго, слѣдовательно чувственнаго, необходимо должно быть существомъ умственнымъ. Но „Умственное и Умъ есть одно и то же,“ говоритъ Аристотель и потому не иначе взираетъ на Бога, какъ на совершеннѣйшій Умъ. Будучи полнотою бытія, цѣлію всѣхъ вещей, Богъ обладаетъ высочайшимъ блаженствомъ — блаженствомъ непрерывнаго, совершеннѣйшаго вѣдѣнія. Составляя Самъ средоточіе всѣхъ цѣлей, Богъ не можетъ дѣйствовать подобно людямъ для достиженія какихъ нибудь цѣлей. Его дѣятельность состоитъ только въ умственномъ созерцаніи. Но Онъ созерцаетъ не что либо вѣ Себя, а только Себя Самого. Но какимъ же образомъ Богъ производитъ движеніе, будучи самъ неподвиженъ? Такъ какъ Онъ есть Существо вождѣлннѣйшее, послѣдняя цѣль; то, по ученію Аристотелеву, всѣ прочія вещи сами стремятся, сами движутся къ Нему, тогда какъ Онъ остается неподвижнымъ. Таково содержаніе *Диалектики*!

Въ *Физикѣ* говорится объ отношеніи Божественнаго Ума къ міру. Какъ въ мірѣ тремъ невещественнымъ причинамъ, сосредоточивающимся въ Богѣ, вездѣ противостоятъ матерія; то для Аристотеля міръ представляется не во всѣхъ частяхъ своихъ совершеннымъ: матерія не совсѣмъ покорена Божественному. Дѣйствіе Божественнаго Начала въ вещахъ Аристотель означаетъ именемъ Природы (*φύσις*), и разумѣетъ

подъ симъ словомъ форму вещи, связующую собою разнообразныя части ея, какъ матерію, или, что все равно, самодѣтельную причину движенія и покоя въ вещи. Онъ видитъ повсюду жизнь въ мірѣ — повсюду стремленіе формы, не рѣдко безуспѣшное, покорить себѣ матерію. Весь міръ, имѣя шаровидную фигуру, дѣлится у него на двѣ главныя части: на часть близъ всемірной окружности, и часть близъ всемірнаго средоточія, или небо и землю. Небо состоитъ опять изъ двухъ частей: верхней сферы или сферы звѣздъ неподвижныхъ, и сферы нижней или сферы планетъ. Первый Движитель міра, по мнѣнію Аристотеля, находится въ окружности міра, и отсюда-то какъ изъ средоточія распространяется движеніе по всему міру: чѣмъ ближе стоятъ вещи къ сему мѣсту, тѣмъ онѣ совершеннѣе; по мѣрѣ удаленія отъ своего источника, сила Божественная какъ бы все болѣе и болѣе слабѣетъ, и по мѣрѣ того существа становятся менѣе и менѣе причастными Божественнаго. Такимъ образомъ все добро и совершенство принадлежитъ небесной части міра. И здѣсь впрочемъ верхній кругъ совершеннѣе нижняго. Земля напротивъ предана въ жертву многоразличнымъ несовершенствамъ. Но въ ряду существъ земныхъ Аристотель опять указываетъ на постепенное ихъ возхожденіе отъ несовершеннаго къ совершеннѣйшему, и наконецъ на самое высшее дѣйствіе Ума. Низшую степень занимаютъ на землѣ элементы: жизнь проявляется въ нихъ очень слабо. Выше стоятъ растенія: имъ принадлежитъ только жизнь питательная (*θρεπτική*). Далѣе, слѣдуютъ животныя: сверхъ жизни питательной, они имѣютъ чувствованіе, желаніе и мѣстное движеніе. Надъ всѣми другими животными человѣкъ возвышается разумною силою своей души. Но и между людьми мужчина стоитъ, въ глазахъ Аристотеля, гораздо выше женщины. Наконецъ, въ душѣ человѣка Умъ возвышается надъ всѣмъ прочимъ. При означеніи сей лѣстницы существъ Аристотель всегда удерживаетъ ту мысль, что низшее существуетъ для своего высшаго, что каждое высшее начальствуетъ надъ своимъ низшимъ.

Описавъ такимъ образомъ существо человѣка, Аристотель вводитъ насъ въ область *Этики* и въ кругъ Законодательства. Какъ въ цѣ-

домъ міръ Божественный Умъ стремится покорить всѣ вещи своей власти, на все положить свою форму: такъ и въ людяхъ Онъ хочетъ образовать и раскрыть всѣ отношенія, сколько возможно, наилучшимъ образомъ.

§ 54.

Хотя совершеннѣйшаго состоянія человѣческой души, или добродѣтели, взятой во всей ея цѣлости, Аристотель не означаетъ именемъ Правды, какъ дѣлаетъ Платонъ; но понятіе о добродѣтели или совершенствѣ человѣческомъ у обоихъ Философовъ почти одинаково и въ ихъ изслѣдованіяхъ о Законодательствѣ имѣетъ одинакую важность. Въ приложеніи ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою добродѣтель получаетъ у Аристотеля опредѣленнѣйшее названіе *Правды* (*δικαιοσύνη*), въ связи и соотвѣтственности съ коею онъ видитъ въ то же время Дружелюбіе (*φιλία*) между лицами, коихъ взаимныя отношенія устроены сообразно истинному существу Правды. Отношенія, въ коихъ особенно осуществляются понятія Добродѣтели, Правды и Дружелюбія, суть Государство и Домъ. И такъ понятіе Добродѣтели и потомъ общее приложеніе сего понятія, какъ Правды и Дружелюбія ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою, должно для насъ проложить путь къ подробнѣйшимъ изслѣдованіямъ Аристотеля о Государствѣ и Домѣ.

§ 55.

Добродѣтель разсматривается у Аристотеля въ двухъ видахъ: во-первыхъ въ видѣ свойства, могущаго производить добрыя дѣянія; во-вторыхъ—въ самомъ ея дѣйствованіи (*ἐνέργεια*). Последнее собственно называется у него благосостояніемъ, опредѣленіемъ коего онъ и начинаетъ свои изслѣдованія о существѣ добродѣтели. Всякое искусство, разсуждаетъ Аристотель, имѣетъ въ виду извѣстное благо (*τέλειον*), извѣстную цѣль; нѣкоторыхъ благъ ищемъ мы только для того, чтобъ посредствомъ ихъ получить другія; однако напоследокъ должно быть такое благо, котораго мы желаемъ только для него самого, благо вер-

ховное, безусловное. Всѣ называютъ это верховное благо благосостояніемъ (*εὐδαιμονία*). Что же такое есть благосостояніе? Для ваятеля, для человѣка играющаго на музыкальномъ инструментѣ, для художника, вообще для всѣхъ, у кого есть какая нибудь работа и дѣло, — для каждаго изъ нихъ особеннымъ его благомъ, цѣлю, есть то самое дѣло (*ἔργον*), которое онъ производитъ. То же надобно сказать и о человѣкѣ вообще. У него есть свое дѣло. Онъ имѣетъ жизнь тродного рода: питательную, чувственную и разумную. Но жизнь питательная принадлежитъ людямъ наравнѣ съ растеніями, жизнь чувственная — наравнѣ съ бессловесными животными, слѣдовательно ни та, ни другая не можетъ особенно принадлежать людямъ. Послѣ сего, только разумная жизнь души остается исключительнымъ достояніемъ человѣка. Но жизнью называется какъ простая способность (*δύναμις*) жить, такъ и самая дѣятельность (*ἐνέργεια*) сообразно этой способности. Дѣятельность лучше способности. Собственнымъ дѣломъ человѣка есть потому разумная дѣятельность души (*ψυχῆς ἐνέργεια κατ' ἀρετήν*). Но благомъ, добромъ можетъ быть только добрая дѣятельность. Доброе во всякомъ родѣ вещей совершается на основаніи особаго совершенства, добродѣтели (*ἀρετή*). Итакъ благо человѣческое есть разумная дѣятельность души сообразно добродѣтели, и если находится много добродѣтелей, верховное благо есть дѣятельность души сообразно лучшей добродѣтели. Наконецъ требуется для полного благосостоянія, чтобъ такая дѣятельность продолжалась непрерывно чрезъ всю жизнь: одна ласточка, одинъ только день еще не дѣлають весны. Такимъ образомъ благосостояніе человѣка есть непрерывная дѣятельность души сообразно наилучшей добродѣтели (а). И вотъ окончательное заключеніе соображеній Аристотеля о существѣ верховнаго блага!

Но въ сіе опредѣленіе входитъ еще понятіе совершенства, добродѣтели (*ἀρετή*), которое доселѣ оставалось не опредѣленнымъ. И такъ что надобно разумѣть подъ именемъ добродѣтели, совершенства (*ἀρετή*)? Называя совершенствомъ всякой вещи то ея свойство, по

кoмy oнa вceгдa мoжeтъ иcпoлнять нaилучшимъ oбразoмъ cвoe дѣлo, Aристoтeль прилагaeтъ тo жe пoнятіe и къ coвepшeнcтвy чeлoвѣчecкoмy, къ дoбpoдѣтeли. Coбcтвeннымъ дѣлoмъ чeлoвѣкa ecть paзумная жизнь души; нo кpoмѣ paзумнoй cилы ($\tau\omicron\upsilon\ \lambda\omicron\upsilon\gamma\omicron\nu\ \epsilon\chi\omicron\nu$) въ душѣ нaxoдитcя eщe cилa нepaзумная ($\alpha\lambda\omicron\gamma\omicron\nu$) и притoмъ какъ paстительная, такъ и желательная. Cилa paстительная coвѣмъ нe мoжeтъ быть причастна paзумнaгo; пoжеланія нaпpoтивъ xотя caми пo ceбѣ пpeдcтaвляютъ нѣчто нepaзумнoe, oднaкo мoгyтъ быть причастными и paзyмa, пoвинyясь eгo внyшeніямъ. Taкимъ oбразoмъ paзумнoe въ душѣ ecть двoякaгo poдa: oднo имѣeтъ paзyмъ caмo въ ceбѣ, какъ нѣчто coбcтвeннoe, дpyгoe тoлькo пoвинyетcя внyшeніямъ нe чaгo. Coгласнo съ cимъ Aристoтeль пpиимaeтъ и дoбpoдѣтeль, coвepшeнcтвo двoякaгo poдa: coвepшeнcтвo paзyмa ($\alpha\rho\epsilon\tau\eta\ \delta\iota\alpha\nu\omicron\sigma\tau\iota\kappa\eta$, напр. Myдpoсть, Блaгopaзyмiе и пр.) и coвepшeнcтвo oтнoсительнo пoжеланiй (a). Пocлѣднee иначe нaзывaeтcя coвepшeнcтвoмъ пpaвcтвeннымъ ($\alpha\rho\epsilon\tau\eta\ \eta\theta\iota\kappa\eta$) и пo тoчнѣйшeмy oпpeдѣлeнiю ecть тaкoй нaвыкъ или cвoйcтвo ($\epsilon\acute{\xi}\iota\varsigma$) души, пo кoмy oнa пpи yдoвлeтвopeнiи ecтecтвeнныхъ пoжеланiй вceгдa нaмѣpeннo избиpaeтъ cpeдинy, yкaзyeмyю paзyмoмъ (б). Bпpoчeмъ дoбpoдѣтeли пpaвcтвeнныя въ глaзaxъ Aристoтeля coстaвляютъ тoлькo низшiй видъ чeлoвѣчecкaгo coвepшeнcтвa. Cкoлькo paзyмъ лyчшe желательнoй cилы, cтoлькo coвepшeнcтвo пepвaгo, дyмaeтъ Aристoтeль, вышe coвepшeнcтвa пocлѣднeй, и нaкoнeцъ Myдpoсть — дoбpoдѣтeль Умa ($\nu\epsilon\varsigma$), oбpaщeнная къ coзepцaнiю Бoжecтвeннaгo, вѣчнaгo, ecть высочайшaя, coвepшeннѣйшaя дoбpoдѣтeль, такъ что вcѣ дpyгiя дoбpoдѣтeли cyщecтвyютъ тoлькo для Myдpoсти (в).

Пocлѣ ceгo мoжнo вполнѣ пoнять, какъ пpeдcтaвляeтъ ceбѣ Aристoтeль oтнoшeнiе дoбpoдѣтeли къ блaгococтoянiю, и въ чeмъ пocтaвляeтъ oнъ cyщecтвo вepxoвнaгo блaгa. Coвepшeнcтвo, дoбpoдѣтeль мoжeтъ eщe и нe пpoизвoдитъ ничeгo дoбpaгo, такъ напр. кoгдa чeлoвѣкъ cпитъ, или вooбщe кoгдa oнъ пpaздeнъ. Нaпpoтивъ и мeншe и тoлькo въ

(a) Eth. Nic. I, 13; II, 6. § 1—3. — (б) Ib. II, 6. § 15; cf. etiam c. 1—6. — (в) Eth. Nic. X, 7—8.

то самое время, когда это доброе свойство души оказываетъ свое дѣйствіе, приводится въ движеніе, когда напр. Мужественный дѣйствительно совершаетъ мужественныя дѣянія, Мудрый дѣйствительно мыслитъ, и именно тогда и только по мѣрѣ того человѣкъ, по мнѣнію Аристотеля, находится въ благосостояніи (а). Съ тѣмъ вмѣстѣ въ неразлучной связи Аристотель видитъ и удовольствіе, которое, по словамъ его, оканчиваетъ всякую дѣятельность, сообразную съ природою. Дѣятельность на основаніи лучшей добродѣтели, составляя высочайшее благосостояніе, должна потому сопровождаться и высочайшимъ удовольствіемъ. Такая добродѣтель есть Мудрость, совершенство Ума. Аристотель по сему не находитъ довольно словъ, чтобъ возхвалить блаженство Мудраго, непрерывно созерцающаго истину, блаженство, какимъ вполне наслаждается одинъ Богъ, по котораго все люди должны пекать, какъ своей высочайшей цѣли (б).

Тѣлесныя и внѣшнія блага нужны человѣку для сего истиннаго благосостоянія только какъ средства для цѣли (в).

Итакъ, по ученію Аристотеля, Уму такимъ же образомъ принадлежитъ верховное владычество въ душѣ человѣческой, какъ онъ господствуетъ въ цѣломъ мірѣ. Заключая пожеланія въ должныя предѣлы, разумная сила души дѣлаетъ ихъ причастными разумаго. Впрочемъ она не порождаетъ добродѣтелей изъ себя одной: для нее нужны еще расположенія сердца, данныя отъ природы; она стремится сдѣлать добродѣтель привыкомъ — свойствомъ непронзвольнымъ; наконецъ и сама она, и сила желаній въ той степени, какая вообще требуется для добродѣтели, составляютъ только особый даръ природы, который весьма немногіе получаютъ.

§ 56.

Во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою добродѣтель правдивая является у Аристотеля подъ именемъ *Правды* (δικαιοσύνη) и *Дружелюбія* (φιλία).

(а) Eth. Nic. I, 8. § 9. — (б) Metaph. XII, 6—7. — (в) Eth. Nic. I, 5; 8.

Въ чемъ состоитъ *существо Правды?*

Какъ поступать несправедливо (*ἀδικοῦν*) значитъ намѣренно вредить другому въ противность Закону (а), и несправедливый (*ἀδίκος*) есть то же, что и незаконный (*παράνομος*) или нарушающій уравненіе (*ἄνισος*), или присвоющій себѣ болѣе надлежащаго (*πλεονέκτης*); такъ и названіе: *справедливый* — означаетъ, по словамъ Аристотеля, человека, исполняющаго Законъ (*νόμιμος*) или соблюдающаго уравненіе (*ἴσος*) (б).

Такимъ образомъ къ существу Правды принадлежитъ, сверхъ намѣренности дѣяній (в):

1) Чтобы не было причиняемо *вреда*. Вредить можно человеку не только по отношенію къ тѣлеснымъ и вѣншимъ его благамъ, но и по отношенію къ благамъ душевнымъ, — не только положительнымъ образомъ, но и отрицательнымъ. Правда запрещаетъ вредить, въ какомъ бы то видѣ ни было (г).

2) Чтобы вредъ не былъ причиняемъ *другому* лицу. Противъ себя нельзя быть несправедливымъ, ибо никто намѣренно не будетъ вредить самъ себѣ. Тѣмъ не менѣе, по ученію Аристотеля, не только основываясь на различіи между разумною и неразумною силою души, можно говорить нѣкоторымъ образомъ и о неправдѣ противъ себя (д); по сверхъ сего какъ вредя себѣ, тѣмъ самымъ и въ то же время можно повредить другимъ лицамъ, или поступить противъ Закона, запрещающаго то или другое, то въ семъ смыслѣ Правда можетъ простираться также на дѣянія человека по отношенію къ себѣ самому (е).

3) Чтобы человекъ не причинялъ вреда другому *съ противность Закону*, или что то же, *съ нарушеніемъ долгаго уравненія*, *съ присвоеніемъ себѣ болѣе надлежащаго* (ж). Само собою яствуется, что послѣднія два выраженія по существу своему тождественны: присвоивающій себѣ болѣе надлежащаго тѣмъ самымъ нарушаетъ уравненіе, какое должно существовать между нимъ и другимъ лицомъ (з).

(а) Arist. Rhel. I, 10. — (б) Eth. Nic. V, 1. § 8. — (в) Ib. V, 8—9. — (г) Ib. V, 1. § 13; 2; 3. — (д) Ib. V, 11. § 9. — (е) Ib. § 1—6. — (ж) Ib. V, 1. § 8. — (з) Ib. V, 2. § 9.

Но о какомъ здѣсь говорится уравненіи? Прежде всего требованіе уравненія имѣетъ слѣдующій неопредѣленный смыслъ: если на основаніи известнаго своего качества одинъ человѣкъ получаетъ тѣ или другія блага, подвергается тому или другому злу, то и другой человѣкъ съ равными качествами долженъ получить то же, что получаетъ первый, и при томъ чѣмъ болѣе по симъ качествамъ одинъ человѣкъ превосходитъ другаго, тѣмъ болѣе онъ долженъ получать изъ благъ или золъ, распределяемыхъ по симъ качествамъ. Въ этомъ общемъ началѣ, по словамъ Аристотеля, никто не сомнѣвается; вопросъ состоитъ только въ томъ, какія свойства надобно взять за основаніе при распределеніи благъ или золъ (а)? Какъ Аристотель безусловное достоинство приписываетъ одной добродѣтели, т. е. умственнымъ и нравственнымъ совершенствамъ; то и безусловное уравненіе, къ коему стремится Правда, онъ полагаетъ въ томъ, чтобъ каждому было отдаваемо то, чего заслуживаетъ человѣкъ по своимъ добродѣтелямъ, чтобъ равные по добродѣтели и получали равное, чтобъ превосходящій въ ней другаго и получалъ большую часть (б). Аристотель хочетъ, чтобъ между людьми такое же находилось отношеніе другъ къ другу, какое господствуетъ между силами души въ одномъ человѣкѣ, между всѣми существами въ цѣломъ мірѣ. Въ цѣломъ мірѣ худшее всегда существуетъ для лучшаго, и чѣмъ лучше одинъ предметъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ преимущества предъ другими; въ душѣ разумная сила начальствуетъ надъ неразумною: въ такомъ же отношеніи должны стоять и люди другъ къ другу (в). — Начала уравненія, составляющаго сущность Правды, выражаются въ Законѣ. Равное и законное совпадаютъ другъ съ другомъ какъ въ томъ смыслѣ, что Законъ дѣйствительно стремится произвести нѣкоторое уравненіе между людьми (г), такъ и въ томъ, что онъ для опредѣленнаго круга людей служитъ общимъ правиломъ, съ коимъ всѣ, принадлежащіе къ сему кругу, въ равной мѣрѣ должны сообразоваться,—слу-

(а) Eth. Nic. I*, 3. § 7.—(б) Polit. III, 5. § 14; 7. § 1—3; § 6.—(в) Polit. I, 2. § 8—14.—

(г) См. ниже.

жить общею ихъ серединою (*τὸ μέσον*) (а). Два вообще вида Закона принимаются у Аристотеля: во-первыхъ Законъ общій вѣмъ людямъ (*νόμος κοινός*) иначе — Законъ естественный (*ὁ κατὰ φύσιν νόμος*) или неписанный (*νόμος ἄγραφος*); во-вторыхъ Законъ исключительно свойственный какому нибудь Государству (*νόμος ἰδιος*), иначе Законъ писанный (*νόμος γεγραμμένος*) (б). Изъ постановленій того или другаго рода слагаются вѣ Законы въ Государствахъ. Различая такимъ образомъ между Законами, дѣйствующими въ извѣстномъ Государствѣ (*το πολιτικὸν δίκαιον*), постановленія, основывающіяся на Законѣ естественномъ (*τὸ φυσικὸν δίκαιον*) и постановленія, основывающіяся чисто на Законѣ положительномъ (*τὸ νομικὸν δίκαιον*), подъ именемъ первыхъ Аристотель разумѣетъ вѣ тѣ, которыя повсюду имѣютъ одинаковую силу и притомъ сами по себѣ, а не по тому, что такъ установлено или не установлено людьми; подъ именемъ вторыхъ напротивъ — тѣ, которыя по различію Государствъ бываютъ различны, и, если гдѣ имѣютъ силу, то единственно по тому, что такъ установлено (в). Изъ сихъ понятій о Законахъ видно, что, по мнѣнію Аристотеля, положительныя Законы собственно должны простирались только на предметы, остающіеся не опредѣленными въ Законѣ естественномъ, и никогда не должны противорѣчить сему послѣднему. „Какъ можетъ быть,“ вопрошаетъ Философъ, „какъ можетъ быть то дѣломъ Политики или Законодательства, что не есть законно само въ себѣ (г)?“ Но какъ и вообще вѣ Законы Государства, по словамъ Аристотеля, при своихъ постановленіяхъ имѣютъ въ виду извѣстную цѣль (д), и какъ цѣль сія указана самимъ Закономъ естественнымъ; то Законы чисто положительныя, имѣя опредѣленное отношеніе къ цѣли Государства, чрезъ то самое получаютъ также не только важность и значеніе въ цѣломъ, но и опредѣленное отношеніе къ Закону естественному.—Постоянно имѣя у себя въ виду благо общественное (е), и опредѣляя, что должно принадлежать каждому лицу на основаніи

(а) Arist. Polit. III, 11. § 6; cf. Eth. Nic. II, 6—9.—(б) Arist. Rhet. I, 10; 13.—(в) Eth. Nic. V, 7.—(г) Polit. VII, 2. § 7—9.—(д) Eth. Nic. V, 1 § 13.—(е) Ibid.

его достоинства, Законы Государства изрекаютъ, что въ томъ или другомъ отношеніи полезно или вредно Государству и его членамъ. Правильные Законы смотрятъ при семъ на безусловное достоинство лица, заключающееся въ добродѣтели. И такъ нарушитель Законовъ, нарушая ихъ, тѣмъ самымъ вредитъ Обществу или его членамъ, присвоитъ себѣ лишнее, и слѣдовательно поступаетъ несправедливо. Правда, возбраняя вредить другому какимъ бы то образомъ ни было, требуетъ отъ человѣка исполненія всѣхъ Законовъ. — Законы Государства, опредѣляя, въ чемъ состоитъ его благо и благо его граждапъ, объемлютъ всѣ добродѣтели и пороки; нѣтъ добродѣтели, которой бы они не требовали, нѣтъ порока, котораго бы они не возбраняли, напр. они требуютъ отъ человѣка мужества, возбраняя трусости, строй, обращаться въ бѣгство, бросать оружіе, — требуютъ умеренности, повелѣвая воздерживаться отъ прелюбодѣланія, отъ пьянства (а) и такъ далѣе. Правда, какъ исполненіе всѣхъ Законовъ, сосредоточиваетъ такимъ образомъ въ себѣ всѣ добродѣтели, — она есть добродѣтель во всей ея цѣлости, добродѣтель въ полномъ ея развитіи, — но ея благо другихъ людей, такъ какъ прямо и непосредственно она ограничивается только взаимными отношеніями людей другъ къ другу. Впрочемъ достоинство Правды отъ того нимало не унижается, а напротивъ еще болѣе возвышается. Въ ней всѣ добродѣтели человѣка обращаются на служеніе постороннимъ лицамъ, дѣлаются чужимъ благомъ, такъ что человѣкъ какъ бы перестаетъ быть самъ своимъ. По сей причинѣ она есть самая труднѣйшая добродѣтель, — но по тому и самая высочайшая. Въ своихъ собственныхъ дѣлахъ многіе могутъ поступать согласно съ требованіями добродѣтели, весьма не многіе — по отношенію къ другимъ людямъ. Правда предполагаетъ въ человѣкѣ бытіе совершеннѣйшей правдивой добродѣтели (б).

Вотъ ученіе Аристотеля о существѣ Правды! Въ такомъ обширнѣйшемъ значеніи сего слова онъ называетъ ее *Правдою всеобщею*,

всецѣлою (*ἡ ὅλη δίκαιοβύνη*), и противопоставляетъ *Правдѣ* особенной (*ἡ ἐν μέρει δίκαιοβύνη*), какъ разнымъ частямъ, изъ коихъ она состоитъ, какъ разнымъ видамъ, въ коихъ она обнаруживается.

§ 57.

Что касается сихъ *видовъ* или *частей Правды всеобщей*,—мы уже замѣтили, что въ собственномъ смыслѣ, по мнѣнію Аристотеля, человѣкъ не можетъ поступать праведно или неправедно *по отношенію къ себѣ самому* (а). Въ *отношеніяхъ* человѣка къ другимъ людямъ есть, по мнѣнію Аристотеля, *Правда семейственная* (*τὸ οἰκονομικὸν δίκαιον*) и *Правда Общественная* (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*). Первая относится къ отношенію между мужемъ и женою (*τὸ γαμικὸν δίκαιον*), между родителями и дѣтми (*τὸ πατρικὸν δίκαιον*), между господиномъ и рабомъ (*τὸ δουρικὸν δίκαιον*) (б); послѣдняя относится или къ цѣлому обществу, или къ частнымъ лицамъ, его составляющимъ (в). Благо общественное опредѣляется и охраняется всею вообще совокупностью законовъ; посему Правда *по отношенію къ цѣлому Обществу* есть въ общирномъ смыслѣ то самое, что прежде было названо Правдою всеобщею или всеобщею, обнаруживающеюся въ исполненіи всѣхъ Законовъ; въ особенномъ и собственномъ смыслѣ Правда по отношенію къ цѣлому Обществу состоитъ въ исполненіи тѣхъ Законовъ, которые прямо и непосредственно имѣютъ въ виду благо цѣлаго Общества, какъ цѣлаго. *По отношенію къ частнымъ лицамъ* Правда повелеваетъ Начальствующему при раздѣленіи вѣншихъ благъ общества (чести, денегъ и пр.) между гражданами смотрѣть на достоинство сихъ послѣднихъ. „Распри и жалобы между людьми,“—говоритъ Аристотель,—„раждаются изъ того, когда равныя имѣютъ и получаютъ неравное.“ Сей видъ Правды называется *Правдою распределяющею* (*τὸ δίκαιον διανεμητικὸν δίκαιον, τὸ ἐν ταῖς διανομαῖς δίκαιον*). Мы видѣли уже, что Аристотель истинное и высочайшее достоинство лица полагаетъ единственно въ добродѣтели (г). При взаимныхъ отношеніяхъ

(а) См. выше § 56 стр. 61. — (б) Eth. Nic. VIII, 6. § 8—9; 11. § 9. — (в) Rhet. I, 13. — Eth. Nic. I, 3.

частныхъ лицъ другъ къ другу (*ἐν τοῖς συνᾱλλήλουσι*) Правда ищетъ, чтобъ каждому принадлежало свое, и вездѣ, гдѣ сіе правило будетъ нарушено, Правда возстановляетъ его, возвращая каждому то, что ему принадлежитъ. Сей видъ называется *Правдою возмездія* (*τὸ ἐπανορθωτικὸν δίκαιον*) (а).

§ 58.

Совершенную полноту своему ученію о Правдѣ Аристотель даетъ, опредѣляя истинное существо *Справедливости* (*ἐπιεικεία*), какъ добродѣтели, примиряющей законно-праведное съ тѣмъ, что есть праведно само въ себѣ. Въ Справедливости онъ видитъ не что либо отличное отъ Правды, а ту же самую Правду въ другомъ видѣ. Между Законами положительными и естественными можетъ быть разногласіе иногда по ошибкѣ, иногда по необходимости: ибо Законъ положительный, представляя правила общія, не можетъ предвидѣть и обнять всѣхъ подробностей, кои изъ правила сего дѣлаютъ изъятіе и кои должны быть иначе учреждаемы. Соглашеніе сихъ изъятій съ общимъ правиломъ есть дѣло Справедливости (б).

§ 59.

Правда служитъ первою связію человѣческихъ обществъ; другое равно всеобщее нравственное отношеніе, соединяющее людей другъ съ другомъ, Аристотель видитъ въ *Дружелюбіи* (*φιλία*). Именемъ *дружбы* онъ означаетъ вообще всѣ тѣ болѣе или менѣе крѣпкіе союзы, какіе люди образуютъ между собою для взаимной выгоды, удовольствія или добродѣтельной жизни (в); но совершеннѣйшую дружбу, въ коей соединяются всѣ три вида дружбы, онъ находитъ только въ союзѣ людей добродѣтельныхъ (г). Дружелюбіе, по его словамъ, связуетъ Государства еще крѣпче, нежели Правда; ибо если всѣ граждане питаютъ взаимную любовь другъ къ другу, то имъ не нужна Правда; тогда какъ, имѣя только Правду, они все еще нуждаются въ Дружелюбіи (д).

(а) Ibid. V, 4.—(б) Ib. V, 10; Rhet. I, 13.—(в) Eth. Nic. VIII, 2—3. — (г) Ib. 3, § 1—8. —

(д) Ib. VIII, 1. § 4.

Безъ Дружбы, такъ же какъ и безъ Правды, нѣтъ общества. Обѣ онѣ относятся къ одному и тому же предмету, существуютъ посреди однихъ и тѣхъ же лицъ, и каждый особенный видъ Правды сопровождается и особеннымъ видомъ Дружелюбія (а).

§ 60.

Домъ и Государство суть, по мнѣнію Аристотеля, тѣ союзы жизни общественной, въ коихъ Добродѣтель, Правда и Дружелюбіе проявляются совершеннѣйшимъ образомъ. Хотя Домъ по времени является прежде Государства, однако по существу своему онъ занимаетъ мѣсто послѣ Государства и есть только часть сего послѣдняго. И такъ мы сначала изложимъ ученіе Аристотеля *о Государствѣ*, потомъ — ученіе *о Домѣ*.

I. УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ.

§ 61.

Аристотель, такъ же какъ и Платонъ, кромѣ *общихъ, основныхъ понятій* о Государствѣ, т. е. кромѣ изслѣдованій о *необходимости* сего, *цѣли, происхожденіи, понятіи*, о *Состояніяхъ* въ Государствѣ, наконецъ о *существѣ разныхъ Образовъ Правленія*, предлагаетъ намъ въ особенностяхъ *Образецъ совершеннѣйшаго Государства*.

A. *Общія, основныя понятія о Государствѣ.*

1) *О необходимости Государства.*

§ 62.

Поставляя въ добродѣтельной жизни истинное благо людей, Аристотель, такъ же какъ и Платонъ, самую возможность для человѣка сдѣлаться и быть добродѣтельнымъ видитъ въ одномъ только Государствѣ, находя оное *необходимымъ* для воспитанія и укрѣпленія человѣка въ добродѣтели. Образование добрыхъ правовъ должно начаться въ

юности. Но трудно получить правильное руководство къ добродѣтели отъ самой юности, если человѣкъ не воспитывается подъ владычествомъ Законовъ (а). Впрочемъ не довольно получить правильное воспитаніе въ юности, — говоритъ Аристотель, — надобно еще, чтобъ воспитанные въ добръ, возмужавъ, не могли потомъ ни добровольно, ни противъ воли дѣлать что либо дурное. Это возможно тогда только, когда существуетъ какъ бы нѣкоторый Умъ и правильный порядокъ, имѣющій твердую силу, т. е. когда существуетъ Законъ (б).

2) О цѣли Государства.

§ 63.

Но Государство, по мнѣнію Аристотеля, не случается только образомъ содѣйствуетъ добродѣтельной жизни; напротивъ — оно имѣетъ цѣль Государства, такъ же какъ отдѣльнаго человѣка — есть жизнь добродѣтельная: ибо все согласны, что верховное благо — для одного человѣка, такъ и для цѣлаго Государства есть одно и то же; и слѣдовательно кто истинное благо отдѣльнаго человѣка поставяетъ въ жизни добродѣтельной, для того и Государство чѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ добродѣтели, тѣмъ оно лучше и счастливѣе (в). Та же истина ясно открывается для Аристотеля и изъ того, что какъ всякое общество имѣетъ у себя въ виду извѣстное благо, такъ самое главное общество, которое объемлетъ собою все другія, т. е. Государство стремится и къ цѣли главнѣйшей, какова есть добродѣтельная жизнь (г). При семъ надобно замѣтить, что Аристотель разумѣетъ здѣсь упражненіе не одной какой либо, а всехъ вообще добродѣтелей (д).

3) О происхожденіи Государства.

§ 64.

Имѣя свою цѣлю высочайшую цѣль — осуществленіе добродѣтели, Государство, по мнѣнію Аристотеля, носитъ въ самомъ себѣ и причин-

(а) Eth. Nic. X, 9. § 5—8. cf. Polit. VII, 12. § 6—7; Eth. Nic. II, 2. § 4—8. — (б) Eth. Nic. X, 9. § 9—11. — (в) Polit. VII, 1—3; III, 5. § 8. Seqq. VII, 12. § 1—4. — (г) Polit. I, 1. § 1; Eth. Nic. VIII, 9. § 4—6. — (д) Cf. etiam. Polit. II, 6. § 22.

ну своего бытія, *происходитъ* не по дѣйствию какихъ нибудь внѣшнихъ силъ, но образуется и держится само собою, такъ что тѣ формы жизни общественной, которыя по времени предшествуютъ дѣйствительному происхожденію Государства, или изъ которыхъ, какъ изъ своихъ частей, *слагается* Государство, отъ него заимствуютъ всю твердость своего бытія. Первое начало и постепенное образованіе общества для Аристотеля представляется по сему дѣломъ совершенно естественнымъ.

Во 1-хъ, сама Природа постановила различіе между мужескимъ полъ и женскимъ, между господиномъ и рабомъ. Тѣмъ, которые не могутъ обійтись другъ безъ друга, по необходимости нужно сообщаться. И такъ полъ соединяются между собою для рожденія дѣтей; господинъ и рабъ соединяются другъ съ другомъ для общей выгоды. Такъ образуется Домъ (*οἶκος*), — самое первое общество (а)!

Во 2-хъ, Домъ расширяется въ селеніе (*κώμη*), которое состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, соединенныхъ между собою для общей вседневной пользы. Какъ всякой домъ находится подъ царскою властію старѣйшаго, то и первыя общества, образующіяся изъ домовъ, находятся подъ властію Царей (б).

Въ 3-хъ, изъ множества селеній составляется Государство (*πόλις*), общество, которое въ себѣ самомъ имѣетъ полную самостоятельность. Будучи концемъ, къ которому стремятся оба первыя общества, т. е. домъ и селеніе, Государство, подобно имъ, и само существуетъ по природѣ (в).

Такъ происходитъ Государство! Одинъ человекъ, домъ, селеніе, будучи взяты въ отдѣльности, не обладаютъ всѣми условіями нужными для добродѣтели; успливаясь осуществить ее въ разныхъ видахъ общества, они достигаютъ наконецъ до Государства и здѣсь-то единственно находится все, что нужно для ея бытія и въ чемъ заключается ея сущность.

(а) Polit. I, 1. § 4—6. — (б) Polit. I, 1. § 7. — (в) Polit. I, 1. § 8. cf. § 9—12.

4) *Понятіе Государства.*

§ 65.

Государство въ попятіи Аристотеля есть общество, обладающее само въ себѣ всѣмъ нужнымъ для добродѣтельной жизни. Взаимное отношеніе между собою членовъ сего общества онъ представляетъ себѣ не въ видѣ простаго единства, но въ видѣ единства гармоническаго. Подобно тому, какъ уничтожилась бы симфонія, если бъ всѣ голоса были обращены въ одинъ голосъ, или какъ уничтожился бы рѣкъ, когда бы все было приведено къ одной стопѣ, подобно тому Государство, если бъ въ немъ не было различія состояній, сжалось бы въ одинъ домъ, изъ дома въ одного человека, и такимъ образомъ совершенно бы уничтожилось. Но сего не должно быть, говоритъ Аристотель; ибо домъ самостоятельный одного лица, Государство самостоятельный дома; оно по самой природѣ своей состоитъ изъ множества лицъ, и притомъ различныхъ по качеству (*εἶδει*); Нравы и Законы должны произвести между ними правильный распорядокъ и сдѣлать Государство истинно единымъ (а).

5) *О Состояніяхъ въ Государствѣ.*

§ 66.

Въ Государствѣ, въ коемъ бы заключалось все нужное для добродѣтельной жизни, должны находиться, думаетъ Аристотель, слѣдующіе классы лицъ на основаніи самаго различія занятій для того нужныхъ: 1) земледѣльцы; 2) ремесленники; 3) мелочные торговцы; 4) люди, нанимающіеся въ работу и услуженіе; 5) богатые, исправляющіе своимъ имѣніемъ повинности общественныя; 6) воины; 7) судьи; 8) начальники, управляющіе дѣлами Государства; 9) люди, разсуждающіе о предметахъ, касающихся цѣлаго Государства (б). — Сихъ классовъ Аристотеля не

(а) Polit. II, 1. § 3—7; 2. § 9—10; cf. IV, 3. § 10. sq. — (б) Polit. IV, 3. § 9. sq. Нѣсколько иначе въ Polit. VII, 7. § 4, впрочемъ безъ существеннаго различія.

надобно представлять себѣ чѣмъ-то твердымъ и неподвижнымъ; напротивъ, одно и тоже лице въ разныхъ отношеніяхъ по различію своихъ занятій можетъ принадлежать къ разнымъ классамъ, быть напр. и воеводою, и судьей. Здѣсь только показывается, какіе виды дѣятельности должны находиться въ Государствѣ,—не опредѣляя впрочемъ, могутъ ли предающіеся одному изъ сихъ занятій въ то же время участвовать и въ другомъ.

6) О существѣ разныхъ Образовъ Правленія.

§ 67.

Всѣ классы людей въ Государствѣ Аристотель опять раздѣляетъ на двѣ главные части: *Начальствующихъ и подчиненныхъ*, и подъ именемъ начальствующихъ разумѣетъ послѣдніе три класса, подъ названіемъ подчиненныхъ — первые семь. Онъ различаетъ такимъ образомъ три вида Государственной Власти: 1) разсуждать о дѣлахъ, касающихся цѣлаго Государства, какъ то: о Законахъ, о войнѣ, мирѣ и проч. (*τὸ βουλευέσθαι*); 2) управлять — распоряжаться, приказывать каждый разъ при встрѣтившемся особенномъ случаѣ на основаніи Законовъ (*τὸ ἐπιτάττειν*); 3) судить (*τὸ δικάζειν*) (а). Первый видъ Власти есть Власть Верховная (б). Участіе въ одной изъ вѣтвей Государственной Власти служитъ существеннымъ признакомъ гражданства. Посему изъ числа гражданъ въ собственномъ смыслѣ (*ὁ ἀπλῶς πολίτης*) исключаются какъ несовершеннолѣтніе, такъ и всѣ тѣ, которые по причинѣ ихъ глубокой старости освобождены отъ занятія дѣлами общественными. Тѣ и другіе могутъ быть названы гражданами только въ извѣстномъ отношеніи (*πολίτης ἐξ ὑποθέσεως*). Самостоятельное общество гражданъ въ собственномъ смыслѣ есть Государство (в). Порядокъ, въ какомъ устроены Власти Государственныя, и особенно Власть Верховная называется Образомъ Правленія (*πολιτεία*). Сей порядокъ такъ

(а) Polit. IV, 11. § 1. seqq; 12; 3. — (б) Polit. IV, 11. § 1. — (в) Polit. III, 1. § 4; § 8; cf. Ibid. II, 6. § 17.

необходимъ для Государства, что оно только дотолѣ пребываетъ однимъ и тѣмъ же, доколѣ Образъ Правленія остается въ немъ тотъ же, съ перемѣною же Правленія дѣлается другимъ, хотя бы люди оставались одни и тѣ же (а).

§ 68.

*Раздѣляя всѣ Образы Правленія на разные ихъ роды и виды, Аристотель смотритъ при семъ на то обстоятельство, принадлежитъ ли Верховная Власть въ Государствѣ людямъ добродѣтельнымъ, которые начальствуя имѣютъ въ виду общее благо Государства, а не свое частное, или она принадлежитъ людямъ противныхъ тому качествъ; принадлежитъ ли она въ томъ и другомъ случаѣ одному человеку, или нѣсколькимъ немногимъ, или же многимъ. И такъ мы имѣемъ шесть Образовъ Правленія: 1) три основанныхъ на добродѣтели и любви общаго блага: а) Правленіе одного—Правленіе Царское (*βασιλεία*); б) не многихъ—Аристократія; в) многихъ—Политія (*πολιτεία*); 2) три противоположныхъ первымъ: а) Правленіе одного—Тираниія; б) немногихъ, именно богатыхъ,—Олигархія; в) многихъ, именно бѣдныхъ, могущихъ похвалиться только своею вольностію (*ἐλευθερία*),—Демократія (б). Не нужно почти сказывать, что Аристотель безусловно одобряетъ только Образы Правленія, основанные на добродѣтели и любви общаго блага (в). Государство есть общество людей, соединившихся другъ съ другомъ для общей добродѣтельной жизни, а не совокупность невольниковъ, существующихъ только для блага своего господина; посему тѣ, которые наиболѣе приносятъ добродѣтели въ сіе общество, болѣе имѣютъ здѣсь и права, нежели тѣ, которые, равняясь съ ними или даже*

(а) Polit. III, 1. § 15—16. — (б) Polit. III, 5. § 1—7. — Съ предложеннымъ раздѣленіемъ, какъ очевидно, совершенно совпадаетъ другое, основывающееся на томъ, принадлежитъ ли Верховная Власть въ Государствѣ людямъ отличнымъ по добродѣтели (всѣ три вида перваго разряда), или отличнымъ по богатству (изъ втораго разряда второй видъ), или отличнымъ по своей вольности (изъ втораго разряда третій видъ). Въ семъ послѣднемъ раздѣленіи именно означено самое основаніе, по которому тотъ или другой классъ лицъ присвоитъ себѣ преимущественное право начальствовать въ Государствѣ. — (в) Polit. III, 5. § 8—15.

превосходя ихъ по вольности и богатству, стоятъ ниже ихъ по добродѣтели; въ обществѣ, имѣющемъ цѣлю своею добродѣтель, одни только добродѣтельные имѣютъ безусловное право начальствовать (а). Сравнивая далѣе сіи три Образа Правленія между собою, Политію во всей ея чистотѣ Аристотель находитъ невозможною (б). И такъ остается только дѣлать выборъ между Правленіемъ Царскимъ и Аристократіею. Преимущество перваго предъ второю въ глазахъ Аристотеля несомнѣнно. По его словамъ, Правленіе Царское есть превосходнѣйшій, божественнѣйшій Образъ Правленія, который своимъ основаніемъ имѣетъ высочайшее превосходство лица царствующаго (в).

§ 69.

Существенною принадлежностію Правленія, основаннаго на добродѣтели и любви общаго блага, Аристотель почитаетъ Законы. Единство Закона и Начальствующаго въ Государствѣ является для Аристотеля въ самомъ живомъ видѣ: Начальствующій есть стражъ, служитель Закона (г), — Судья есть одушевленный Законъ (д). Съ одной стороны Аристотель по сему требуетъ, чтобъ Начальствующие управляли по Закону, а не по собственному произволу. „Законъ есть Умъ безъ страсти,“ говоритъ Философъ; „тотъ слѣдовательно, кто желаетъ, чтобъ начальствовалъ и повелѣвалъ Законъ, хочетъ, чтобъ повелѣвалъ Богъ и Умъ (е).“ Съ другой стороны, какъ Законъ не можетъ всего опредѣлить совершенно съ точностію, то на сей случай дается начальствующему не только власть судить самому и поступать по собственному справедливѣйшему усмотрѣнію, впрочемъ руководствуясь указаніемъ Закона, но и власть осторожно исправлять Законы, еслибъ что на основаніи опыта представилось лучше установленнаго (ж).

(а) Polit. III, 5. § 14; 7. § 1—3; § 6. — (б) Polit. III, 5. § 3; cf. IV, 9; II, 3. § 9—11; 6. § 15. — (в) Polit. IV, 2. § 2; cf. Polit. III, 8; 11. § 12—13. — Краткое сужденіе о достоинствахъ разныхъ Образовъ Правленія находится въ Eth. Nic. VIII, 10. § 1—3. — О Царскомъ Правленіи и Аристократіи подробно говорится въ Polit. III, 8—11; о Демократіи въ IV, 4 (cf. VI, 1—3); объ Олигархіи IV, 5 (cf. VI, 4); о Политіи IV, 6—7 (cf. VI, 1—3); о Тираниіи IV, 8. — (г) Polit. III, 11. § 3. — (д) Eth. Nic. V, 3. § 7. — (е) Polit. III, 11. § 4. — (ж) Ib. et. § 8. Cf. II, 5. § 10—14.

§ 70.

Согласно съ различіемъ Образовъ Правленія Аристотель предполагаетъ и различіе Дружелюбія (*φιλία*) между начальствующими и подчиненными. Какъ Царь имѣетъ самъ въ себѣ свою самостоятельность, превосходитъ всѣхъ другихъ благами, ни въ чемъ не нуждается, благотворитъ только своимъ подвластнымъ, а самъ ничего отъ нихъ не заимствуетъ, то они и любятъ его въ высочайшей степени сообразно его достоинству (а). Въ Аристократіи лучшій по добродѣтели заслуживаетъ и болѣе любви отъ гражданъ. Въ Политіи всѣ граждане любятъ другъ друга въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ въ неправильныхъ Образахъ Правленія, какъ Правда, такъ и Дружелюбіе существуютъ въ меньшей степени, и всего менѣе — въ самомъ худшемъ, т. е. въ Тираниіи (б).

§ 71.

Но при всемъ этомъ изслѣдованіи о достоинствахъ разныхъ Образовъ Правленія Аристотель предполагаетъ, что не во власти самихъ людей состоитъ избрать для себя такое или другое Правленіе, а все зависитъ здѣсь главнымъ образомъ отъ ихъ природнаго характера (в), ихъ зачатій (г), богатства (д), качествъ ихъ страны (е), пространства ихъ Государства (ж). Какъ поему тотъ или другой Образъ Правленія для каждаго народа есть иѣчто болѣе или менѣе необходимое, то Аристотель и смотритъ спусходительно на несовершенства Правленій. „Не всѣ Государства,“ говоритъ онъ, „въ состояніи достигнуть наилучшаго Образа Правленія (з).“ Тѣмъ не менѣе онъ, такъ же какъ и Платонъ, начертываетъ намъ образецъ совершеннѣйшаго Государства, устроеннаго во всѣхъ своихъ частяхъ сообразно высшимъ требованіямъ Ума, — образецъ, къ которому по возможности должны приближаться всѣ Государства и который одинъ только представляетъ собою впол-

(а) Eth. Nic. V, 10. § 2; 11. § 1—3. — (б) Ib. 11. § 4—8. — (в) Polit. III, 11. § 10—11. — (г) Polit. VI, 2. § 1—8; IV, 10. § 2—4. — (д) Polit. IV, 3. § 1—2. — (е) Polit. VI, 4. § 3. Cf. VII, 10. § 4. — (ж) Polit. III, 10. § 9. — (з) Polit. IV, 1. § 3. Cf. c. 3.

нѣ истинное Государство. Что же есть такое это совершеннѣйшее Государство?

Б. Образецъ совершеннѣйшаго Государства.

§ 72.

Разумѣется само собою, что цѣль совершеннѣйшаго Государства, по мнѣнію Аристотеля, есть добродѣтельная жизнь въ высочайшемъ значеніи сего слова (а).

§ 73.

Количество собственно такъ называемыхъ гражданъ въ совершеннѣйшемъ Государствѣ опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній. Государство слишкомъ малолюдное не можетъ быть самостоятельнымъ. Напротивъ, Государство слишкомъ многолюдное не можетъ быть благоустроеннымъ и пользоваться хорошими Законами: Законъ есть извѣстный порядокъ; но слишкомъ великое число людей не можетъ быть вѣрнымъ порядку; дать порядокъ большому числу въ состояніи одна только сила Божественная, которою держится и весь міръ. Итакъ для Государства уже довольно того числа гражданъ, при коемъ оно въ первой разѣ дѣлается самостоятельнымъ; переступивъ сей предѣлъ, оно можетъ еще оставаться Государствомъ; но это не простирается въ безконечность. Что же составляетъ здѣсь крайнюю границу? Для лучшаго отправленія судопроизводства, для распределенія правительственныхъ должностей по достоинству и пр. граждане должны знать другъ друга; наибольшее посему число гражданъ для Государства есть то, которое бы легко могло быть обозрѣно (б). Но число 5040, какое въ Законахъ назначаетъ Платонъ для своего Государства, Аристотель находитъ уже слишкомъ великимъ (в).

(а) Polit. VІІ, 1—3.—(б) Polit. VІІ, 4.—(в) Polit. II, 3. § 3.

§ 74.

Способными по природѣ къ Государству Аристотель почитаетъ однихъ только Грековъ. Народы, населяющіе холодныя страны и Европу, хотя полны мужественнаго духа (*θυμός*), но бѣдны разумомъ (*διάνοια*) и искусствомъ; почему хотя они всегда остаются свободными, но не способны для Государственной жизни и не могутъ начальствовать надъ сосѣдями. Народы Азіи, хотя по душѣ разумны, изобрѣтательны въ художествахъ, но лишены мужественнаго духа; почему всегда находятся подъ властію другихъ и въ рабствѣ. Только родъ Эллиновъ, живя по мѣсту въ срединѣ, имѣетъ то и другое: и духъ и разумъ; почему, соединивъ будучи въ одно Государство, онъ можетъ начальствовать надъ всѣми народами (а).

§ 75.

Наилучшею по качеству землею для Государства Аристотелю представляется та, которая изобилуетъ всѣмъ нужнымъ. По пространству она должна быть такъ велика, чтобъ граждане отъ ея произведеній могли быть и щедрыми къ другимъ, и сами жить умеренно (б).

§ 76.

Изъ числа гражданъ, собственно такъ называемыхъ, въ совершеннѣйшемъ Государствѣ неключаются всѣ люди, занимающіеся произведеніемъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію физическихъ потребностей человека (в). Граждане посвящаютъ жизнь свою только дѣламъ войны, правленія Государствомъ и Богослуженія, и при томъ такъ, что младшіе изъ гражданъ, находящіеся во всей крѣпости тѣлесныхъ силъ, занимаются дѣлами войны, — старшіе, которымъ по ихъ возрасту наиболѣе свойственны опытность и благоразуміе, правятъ Государствомъ, наконецъ престарѣлые по лѣтамъ находятъ для себя успокоеніе въ служеніи Божеству (г).

(а) Polit. VII, 6. § 1—2. — (б) Polit. VII, 5. § 1. Cf. § 2. seqq.; 10. § 1—3. — (в) Polit. VII, 7—8. § 2; cf. II, 6. § 2—4; III, 3. § 2—3. — (г) Ibid. VII, 8. § 3—6.

§ 77.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что нѣкоторые условія для существованія совершеннѣйшаго Государства зависятъ отъ случая и природы; другія, напротивъ — отъ Науки и благоразумія (г). Въ числѣ сихъ послѣднихъ Аристотель особенно полагаетъ правильный порядокъ въ *рожденіи* дѣтей и *воспитаніи*. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, душа изъ силы разумной и неразумной, разумъ есть или дѣятельный, или созерцательный. Тѣло рождается прежде души, неразумное — душѣ прежде разумнаго. И такъ, по мнѣнію Аристотеля, надобно образовывать въ человѣкѣ сначала тѣло, а потомъ душу, сначала неразумное, а потомъ уже разумное. Но худшее существуетъ для лучшаго. Тѣло посему должно быть образовано для души, неразумное въ душѣ для разумнаго, наконецъ все вообще въ человѣкѣ должно быть образовано для высочайшей цѣли, т. е. для созерцанія Божественнаго (а).

Аристотель, такъ же какъ и Платонъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на *рожденіе* дѣтей, и по сему случаю говоритъ о бракахъ. Духъ господствующій въ правилахъ, сюда относящихся, и физическій взглядъ на супружество у обоихъ Философовъ одинъ и тотъ же (б).

За рожденіемъ слѣдуетъ *воспитаніе* дѣтей. До семи лѣтъ они содержатся дома (в); потомъ всѣ получаютъ одинаковое общественное воспитаніе; кромѣ Грамматики и Живописи, они образуются особенно въ Гимнастикѣ и Музыкѣ, въ Искусствахъ, достоинство коихъ Аристотель вообще цѣнитъ такимъ же образомъ и такъ же высоко, какъ и Платонъ (г). !

II. У ч е н і е о Д о м ѣ.

§ 78.

Государство образуется и состоитъ изъ Домовъ или семействъ. Частями дома у Аристотеля почитаются *лица* и *имущества*, и лица, на-

(а) Polit. VII, 13. § 22—23; 12. § 5—9.—(б) Polit. VII, 14.—(в) Ibid. 15.—(г) Ibid. VIII.

ходящіеся въ домѣ, раздѣляются на *свободныхъ* и *рабовъ*. Послѣдніе относятся уже къ числу имуществъ. Между свободными лицами различаются: 1) *союзъ супружескій*, 2) *союзъ родителей и дѣтей*, 3) *союзъ родственныи* (а).

1) О лицахъ.

§ 79.

Основаніе Дома есть *Союзъ супружескій*. Первое начало союза супружескаго скрывается, по мнѣнію Аристотеля, во взаимномъ влеченіи разнородныхъ половъ другъ къ другу, свойственномъ всѣмъ животнымъ (б). Но у животныхъ весь союзъ половъ ограничивается произведеніемъ на свѣтъ существъ, имъ подобныхъ. Напротивъ между людьми въ слѣдствіе самой ихъ природы, изъ физическаго отношенія одного пола къ другому тотчасъ образуется союзъ крѣпкій и благородный. 1) Люди существуютъ не для того, чтобъ жить какъ нибудь, а чтобъ жить счастливо и добродѣтельно. Каждый изъ половъ одаренъ для сего особенными качествами. И такъ чтобъ взаимно восполнить свой недостатокъ, мужъ и жена составляютъ между собою общество, сложивъ вкупѣ свое особенное. Одно изъ сихъ лицъ создано крѣпче, другое слабѣе, чтобъ первое по своему мужеству было способнѣе къ нападенію, второе — по своей боязливости способнѣе къ охраненію; чтобъ первое пріобрѣтало внѣ дома, второе сохраняло внутри его. Относительно трудовъ одно можетъ вести жизнь сидячую, но слабо для дѣлъ, производимыхъ на открытомъ воздухѣ; другое не такъ способно къ спокойной жизни, но бодро при движеніи. По отношенію къ дѣтямъ, одному принадлежитъ — вскормить ихъ (*θρέψαι*), другому — образовать (*παιδεύειν*) (в). 2) Другая связь супружескаго союза между людьми заключается въ добродѣтели: для каждаго изъ супруговъ существуетъ добродѣтель особаго рода; а всякая добродѣтель соединяетъ людей другъ съ другомъ. 3) Наконецъ, супруговъ связываютъ между собою дѣти, со-

(а) Оесоп. 2. — (б) Оесоп. 3; Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (в) Оесоп. 3.

ставляющіе ихъ общее добро (а), дѣти, которые, пришедъ въ силу, сами воздадутъ своимъ состарѣвшимся родителямъ то, что прежде получили отъ нихъ (б). Сія-то связи производятъ между супругами взаимное дружелюбіе (*φιλία*), которое существуетъ между ними по самой природѣ (в).

§ 80.

Изъ любви супружеской проистекаетъ любовь *между родителями и дѣтьми*. „Родители,“ говоритъ Аристотель, „любятъ рожденное отъ нихъ, какъ нѣкоторую часть себя самихъ, даже какъ себя самихъ, ибо происшедшее изъ нихъ есть какъ бы другіе они, отдѣлившіеся отъ себя самихъ. Дѣти, напротивъ, любятъ своихъ родителей, какъ часть, изъ нихъ происшедшая, какъ люди, имъ одолженные своимъ бытіемъ, ими вскормленные, воспитанные (г).

§ 81.

Отъ любви между родителями и дѣтьми рождается сама собою, по словамъ Аристотеля, любовь *между братьями, сестрами и вообще родными*. Братья любятъ другъ друга, потому что произошли отъ тѣхъ же лицъ; тождество ихъ съ сими послѣдними дѣлаетъ ихъ тождественными другъ для друга, хотя они и существуютъ раздѣльно. Однородность воспитанія и равенство лѣтъ еще болѣе укрѣпляютъ любовь между ними. Наконецъ чѣмъ они добродѣтельнѣе, сходятъ по правамъ, чѣмъ болѣе могли испытать другъ друга, въ теченіи продолжительнаго времени обращаясь между собою, тѣмъ тверже бываетъ любовь между ними (д). То же, хотя въ меньшей степени, надобно сказать о любви между дальнѣйшими родственниками (е).

§ 82.

Существо отношеній между свободными членами въ Домѣ Аристотель сравниваетъ съ разными Образами Правленія въ Государствѣ, и, такъ же какъ въ послѣднемъ, отдѣляетъ правильное состояніе

(а) Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (б) Oecon. 3. — (в) Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (г) Eth. Nic. VIII, 12. § 2—3.—(д) Ibid. § 3—6.—(е) Ibid. § 4, § 7.

въ домашнихъ отношеніяхъ отъ неправильнаго. Въ правильномъ состояніи всѣ члены дома относятся другъ къ другу, какъ лица свободныя; но по самой природѣ старшій способнѣе управлять, нежели младшій; мужчина способнѣе, нежели женщина. По сему отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми царски. Отношеніе мужа къ женѣ есть аристократическое: мужъ, начальствуя надъ своею женою по достоинству, какъ равный надъ равною, но только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя до него касаются, предоставляетъ впрочемъ самой женѣ то, что принадлежитъ ей. Наконецъ, союзъ между братьями, коль скоро они по лѣтамъ не очень различны, походить на Государство, управляемое политически. Вотъ естественный видъ домашнихъ отношеній! Въ противоположность симъ правильнымъ состояніямъ можетъ существовать въ Домѣ, такъ же какъ и въ Государствѣ, своего рода Тираннія, Олигархія и Демократія (а).

Какъ въ домашнемъ обществѣ требуется начальствующее лице, а другіе народы, кромѣ Грековъ, т. е. всѣ вообще варвары, не имѣютъ въ своей душѣ силы начальствующей, т. е. разума, то Аристотель и не находитъ между ними домашняго общества въ истинномъ его видѣ: у варваровъ мужъ и отецъ властвуетъ надъ своею женою и дѣтьми, какъ господинъ надъ рабами (б).

Главнымъ предметомъ попеченій домашняго общества, такъ же, какъ и Государства, есть, по ученію Аристотеля, добродѣтель, безъ которой, какъ онъ говоритъ, нельзя ни повиноваться, ни начальствовать. Начальствующему въ домѣ надобно имѣть совершенную добродѣтель; изъ другихъ членовъ общества каждый столько долженъ имѣть ея, сколько нужно для исполненія его особеннаго дѣла. Добродѣтель перваго есть добродѣтель начальственная, добродѣтель послѣднихъ — служебная (в).

Но какъ семейство или домъ есть только часть Государства, а совершенство части должно быть направлено къ совершенству цѣлаго, то по отношенію къ добродѣтели членовъ дома Аристо-

(а) Eth. Nic. VIII, 9. § 4—6; Polit. I, 5. § 1—2. — (б) Eth. Nic. VIII, 10. § 4; Polit. I, 1. § 5. — (в) Polit. I, 5. § 3—9.

тель и требуетъ, чтобъ мужескій и женскій полъ былъ воспитываемы принаровнительно къ существующему Образу Правленія. Для Государства, говоритъ онъ, весьма важно, чтобъ полъ, составляющій половину народонаселенія, чтобъ люди, которые должны въ послѣдствіи времени сдѣлаться полными гражданами, были добродѣтельны (а).

Такимъ образомъ здѣсь домашняя жизнь возводится въ жизнь Государственную.

§ 83.

Люди, принадлежащіе къ дому, суть или свободные, или рабы. До сихъ поръ говорили только о свободныхъ. Теперь о *рабахъ*.

Сущность рабства Аристотель полагаетъ въ томъ, что человекъ дѣлается собственностью другаго (б). Но 1) есть ли такіе люди отъ природы или изъ Дѣла, утверждаетъ Аристотель и доказываетъ то изъ началъ Ума при посредствѣ опыта. Во всемъ, говоритъ онъ, что слагается изъ множества устремленнаго къ одной цѣли, и образуетъ одно цѣлое, во всемъ сложенномъ одно существо, какъ лучшее, является начальствующимъ, другое состоящимъ у него подъ начальствомъ, и такое отношеніе не только необходимо, но и полезно для обѣихъ сторонъ. Даже въ предметахъ неодушевленныхъ, безжизненныхъ есть какос-то начальство, какъ бы начальство гармоніи. Въ животномъ душа начальствуетъ надъ тѣломъ, въ душѣ разумъ надъ пожеланіями. Между самими животными люди начальствуютъ надъ всѣми другими, между людьми мужескій полъ надъ женскимъ. Вездѣ въ сихъ случаяхъ для одного — лучшаго столь же полезно и естественно начальствовать, сколько для другаго — худшаго быть у него подъ начальствомъ. Въ подобномъ отношеніи надобно по необходимости быть и всѣмъ людямъ между собою. И такъ, если которые изъ людей столько же стоятъ ниже другихъ, сколько тѣло ниже души, или звѣрь ниже человека; то они рабы по природѣ, для нихъ всего лучше быть подъ властію другаго. Въ самомъ дѣлѣ такіе люди тѣмъ только отличаются отъ нераз-

(а) Polit. I, 5. § 12.—(б) Polit. I, 2. § 3—7.

умныхъ животныхъ, что могутъ понимать разумныя приказанія, хотя сами исполнѣ не имѣютъ разума, тогда какъ прочія животныя слѣдуютъ только своему неразумному побужденію: польза отъ тѣхъ и другихъ одинакова; все ихъ дѣло ограничивается тѣлесною работою (а). Но послѣ сего Аристотель 2) встрѣчаетъ не маловажный вопросъ: по чему же распознать, у кого именно рабская природа, у кого нѣтъ? Души видѣть нельзя; что же касается тѣла, то люди при душѣ свободнаго имѣютъ не рѣдко тѣло раба, и на оборотъ при тѣлѣ раба душу свободнаго. Тѣмъ не менѣе надобно признаться, говоритъ Аристотель, что нѣкоторые люди вездѣ рабы, другіе—вездѣ свободны, и что въ нѣкоторыхъ лицахъ это опредѣлено съ точностію. Именно на всѣхъ варваровъ онъ смотритъ, какъ на людей, рожденныхъ для рабства (б).

Впрочемъ существо взаимныхъ отношеній между господиномъ и рабомъ опредѣляетъ Аристотель снисходительнымъ образомъ. По его словамъ, между лицами, изъ коихъ одно дѣйствительно имѣетъ свойства господина, другое—раба, само собою рождается Дружелюбіе. Справедливость и взаимная польза обѣихъ сторонъ требуетъ, чтобъ одно лице начальствовало, а другое повиновалось, сообразуясь съ самымъ существомъ начальства; худо господствовать или худо служить—не приносить пользы ни господину, ни рабу (в).

По сему для раба такъ же существуетъ добродѣтель своего рода, какъ и для другихъ лицъ въ семействѣ. Но добродѣтель раба непосредственно обращена къ пользѣ его господина, отъ коего она и истекаетъ, и состоитъ только въ томъ, чтобъ рабъ по лѣности или невоздержности не оставлялъ своей работы (г).

2) Объ имуществѣхъ.

§ 84.

Кромѣ лицъ свободныхъ и рабовъ къ дому принадлежатъ имущества. Слѣдующее отношеніе между имуществомъ и владѣльцемъ Аристо-

(а) Polit. I, 2. § 8—14.—(б) Polit. I, 2. § 14—20.—(в) Polit. I, 2. § 20 ; cf. Eth. Nic. VIII, 11. § 6—7; Polit. III, 4. § 4; Econ. 5.—(г) Polit. I, 5. § 9—11.

тель представляет себѣ въ видѣ отношенія, находящагося между частию и цѣлымъ. Имущество есть какъ бы часть тѣла владѣльца, существующая отдѣльно. Въ слѣдствіе такого отношенія имущество принадлежитъ владѣльцу въ собственность (а).

Между разными видами промышленности, какъ способами пріобрѣтенія собственности, Аристотель почитаетъ 1) земледѣліе и наиболѣе сообразнымъ съ природою; ибо по природѣ всѣ существа получаютъ пищу отъ матери, а земля служитъ для людей общею матерью; и самымъ благороднымъ, ибо такое занятіе особенно способствуетъ къ возбужденію и укрѣпленію мужественнаго духа въ человѣкѣ. Сюда же относится и скотоводство. Но 2) каждая вещь, по ученію Аристотеля, можетъ быть употребляема или непосредственно, или для мѣны. И такъ люди, имѣя у себя однихъ вещей болѣе, другихъ менѣе, нежели сколько имъ было нужно, начали производить мѣну другъ съ другомъ. Для произведенія же ея удобнѣе и скорѣе были изобрѣтены деньги. Съ тѣмъ вмѣстѣ родились разные промыслы, коихъ цѣлію есть пріобрѣтеніе денегъ; таковы суть: торговля, отдача денегъ въ ростъ, и работы изъ платы, куда принадлежать всѣ ремесла. Въ срединѣ между первымъ — самымъ естественнымъ, и вторымъ — совершенно искусственнымъ способомъ пріобрѣтенія вещей находятся горные промыслы, лѣсоводство и т. п. Ни одинъ изъ промысловъ, имѣющихъ въ виду одно только пріобрѣтеніе денегъ, въ глазахъ Аристотеля не заслуживаетъ одобренія (б).

(а) Polit. I, 2. § 3—7. cf. § 20.—(б) Polit. I, 3. § 10—23; 4. § 2—3; 5. § 10; Oecon. 2.

ОТДѢЛЕНІЕ ТЕРТІЕ.

Философія Стоическая, Епикурейская, Скептическая.

§ 85.

Платонъ и Аристотель не имѣютъ строгой, догматической системы. Построить ее предпріемлютъ *Стоики* и *Епикурейцы*; но тѣ и другіе рѣшаютъ свою задачу только одностороннимъ образомъ, основываясь или, какъ первые, на однихъ высшихъ началахъ разума, или, какъ вторые, на показаніяхъ чувства; почему испровергая себя взаимно, и уничтожаются Скептицизмомъ — *Скептицизмомъ собственъ такъ называемыхъ Скептиковъ* и Скептицизмомъ *Средней и Новой Академіи*.

А. — Философія Стоическая.

§ 86.

Стоицизмъ въ теоретической его части былъ продолженіемъ Гераклитовой Философіи, въ практической — Философіи Антисѳеновой. Но той и другой Философіи опъ далъ видъ системы и общія ихъ положенія возвысилъ въ достоинство всеобщихъ началъ.

Богъ для Стоиковъ есть совершенно одно и то же съ міромъ. Но въ бытіи самого міра они различаютъ два состоянія: состояніе безразличія всѣхъ вещей, и состояніе различія. Первое есть состояніе совершеннѣйшее. Міръ въ непрерывномъ круговращеніи переходитъ отъ одного изъ сихъ состояній къ другому. Богъ, какъ душа міра, въ физическомъ отношеніи есть для Стоиковъ движущая сила матеріи, всеобщая природа, необходимость, судьба вещей; въ нравственномъ отношеніи Онъ есть всеобщій Разумъ, управляющій міромъ, Виновникъ Закона естественнаго, повелѣвающаго доброе и возбраняющаго злое, Каратель преступниковъ и праведный Мздовоздатель для тѣхъ, которые соблюдаютъ Его Законъ.

По сему и *Правоученіе* Стоиковъ имѣеть въ виду одно только всеобщее, разрушая, попирая все особенное, индивидуальное въ человѣкѣ. Жить согласно со всеобщею природою — вотъ самое первое выраженіе ихъ нравственнаго начала! Но чего же требуетъ общій Законъ природы отъ извѣстнаго рода существъ? Это опредѣляется особою природою каждаго существа, въ коей всеобщая природа какъ бы открываетъ свою волю. Отсюда новое выраженіе Стоического нравственнаго начала: жить согласно съ человѣческою природою. Но особенную природу человѣка составляетъ не другое что, какъ здравый разумъ. И такъ жить согласно съ здравымъ разумомъ — вотъ послѣднее Стоическое выраженіе нравственнаго начала! Но одно согласіе дѣяній со всеобщею ли то природою, или съ природою человѣка, или съ требованіями здраваго разума не составляетъ еще существа добродѣтели по мнѣнію Стоиковъ. Они различаютъ два рода дѣяній: пристойныя дѣянія (*καθ' ἡσιν*) и дѣянія совершенныя (*κατ' ὁρθότητα*). Пристойнымъ называютъ они все то, что происходитъ согласно съ природою, и дѣйствія сего рода приписываютъ не только дѣтямъ, но и неразумнымъ животнымъ, и даже растеніямъ. Такія дѣйствія сами по себѣ еще не могутъ быть названы ни добрыми, ни худыми. Добрыми дѣлаются они отъ того, что предпринимаются въ слѣдствіе одобренія разума, и тогда-то получаютъ достоинство дѣяній совершенныхъ. Твердое, неизмѣнное расположеніе души, дѣйствовать всегда только по внушеніямъ здраваго разума, есть характеръ Стоической добродѣтели. Человѣкъ совершенно свободный отъ страстей, т. е. отъ неразумныхъ, страдательныхъ движеній сердца, ничѣмъ не возмущаемый въ спокойствіи своей разумной дѣятельности, поставляющій все свое благо въ добродѣтели, есть въ понятіи Стоиковъ мужъ истинно добродѣтельный, истинный мудрецъ.

Но отъ того именно Стоическое правоученіе оставалось отвлеченнымъ и не могло достигнуть до *Системы Законовъ человеческой жизни*. Его Мудрецъ ни въ комъ и ни въ чемъ другомъ не нуждается. Сей Мудрецъ носитъ въ себѣ самомъ правило для рѣшенія всѣхъ вопросовъ о добрѣ и злѣ; онъ стоитъ выше всѣхъ Законовъ и обычаевъ.

Такимъ образомъ дѣйствительно первые Стоики представлялись еще совершенными Цинниками. Политика Зенонова уничтожала, собственно говоря, самое Государство. Идеалъ ея состоялъ въ томъ, чтобъ люди совсѣмъ не различались между собою по Государствамъ, Народамъ и Законамъ, всѣ жили въ общемъ согласіи, какое соединяетъ весь міръ, жили какъ стадо овецъ, пасущееся въ одномъ мѣстѣ, питаюсь отъ одного Закона, какъ отъ общаго пастбища (а). По мнѣнію Стоиковъ нѣтъ безусловной обязанности жить въ бракѣ, въ Государствѣ и проч. Мудрецъ вступить въ подобныя отношенія, жениться, приметъ участіе въ управленіи дѣлъ Государственныхъ и проч. если только это не будетъ препятствовать его добродѣтели, и Государство устроено подлежащимъ образомъ; иначе онъ удалится отъ общества и будетъ вести жизнь уединенную (б). Многіе даже Стоики отдавали полное предпочтеніе жизни созерцательной предъ дѣятельною (в); такъ какъ и вообще вѣщная дѣятельность для Стоической добродѣтели совершенно не важна, а вся сила заключается въ твердости доброй воли.

Б. *Философія Епикурейская.*

§ 87.

Епикуръ, въ теоретической части его Философіи будучи послѣдователемъ Левкиппа и Демокрита, въ практической былъ только усовершенителемъ ученія Аристиппова. Стремясь къ счастію, непрерывно продолжающемуся во всю жизнь, онъ полагалъ верховное благо не въ чувственномъ удовольствіи, какому предаются люди развратные, а въ свободѣ какъ отъ тѣлесныхъ скорбей, такъ особенно въ свободѣ отъ душевныхъ смущеній, или въ невозмутимости духа. Согласно съ симъ нравственнымъ началомъ Епикуръ отвергалъ бытіе справедливаго въ себѣ самомъ; по его мнѣнію, такъ называемое справедливое основывается только на договорѣ людей, взаимно согласившихся не обижать другъ друга, на тотъ конецъ, чтобъ, не дѣлая другъ другу вреда, и съ своей

(а) Plut. de Alex. fort. I, 6. — (б) Diog. Laert. VII, § 120—123; Stob. ecl. II, p. 184; 224; 228. — (в) На пр. о Гериллѣ см. Cic. de fin. IV, 14; V, 25.

стороны не подвергаться оному (а). Естественно или всеобщее справедливый онъ называлъ то, что для всѣхъ и каждаго полезно въ обществѣ. Но по различію временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, думалъ онъ, и справедливое бываетъ различно, а слѣдовательно можетъ измѣняться (б).

В. С к е п т и ц и з м ъ.

§ 88.

Академія Средняя и Новая утверждала, что представленія человѣческія могутъ быть вѣроятіе однихъ другихъ, но что здѣсь нельзя достигнуть до твердой истины. Отсюда и въ нравственномъ отношеніи Академія осталась только большую или меньшую вѣроятность познать, и говорила, что въ выборѣ между добромъ и зломъ надобно слѣдовать вѣроятнѣйшему (в). Доказательства Карнеада для утверженія этого положенія, что нѣтъ ничего справедливаго въ самомъ себѣ, сохранились до нашихъ временъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) Еслибъ существовало нѣчто справедливое въ самомъ себѣ, то оно было бы всегда и вездѣ одно и то же; напротивъ мы видимъ, что у разныхъ народовъ, и даже у одного и того же народа въ разные времена и для разныхъ классовъ людей не одно и то же почитается справедливымъ (г). 2) Благоразуміе не рѣдко требуетъ противнаго Справедливости, такъ, что въ сихъ случаяхъ для Государствъ и частныхъ лицъ было бы величайшею глупостію слѣдовать требованіямъ Справедливости (д). И такъ, думалъ Карнеадъ, мать Справедливости есть слабость. Людямъ надлежитъ выбирать что нибудь одно изъ трехъ: или дѣлать несправедливость, но не терпѣть; или дѣлать несправедливость и терпѣть; или и не дѣлать несправедливости, и не терпѣть ея. Но какъ для перваго силъ одного человѣка недостаточно, а второе заключаетъ въ себѣ величайшее бѣдствіе; то люди и выбираютъ для себя третье, ограничивая, но и защищая себя Законами (е).

(а) Diog. L. X, § 150. — (б) Ib. § 151—153. — (в) Sext. Emp. adv. Mathem. VIII, 158. — (г) Cic. de rep. III, 8—11. — (д) Ib. 12—13; 15—20. — (е) Ib. 13.

§ 89.

Скептицизмъ, собственно такъ называемый, отвергалъ самое различіе между большею и меньшею достовѣрностію. Стоять выше всякаго сомнѣнія, не колебаться между тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, быть всегда равнымъ себѣ самому, чистымъ въ своемъ самознаніи, — составляло цѣль Скептика. Для сего подлежало пріобрѣсть равнодушіе ко всемъ мнѣніямъ людскимъ объ истинѣ и заблужденіи, о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости. Такимъ образомъ, ссылаясь на различіе Законовъ положительныхъ и мнѣній Философовъ о предметахъ нравственности и Законодательства, Скептики доказывали, что нѣтъ ничего ни добраго, ни худаго въ самомъ себѣ и только Законъ и обычай устанавливаютъ различіе между добрымъ и худымъ, между справедливымъ и несправедливымъ (а).

§ 90.

Конечный результатъ Скептицизма есть совершенно отрицательнаго рода. Весь предметный міръ самосознанія приведенъ Скептицизмомъ въ сотрясеніе, опровергнутъ, сокрушенъ, уничтоженъ. Посреди сего ничтожества остается одно только самосознаніе съ самимъ собою въ своей безконечности. Но углубившись такимъ образомъ самъ въ себя, духъ дѣлаетъ собственное свое существо предметомъ своего самосознанія и порождаетъ внутри себя новый умственный міръ, совершенно отличный отъ всего, что доселѣ существовало, и не находя для себя удовлетворенія во внѣшности, ищетъ и обрѣтаетъ его въ своей внутренности. Это есть уже Философія слѣдующаго Періода.

(a) Sext. Empir. Нур. Pyrrh. I, 14. § 145; § 148—149; 15. § 164. Seqq.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Греческая Философія у Римлянъ и Восточныхъ Народовъ.

§ 91.

Тогда какъ въ Греческой Философіи происходили явленія, выше нами описанныя, въ ней приняли участіе и другіе Древніе Народы, т. е. какъ жители Востока, такъ и Римляне. Греческія Царства, основанныя по смерти Александра Македонскаго на Востокъ, сблизили между собою Грековъ и жителей Востока самымъ тѣснымъ образомъ. Для Философическихъ свѣдѣній такого сближенія обнаружилось уже спустя три столѣтія послѣ Александра, именно въ ученіи Филона Иудейскаго (род. въ 27 году до Р. Х.); но и потомъ прошли еще два столѣтія, прежде нежели родился Плотинъ (въ 205 году по Р. Х.), который при содѣйствіи своихъ послѣдователей, соединивъ Греческую Философію съ Преданіями Востока, далъ ей окончательный совершеннѣйшій видъ.

Дѣятельному участію Востока въ Греческой Философіи предшествовали зачатія въ ней Римлянъ. Покоривъ Грецію, Римляне тотчасъ приняли отъ побѣжденнаго народа вмѣстѣ съ разными Искусствами и Науками и Философію. Однако же начавъ упражняться въ ней еще задолго до того времени, какъ въ Филонѣ открылись первые слѣды столкновенія Греческихъ понятій съ Восточными, они едва продолжили свои упражненія за эпоху, ознаменованную Плотиномъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ.

§ 92.

Своей собственной *Философіи Римляне* не имѣли. Ихъ заботы устремлены были преимущественно къ дѣламъ гражданской жизни, къ Государству, ко всемірному владычеству (а). Въ этомъ кругѣ практическаго обнаружилось могущество ихъ внутренней силы; въ этомъ кругѣ, гдѣ подлежало дѣйствовать разсудкомъ, взвѣшивать, соображать послѣдствія съ причинами, жили собственно и дышали Римляне; въ этомъ кругѣ они превзошли всѣхъ народовъ. Но послѣ сего для занятій міра идеальнаго они уже не имѣли ни досуга, ни особенной способности. И такъ когда они почувствовали потребность въ Философіи; то, обратившись къ Философіи Греческой, большею частію старались только изучать ее, переводя на свой языкъ творенія Греческихъ Философовъ, сокращая, перерабатывая. Само собою разумѣется, что нѣкоторые понятія были притомъ пояснены, опредѣлены точнѣе; но вообще содержаніе Философіи пріобрѣло здѣсь очень не много.

§ 93.

Между Римлянами, занимавшимися Философіею, заслуживаетъ особенное вниманіе *Цицеронъ*. Для *Философіи Законодательства* онъ примѣчательнъ по двумъ причинамъ. 1) Въ рѣшеніи Метафизическихъ вопросовъ будучи свободнымъ и безпристрастнымъ послѣдователемъ Новой Академіи, онъ въ общей части Философіи практической держался наиболѣе Стоиковъ (б). Но при этомъ онъ служить для насъ необходимымъ дополненіемъ къ правоученію сихъ послѣднихъ, такъ какъ онъ частію раскрылъ дѣйствительно нѣсколько далѣе Стоическія начала въ ихъ послѣдствіяхъ, частію сохранилъ для насъ въ своихъ

(а) Ср. *Виргилія* въ *Аен.* VI, v. 848 — 854. — (б) *De off.* I, 2.

сочиненіяхъ мысли Стопковъ о предметахъ Законодательства, мысли, которыя въ противномъ случаѣ были бы для насъ потеряны. 2) Когда Новые Народы стали заиматься Науками; тогда какъ Римскіе Законы составили основаніе ихъ гражданскаго Законодательства, такъ Цицероновы мнѣнія дали первое направленіе ихъ теоріямъ о Законодательствѣ.

§ 94.

Что касается *общихъ понятій о Правдѣ и Справедливости*, — начало правды Цицеронъ возводитъ къ Закону, потому что Законъ есть начало справедливаго и несправедливаго (а). Подъ именемъ Закона разумѣется здѣсь Законъ вѣчный и неизмѣнный, существовавшій прежде всѣхъ писаныхъ Законовъ. Это есть самый разумъ, повелѣвающій, что должно дѣлать и запрещающій тому противное, разумъ въ томъ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, въ какомъ онъ является по достиженіи полного своего развитія и удостоивается названія мудрости (б).

Въ бытіи такого вѣчнаго Закона Правды Цицеронъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Извѣстны въ семъ отношеніи знаменитыя слова его: „Истинный Законъ есть здравый разумъ, согласный съ природою, разлитый во всѣхъ людяхъ, неизмѣнный, вѣчный. Къ этому Закону нельзя ни прибавить что либо, ни что нибудь убавить изъ него, ни совсѣмъ его отмѣнить; ни Сенатъ, ни Народъ не можетъ насъ изъять отъ обязанности исполнять его; не надобно искать для него другаго изъяснителя или истолкователя. Никогда не будетъ существовать другой Законъ въ Римѣ и другой въ Аенпахъ, другой нынѣ и другой послѣ. Напротивъ и всѣхъ народовъ, и во всѣ времена будетъ содержать одинъ Законъ и вѣчный и неизмѣнный; и одинъ всегда будетъ общимъ для всѣхъ какъ бы Учителемъ и Повелителемъ — Богъ. Онъ образовалъ сей Законъ, разсмотрѣлъ, предложилъ. Кто не будетъ повиноваться сему Закону, тотъ отречется отъ самого себя, и, возымѣвъ отвращеніе къ человѣческой природѣ, чрезъ то самое понесетъ величай-

(а) De leg. I, 6. — (б) De leg. I, 6; De rep. III, 22 (изъ Lat. Instit. VI, 8).

лія наказанія, хотя бы онъ и избѣгъ прочихъ такъ называемыхъ наказаній (а).

Прямымъ слѣдствіемъ единства разума въ существахъ есть, по мнѣнію Цицерона, единство и самой правды между ними. Разумъ находится какъ въ человѣкѣ, такъ и въ Богѣ. И такъ по разуму своему человѣкъ находится въ обществѣ съ Богомъ. Но у кого разумъ общій, у тѣхъ и здравый разумъ есть общій. А разумъ есть Законъ. Слѣдовательно люди и боги соединены между собою общимъ Закономъ. Но у кого Законъ общій, у тѣхъ общая и правда; такіа существа принадлежатъ къ одному и тому же Государству (*civitatī*). Весь міръ по сему есть одно всеобщее Государство, составленное изъ боговъ и людей (б). Но ни какія существа не сходны такъ другъ съ другомъ, такъ равны между собою, какъ сами люди. У всѣхъ одинъ и тотъ же разумъ, тѣ же способности, тѣ же страсти и проч. Но кому данъ разумъ отъ природы, тѣмъ данъ и здравый разумъ, слѣдовательно и Законъ; если же Законъ, то и Правда. И такъ Правда для всѣхъ людей есть единая (в). За обществомъ, составляющимся изъ всего рода человѣческаго, слѣдуютъ: 1) общество, состоящее изъ людей одного племени, языка; 2) общество гражданъ одного Государства; 3) общество супруговъ, дѣтей и родителей; 4) союзъ, основывающійся вообще на родствѣ и свойствахъ (г).

Усматривая повсюду разные виды общества, естественно образующагося между людьми, Цицеронъ въ неправдѣ видитъ дѣйствіе самое несогласное съ природою. Если бъ, говоритъ онъ, каждый для собственной выгоды сталъ обижать другаго, то по необходимости разрушилось бы все человѣческое общество; тѣ, которые, ничего не отнимая у своихъ родныхъ, не воздерживаются отъ подобныхъ поступковъ по отношенію къ другимъ согражданамъ, вѣрно предполагаютъ, что между ними и согражданами не существуетъ никакой правды и никакого общества для общей пользы, — по такое мнѣніе разрываетъ весь союзъ гражданъ.

(а) De rep. III, 22. (Изъ Lact. Inst. VI, 8). — (б) De leg. I, 7. (Cf. 8—9.). — (в) De leg. I, 10—12. — (г) De off. I, 16—17.

скаго общества; тѣ, которые, сохраняя уваженіе къ лицу согражданина, не хотятъ соблюдать того же самаго относительно иноземцевъ, расторгаютъ общій союзъ рода человѣческаго (а).

Самая Правда заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Цицерона, существенно двѣ части: съ одной стороны человѣкъ самъ не долженъ ни ко-го обижать, если онъ не будетъ вынужденъ къ тому нанесенною ему обидою; съ другой, онъ долженъ еще, если можетъ, защищать другихъ отъ обидъ. Кто несправедливо нападаетъ на другаго, тотъ поднимаетъ руки на союзника; а кто не защищаетъ другаго отъ обидъ, тотъ какъ бы въ случаѣ нападенія покидаетъ родителей, отечество, союзниковъ (б).

Кромѣ Правды (justitia) общество человѣческое держится, по словамъ Цицерона, Благотѣлительностію (beneficentia), которая находится въ самой тѣсной связи съ первою, и дѣйствіемъ коей человѣкъ, такъ какъ онъ рожденъ не для себя одного, но и для своего отечества, для друзей, раздѣляетъ свои собственныя выгоды со всѣми своими сообщниками (в).

§ 95.

Подробныя изслѣдованія о разныхъ Образахъ Правленія и вѣтвяхъ Законодательства Цицеронъ предложилъ по примѣру Платона въ сочиненіяхъ *О Государствѣ и О Законахъ*. Въ первомъ сочиненіи онъ хотѣлъ представить наилучшій Образъ Правленія, во второмъ начертать Законы для Государства, состоящаго подъ такимъ Правленіемъ (г). Но вмѣстѣ съ Полибіемъ (д) почитая самымъ лучшимъ Правленіе, существовавшее у Римлянъ во времена Царей и потомъ болѣе или менее сохранявшееся до временъ первой Пунической войны, т. е. смѣшенное изъ Моноархіи, Аристократіи и Демократіи (е), равнымъ образомъ взирая и на Законы сего Періода своего отечества какъ на самыя совершенныя (ж), Цицеронъ въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ представляетъ только апологію и картину древнихъ Римскихъ Установленій. Въ раз-

(а) De off. III, 6. — (б) De off. I, 7. — (в) De off. I, 7; 16. — (г) De leg. I, 5; De rep. I, 20. —

(д) Polyb. Hist. VI, 11. — (е) De rep. I, 21. Cf. I, 46; II, 1; 39. — (ж) De leg. II, 10.

мышленійхъ, какія надлежало дѣлать при семъ случаѣ, онъ держится обыкновенно Греческихъ Философовъ (а).

Какъ Римлянинъ, Цицеронъ вообще предпочитаетъ жизнь дѣятельную, и особенно политическую, жизни созерцательной. Все достоинство добродѣтели, говоритъ онъ, заключается въ ея приложеніи къ жизни, и особенно къ управленію Государствомъ (б); человекъ ни чѣмъ столько не уподобляется Божеству, какъ или создавая новыя Государства, или сохраняя уже созданныя (в); Философы, которые изъ любви къ Наукамъ удаляются отъ дѣлъ Государственныхъ и оставляютъ безъ защиты людей, которыхъ бы они должны были защищать, хотя не дѣлаютъ одной несправедливости, за то впадаютъ въ другую (г).

Государство въ понятіи Цицерона есть народъ, а народъ есть не всякое множество людей, какъ бы то ни было собранныхъ въ одно мѣсто, но совокупность людей, соединенныхъ между собою единствомъ правды и общими выгодами. Первою причиною, побудившею людей составить такое общество, Цицеронъ почитаетъ не столько слабость, сколько естественное какое-то влеченіе людей другъ къ другу (д); но самое происхожденіе отсюда гражданскаго общества онъ представляетъ, себѣ какъ бы дѣломъ человѣческой разсудительности (е).

§ 96.

Объ отношеніяхъ *частной жизни* мы уже замѣтили, въ какой полнотѣ у Цицерона признаются разные виды союза семейственнаго. Въ самомъ первомъ ихъ началѣ онъ производитъ ихъ изъ общей животной природы (ж). Бытіе рабства онъ защищаетъ такъ же, какъ Аристотель (з).

Всѣ вещи Цицеронъ почитаетъ по природѣ общими для всего рода человѣческаго. Частною собственностію дѣлаются они, по его словамъ,

(а) De rep. I, 22. — (б) De rep. I, 2. — (в) Ib. 7. Cf. De off. I, 43—44. — (г) De off. I, 9. — (д) De rep. I, 25. Cf. de off. I, 4; 44. — (е) De rep. I, 26. Иначе: De off. I, 17. (по Аристотелю). — (ж) De off. I, 4. — (з) De rep. III, 24—25. (Изъ Aug. de Civ. D. XIX, 21; contra Iulian. pelag. IV, 61).

въ силу овладѣнія, побѣды надъ непріятелемъ, закона, договора, условія, жеребья (а).

Изъ разныхъ видовъ промышленности Цицерономъ порицаются всѣ тѣ, кои навлекаютъ на себя несправедливость людей (напр. отдача денегъ въ ростъ); всѣ тѣ, гдѣ покупается одна работа, а не искусство; далѣе, мелочная торговля; ремесла; наконецъ искусства, которыя служатъ однимъ чувственнымъ удовольствіямъ. Одобряются напротивъ искусства, требующія особенной разсудительности, или доставляющія людямъ значительную пользу (напр. Медицина, Архитектура); далѣе, торговля, производимая въ большомъ видѣ; наконецъ преимущественно земледѣліе (б).

§ 97.

У Цицерона въ первый разъ мы находимъ истинныя понятія о *Правдѣ между Народами*. Мы видѣли уже, какъ основываясь на единствѣ разума во всѣхъ людяхъ, онъ утверждаетъ и единство правды между ними, какъ онъ въ неуваженіи правъ иностранцевъ усматриваетъ расторженіе общаго союза рода человѣческаго. Въ особенности онъ первый опредѣляетъ надлежащимъ образомъ взаимныя между собою отношенія воюющихъ народовъ. Требуя, чтобъ люди соблюдали нѣкоторыя должности и противъ тѣхъ, отъ коихъ они получили обиду, онъ различаетъ два рода брани: брань на словахъ и брань съ употребленіемъ силы. Людямъ, по его мнѣнію, прилична собственно только первая; напротивъ послѣдняя прилична неразумнымъ животнымъ, и слѣдовательно къ ней должно прибѣгать уже тогда, когда нельзя ограничиться первою. Вообще по ученію Цицерона, войну должно предпринимать только для того, чтобъ жить въ мирѣ безъ обиды; по одержаніи побѣды должно сохранять тѣхъ, которые не были жестоки на войнѣ, соблюдать слово, данное и врагамъ, и употреблять только законныя средства для ихъ гибели (в).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМИ НАРОДАМИ.

§ 98.

Изъ соединенія Греческихъ Умозрѣній съ Преданіями Востока произошло нѣсколько особенныхъ системъ: *Ученіе Филона, Гностицизмъ, Каббала и Философія Неоплатоническая.* Общее направленіе духа было здѣсь у всѣхъ одинаково. Видя истинное добро въ одномъ Богѣ, какъ Онъ существуетъ Самъ въ Себѣ, всѣ умы признавали здѣсь послѣднюю для себя цѣлю непосредственное соединеніе съ Богомъ. Состояніе такого единенія было почитаемо за высочайшее счастіе, за превосходнѣйшую добродѣтель. Чтобъ достигнуть до него, требовалось поправленіе чувственности, искорененіе страстей, совершенствленіе та души. Бѣжать для сего отъ свѣта, отъ обыкновеннаго человеческого общества — вотъ что было наконецъ послѣднимъ правиломъ Древней Философіи. Область Законодательства по сему вообще была исключена изъ числа предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію.

§ 99.

Но было бы несправедливо утверждать, что и *Неоплатоники* мало занимались Философіею Законодательства. Напротивъ, они обращали на нее все вниманіе, какое она заслуживала; Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ писали разныя сочиненія, сюда относящіеся. Платонъ и здѣсь, какъ вообще, служилъ для Неоплатониковъ главнымъ руководителемъ, даже болѣе, нежели въ другихъ частяхъ Философіи. Тѣмъ не менѣе чистыя, возвышенныя начала нравственности, до какихъ достигнулъ Стоицизмъ, та сила, какую онъ открылъ въ самомъ разумѣ, опредѣлять человека къ добру независимо отъ физическихъ влеченій, то сознаніе нравственнаго ничтожества физическихъ склонностей, расположеній, дѣйствій, не происходящихъ изъ свободной рѣшимости воли, какое въ немъ пробуди-

лось — все это не было потеряно и между Неоплатониками. Но тогда, какъ Стоическій Идеалъ Государства уничтожалъ самое Государство, они, воспринимая въ свою Философію Идеалъ Платоновъ, сдѣлали для себя Государство въ пѣкоторой степени возможнымъ. Впрочемъ удаляя отъ себя заботы объ удовлетвореніи физическихъ потребностей жизни, какъ предметовъ, принадлежащихъ къ области вещественнаго, пренебрегая союзомъ семейственнымъ и не приписывая большой силы физическимъ различіямъ между людьми, Неоплатоники становились со своимъ Государствомъ совершенно вѣдѣ дѣйствительнаго міра, вѣдѣ тѣхъ союзовъ общежитія, которые здѣсь имѣютъ вѣсь и значеніе. Они сосредоточивались единственно въ самихъ себѣ. Государство въ ихъ видѣ, какъ они его себѣ воображали, было только внутреннее, потому что конемъ человѣкъ долженъ восходить при очищеніи своей души, доколѣ она, собравшись сама въ себя, не сдѣлается способною вселенную жизнь чисто внутреннюю и погрузиться въ созерцаніе Божества.

Общее обозрѣніе.

§ 100.

Таковъ былъ копецъ Древней Философіи Законодательства! Обозримъ теперь кратко *весь ходъ ея*.

Какъ все вообще развитіе Древней Философіи было направлено къ тому, чтобы постигнуть безусловное превосходство духа предъ природою, разумаго предъ неразумнымъ, внутренняго предъ внѣшнимъ; то сіе же самое направленіе мы примѣчаемъ и въ Философіи Законодательства. По отношенію къ ней оно выразилось уже при самомъ *первомъ ея началѣ* въ понятіяхъ о цѣли земной жизни человѣка, какія мы находимъ у *Анаксимандра, Пиногора, Парменида, Гераклита, Анаксагора*. Но это влеченіе къ высшему міру было не только влеченіе безотчетное, безсознательное, и не основывалось на глубокомъ познаніи существа вещей. *Анаксагоръ* указалъ на превысшее начало, владычествующее въ мірѣ, — на Умъ. *Софисты*, взирая на каждого человѣка съ его отдѣльнымъ разумомъ, какъ на существо, составляющее цѣль для самаго себя, обняли своею Философіею одну только субъективную сторону сего начала и сдѣлали ее господствующею въ ихъ Философіи. Отсюда, отъ сего отдѣльнаго и односторонняго взгляда на человѣческую природу всѣ основанія Правды поколебались; все было разрушено въ порядкѣ жизни общественной; надлежало все снова возсоздать.

Въ противоположность *Софистамъ, Сократъ*, признавши бытіе Верховнаго Ума, который, самъ въ себѣ пребывая одинъ и тотъ же, дѣйствуетъ одинаково во всѣхъ людяхъ и въ цѣломъ мірѣ, выразилъ ту основную истину во всѣхъ изысканіяхъ о Законодательствѣ, что есть нѣчто само въ себѣ справедливое, есть вѣчные Законы Правды, какъ изреченія Ума Божественнаго, держащіяся своею внутреннею силою. Платону и Аристотелю предоставлено было изложить сіи Законы во всей ихъ обширности и показать владычество Ума Божественнаго

въ жизни человѣческой, въ союзѣ Государственномъ и семейственномъ.

По ученію *Платона*, Умъ, господствуя въ душѣ человѣка, допускаетъ однако въ то же время и дѣйствіе низшихъ силъ. Онъ повелѣваетъ имъ; но отъ нихъ зависитъ исполнить сіи повелѣнія, или не исполнить, согласиться съ требованіями Ума, или не согласиться. Правда не есть непосредственное дѣйствіе одного Ума, но гармонія силъ душевныхъ, происходящая изъ того, что всѣ онѣ согласуются между собою въ своихъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ и самый Умъ есть даръ природы, достигающійся немогимъ. Такимъ образомъ вся вообще добродѣтель человѣческая представляется въ видѣ совершенства силъ физическихъ. Вполнѣ способными къ ней признаются одни только Греки. На сихъ-то основаніяхъ создается самое Государство. Три добродѣтели: Мудрость, Мужество, Умѣренность — получаютъ для себя видимыхъ представителей въ трехъ Состояніяхъ послѣдственныхъ. Для сохраненія Государства и утвержденія въ немъ добродѣтели устанавливается правильный распорядокъ въ физическомъ рожденіи и воспитаніи дѣтей. Стремясь сдѣлать Государство, сколько возможно болѣе, единымъ, Платонъ сосредоточиваетъ его въ небольшомъ числѣ гражданъ; все низшее Сословіе, занимающееся произведеніемъ предметовъ, служащихъ къ удовольствію чувственныхъ потребностей, находится въ состояніи рабства; въ кругу высшихъ Сословій не существуетъ ни различія занятій по различію пола, ни частной собственности, ни союза семейственнаго; для всѣхъ вообще лицъ, изъ какого бы Сословія они ни были, не существуетъ права избирать для себя родъ жизни. Наконецъ верховное владычество въ семъ Государствѣ принадлежитъ Уму.

Аристотель, не смотря на различіе, положенное имъ между Добродѣтелію, Правдою и Дружелюбіемъ, между Правдою распределяющею и Правдою возмездія, въ своихъ изслѣдованіяхъ о предметахъ Законодательства вообще не отделяется отъ началъ Философін Платоновой. Если съ одной стороны общій союзъ Государственный у Аристотеля не уничтожаетъ отношеній частной жизни — союза семейственнаго,

частной собственности, различія занятій по различію половъ; то съ другой сѣн отношенія поставляются въ строгой зависимости отъ Государства, какъ отъ одного органическаго цѣлаго.

У *Стоиковъ* могущество разумаго начала признается во всей его полнотѣ; по ихъ ученію разумъ производитъ добродѣтель самъ изъ себя, а не образуетъ только ее изъ готовой уже матеріи; внутреннее самообладаніе, безстрастіе духа составляетъ высочайшее достоинство человѣка. Единство разума во всѣхъ людяхъ совокупляетъ весь родъ человѣческій въ одинъ обширѣйшій союзъ. Но въ семъ союзѣ изчезаютъ уже всѣ различія общественной жизни; общество *Стоиковъ* не есть какое либо Государство въ особенностях, но весь правдивный міръ.

Епикурейцы и *Скептики*, отвергая даже бытіе справедливаго въ самомъ себѣ, не присовокупили ничего новаго къ *Философіи* Законодательства. Но послѣднею цѣлію ихъ стремленій была, такъ же какъ у *Стоиковъ*, внутренняя самостоятельность, невозмутимость духа.

Цицеронъ раскрылъ намъ мысли *Стоиковъ* о единствѣ Правды между людьми, и въ особенностяхъ сдѣлалъ приложеніе сихъ мыслей къ Правдѣ между Народами. Но что онъ говоритъ о разныхъ союзахъ общежитія, о Государствѣ, о разныхъ вѣтвяхъ Законодательства, то, составляя разнородную смѣсь мнѣній, заимствованныхъ изъ Греческой *Философіи*, или изъ положительнаго Римскаго Законодательства, не вознаграждаетъ недостатка изслѣдованій о сихъ предметахъ у самихъ *Стоиковъ*.

Накопецъ, въ *Неоплатонической* *Философіи* выражено ничтожество физическаго, превосходство разумаго съ такою силою, ясностію, съ какою сѣн истины никогда доселѣ не выражались. Государство удерживаетъ при семъ также свое мѣсто и значеніе. Впрочемъ все оно устремлено къ сверхчувственному. Духъ, собравшись въ себя самого, достигши своего внутренняго міра, хочетъ только созерцать духовное, быть только чистымъ духомъ.

§ 101.

Сравнивая весь сей ходъ Философіи Законодательства у Древнихъ Народовъ съ общимъ ходомъ ихъ Исторіи, мы примѣчаемъ между тѣмъ и другимъ разительное соотвѣтствіе. Общій характеръ древнихъ Народовъ составляетъ преобладаніе въ нихъ міра физическаго надъ міромъ духовнымъ; ихъ Исторія въ цѣломъ есть Исторія постепеннаго и медленнаго освобожденія духа изъ-подъ владычества природы. Въ порядкѣ сего освобожденія прежде всего надлежало раскрыться низшимъ элементамъ жизни; они и дѣйствительно раскрылись и произвели свойственныя имъ явленія: смѣшеніе добра и зла. Но въ то же время пробуждались въ людяхъ и высшія потребности духа; по мѣрѣ того, какъ зло возрастая представлялось въ живѣйшихъ чертахъ, усиливалось въ душахъ и желаніе освободиться отъ него. Подробное описаніе *отношенія, существовавшаго у Древнихъ Народовъ между Философіею Законодательства и дѣйствительною ихъ жизнью*, завело бы насъ въ изслѣдованія слишкомъ обширныя; и такъ мы должны ограничиться только нѣкоторыми намеками въ разсужденіи сего предмета.

Послѣ простаго образа жизни подъ Правленіемъ Царскимъ, у Грековъ вездѣ почти образовались Аристократіи, вскорѣ перераждавшіяся въ Олигархіи; но Аристократіи и Олигархіи съ своей стороны тотчасъ должны были вступить въ борьбу съ другимъ дѣятельнѣйшимъ началомъ жизни, съ Демократіею. Въ колоніяхъ открылась сія борьба гораздо прежде, нежели въ собственной Греціи; въ послѣдней она свирѣпствовала съ жесточайшею силою въ промежуткѣ времени между началомъ Персидской и концемъ Пелопоннесской войны.

Философы не были при семъ спокойными только зрителями. Съ начала они двигались еще совершенно въ кругѣ общей жизни. Политическая дѣятельность *Θалеса, Анаксимандра, Пифагора, Элеатиковъ* очень извѣстна. Съ *Пифагоромъ* открылись первыя усилія Философіи — противопоставить вторгавшемуся разврату устройство вещей, обяза-

ное своимъ происхожденіемъ лучшимъ временамъ. Хотя Писагорейскій союзъ, какъ Аристократическая партія, былъ направленъ къ тому, чтобъ въ городахъ Дорическаго племени возстановить древнія Дорическія Установленія, древній Дорическій образъ жизни, въ томъ особенно видѣ, какъ все это существовало напр. у Спартацевъ, или на островѣ Критѣ (а); однако, имѣя у себя главою Философа, будучи имъ основанъ и приведенъ въ движеніе, этотъ союзъ заслуживаетъ быть замѣченнымъ и въ Исторіи Философій Законодательства.

Гераклитъ былъ первый Философъ, въ лицѣ коего Философія, во враждѣ съ существующими Законами, съ дѣйствительнымъ устройствомъ общественной жизни, начала удаляться отъ общества. Равнымъ образомъ Демокритъ, ища собственнаго спокойствія, отторгъ себя отъ всѣхъ связей общезжитія; Анаксагоръ, изъ любви къ созерцательной жизни, отказался отъ занятій дѣлами Государствъ. Во всемъ этомъ мы уже видимъ дѣйствіе новаго начала и надъ Философами, — дѣйствіе духа, который хочетъ жить въ самомъ себѣ и для себя одного. Но какъ вторженіе сего начала въ собственную Грецію принадлежитъ особенно ко временамъ Пелопоннесской войны и непосредственно ей предшествующимъ, то именно около сего же времени являются и Софисты съ ихъ ученіемъ, потрясающимъ въ самомъ основаніи Греческія Государства.

Обыкновенно *Софистовъ* называютъ развратителями Греческаго юношества и добрыхъ Греческихъ нравовъ. Уже Платонъ находилъ невозможнымъ, чтобъ такіе ничтожные люди, каковы были Софисты, могли развратить кого нибудь (б). Они — говоря правду — соединились только съ духомъ своего времени, и когда Греческій народъ самъ уже почувствовалъ нужду въ подобныхъ имъ людяхъ, предложили ему свои услуги. Тогда, какъ сами Греки захотѣли быть людьми, внешне образованными, когда всѣ устремились къ своимъ частнымъ цѣлямъ и пожелали обладать искусствомъ — обращаться съ людьми по собствен-

(а) Heeren's Ideen Band VI. Gœtt. 1826. S. 354 — 360; K. Otf. Müller's Dorier, Breslau, 1824. II, S. 178—181.—(б) Plato de rep. V, p. 492.

нымъ видамъ, особенно искусствомъ — дѣйствовать на страсти народа и управлять имъ по своему произволу, тогда явился и Софисты съ ихъ самолюбивою Политикою, съ ихъ Искусствомъ ослѣпительнаго Краспорѣчія, и сдѣлались учителями Грековъ (а), преподавая ученикамъ только то, чего требовали ихъ страсти. Но разумѣется само собою, что вступивъ въ рядъ причинъ, дѣйствующихъ въ нравственномъ мірѣ, Софисты присовокупили нѣчто и отъ себя къ его испорченности.

Сердечно увѣренный въ томъ, какъ пагубны для Греческой жизни начала, принятыя Софистами, *Сократъ* хотѣлъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами остановить потокъ развращенія — и своимъ примѣромъ и ученіемъ. Впрочемъ извѣстно, чѣмъ кончились всѣ его усилія: имен-
но смертію.

Сократъ былъ жаромъ чистой, просвѣщенной любви къ своему отечеству *Платонъ* продолжилъ борьбу Сократову съ новымъ духомъ времени. Происходя отъ знаменитѣйшихъ родителей, будучи въ родствѣ съ важнѣйшими людьми, онъ въ молодости своей хотѣлъ посвятить себя совершенно дѣлу Государственнымъ. Но углубившись въ Философію, онъ не могъ сдѣлать началъ ея съ настоящимъ положеніемъ Государства и потому составилъ собственный свой Идеалъ. Всякой лучъ надежды — привести свой Идеалъ въ дѣйствіе, былъ для него важенъ. Онъ вступалъ для того въ связи съ Діономъ, съ Италійскими Пифагорейцами, съ Діонисіемъ. Ожидал многого особенно отъ Діонисія, онъ три раза путешествовалъ въ Сицилію, не смотря на всѣ, простиравшія для него оттуда испріятности. Впрочемъ надежда совершенно его обманула. Въ послѣдствіи времени, если вѣрить сказаніямъ не весьма достойнымъ, другія Государства — жители Кирены, Аркадіяне, просили его быть у нихъ Законодателемъ; но самое первое требованіе Философа — отказаться отъ частной собственности было ими отвергнуто, чѣмъ и прекратились всѣ сіи сношенія. Чтобъ сдѣлать свой Идеалъ по возможности удобоисполнимымъ, онъ писалъ даже особенное сочиненіе — О Законахъ, гдѣ уже

(a) Ср. Plato Ibid. p. 493.

не требовалъ многого изъ того, что должно было существовать въ идеальномъ Государствѣ. Все было безуспѣшно.

Въ лицѣ Платона, Философія, кажется, собрала всѣ свои силы, чтобъ защитить духъ Греческій противъ враждебной ему силы. Ученику Платонову, *Аристотелю*, принадлежитъ честь образовать того героя, съ которымъ Греція, преисполненная внутренняго движенія, выплала, такъ сказать, изъ своихъ береговъ, и переступивъ мѣру, отъ самой природы ей назначенную, потеряла сама себя въ обширныхъ, неизмѣримыхъ странахъ Востока. вмѣстѣ съ симъ Философія начала снова пріобрѣтать равнодушіе, которымъ она доселѣ не могла насладиться, взирая на ходъ дѣлъ общественныхъ, на развратъ, со всѣхъ сторонъ вторгающійся въ Государство. Аристотель чувствуетъ вполне силу временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ надъ дѣлами человеческими; онъ не имѣетъ никакой надежды управить ходомъ произшествій по своимъ желаніямъ; онъ довольствуется только тѣмъ, чтобъ понять существо общественныхъ отношеній, и находя невозможнымъ, чтобъ для всѣхъ людей годилось все, предоставляетъ искать имъ единственно такого состоянія, къ какому они способны.

Смерть Александра Македонскаго сопровождалась рѣшительнымъ разрушеніемъ общественной жизни въ Греціи; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла для Грековъ и вся нравственность, вся добродѣтель, которая у нихъ была совершенно привязана къ Государственному быту. Непрестанныя брани, веденныя не столько силою оружія, сколько злодѣйственнымъ смертоубійствомъ, хитростію, обманомъ, и посредствомъ войскъ наемныхъ, смѣшеніе частію съ грубыми сѣверными полуварварами, частію съ жителями Востока, не знавшими никакой мѣры въ удовлетвореніи своихъ страстей, сдѣлали сердца необыкновенно дикими, жестокими. Высшія цѣли жизни, общее благо, благо отечества были совершенно потеряны изъ вида; всякой заботился только о себѣ одномъ; священный страхъ, внушаемый Религіею, уже давно не существовалъ. Частые перевороты въ судьбѣ войны сдѣлали нетвердымъ всякое владѣніе; по сему люди, гоняясь съ алчностью за богатствами, спѣши-

ли, сколько возможно, скорѣе насладиться жизнью. Грубая восточная роскошь и изнѣженность распространились повсюду между Греками. Въ семъ состояніи нравовъ люди съ возвышенными чувствами не могли найти свойственнаго имъ поприща. Одни изъ нихъ видѣли здѣсь всеобщій развратъ, другіе — совершенную пустоту жизни и чувства. Въ одномъ только равнодушіи ко всему, въ безстрастіи, въ невозмутимости, внутренней свободѣ, независимости духа они искали для себя спасенія. И вотъ именно всемірное нравственное значеніе Философій *Стоической, Эпикурейской, Скептической!* Для каждой изъ нихъ крайнею цѣлюю есть внутренняя независимость духа отъ произшествій внѣшняго міра; но каждая ищетъ сей цѣли по своимъ особеннымъ побужденіямъ, каждая достигаетъ до нее своимъ особеннымъ путемъ и своими средствами.

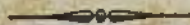
Греки вмѣстѣ съ завоеваннымъ отъ нихъ Восточнымъ міромъ были покорены *Римлянами*. Первоначально господствовала въ Римѣ простота нравовъ, любовь къ общему благу. Но когда онъ устремился къ завоеваніямъ, обогатился отъ награбленной добычи и познакомился со всѣми утонченными искусствами Греціи и Востока; тогда своекорыстныя побужденія такъ же возобладали въ немъ, развратъ сдѣлался такъ же сильнымъ, такъ же всеобщимъ, какъ въ Греціи и на Востокѣ. Философскія системы, около сего же времени образовавшіяся въ Греціи именно въ слѣдствіе подобнаго разврата, т. е. Философія Стоическая и Эпикурейская, были теперь съ радостію приняты и Римлянами. Особенно понятія Стоиковъ, находящіяся въ глубокомъ соотвѣтствіи съ важнымъ характеромъ Римлянъ, такъ распространились между ними, что перешли частію въ собственную ихъ жизнь; и въ семъ-то видѣ Стоическая Философія получила значительное вліяніе и на образованіе понятій Римскаго Законовѣдѣнія (а). Наконецъ Римъ призналъ надъ собою единовластіе Августа. Нужна была вся крѣпость, все грозное могущество Римскихъ Императоровъ, чтобъ возводить ко всеобщему

(а) Ср. Zimmern's Geschichte des römischen Privatrechts bis Justinian. Band I. Abth. 1. Heidelberg. 1826. § 26.

единству тѣ разнородные элементы, изъ коихъ составилаь Римская Держава и изъ коихъ каждый стремился образовать изъ себя особенное средоточіе, чтобъ подавлять бунты въ войскѣ, ограничивать любостыжательность чиновниковъ, укрощать движеніе низкихъ страстей вообще во всѣхъ частныхъ лицахъ.

Въ сіи-то преимущественно времена *Философія* должна была соединиться съ *Религіею*, чтобъ доставить людямъ успокоеніе отъ заботъ, отъ волненій міра. Печальное состояніе распространялось теперь по всему міру и при всеобщей скорби люди искали для себя прибѣжища въ Богѣ. Теперь время было явиться и той *Философін*, которая хотѣла очистить сердце человѣческое отъ естественныхъ влеченій и страстей; которая стремилась для того исторгнуть людей изъ всѣхъ обыкновенныхъ отношеній жизни семейственной, гражданской, Государственной, которая, въ замѣнъ того соединяя ихъ въ совершеннѣйшее общество, устремляла весь ихъ Умъ къ созерцанію Вѣчнаго.

Такимъ образомъ міръ древній прешелъ. Но онъ прешелъ только какъ внѣшнее, видимое явленіе. Внутреннее, духовное начало, сосредоточило наконецъ въ себѣ всю жизнь древнихъ Народовъ. При владычествѣ новой Религіи, среди новыхъ Народовъ оно породило изъ себя новый порядокъ вещей, и возсоздавъ союзъ семейственный, гражданскій, Государственный, проникнуло живымъ духомъ своимъ всѣ отношенія общежитія. Постигнуть сіе новое образованіе человѣческаго общества и связать древнее съ новымъ — есть предметъ *Философін* нашего времени.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Разговоры о Законахъ, издревле приписываемые Платону, дѣйствительно принадлежатъ ему.

II.

Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ предлагаетъ Греческій образъ воззрѣнія на предметы Законодательства.

III.

Аристотелево ученіе о предметахъ Законодательства въ существѣ вещи не весьма много отличается отъ Платонова.

IV.

Невольничество было существенною принадлежностію Греческихъ Республикъ.

V.

Стоическая Философія имѣла на Римское Законовѣдѣніе хотя и не прямое, но значительное вліяніе.

VI.

Въ ученіи Неоплатониковъ представляется самый высшій взглядъ на предметы Законодательства, до какого только достигала Философія у Древнихъ.

2007096520